

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ УКРАИНЫ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. М. П. ДРАГОМАНОВА
НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНЫ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОВЕДЕНИЯ ИМ. А. А. ПОТЕБНИ

Квалификационная научная
работа на правах рукописи

АХМАД ИННА МИХАЙЛОВНА

УДК 81'373'42:159.953.32

ДИССЕРТАЦИЯ
**АССОЦИАТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ
ЦИКЛИЧНЫХ ТЕМПОРОЛЕКСЕМ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Специальность 10.02.02 – русский язык

(035 – Филология (русский язык))

Подается на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Диссертация содержит результаты собственных исследований. Использование идей, результатов и текстов других авторов содержат ссылки на соответствующий источник

_____ И. М. Ахмад

Научный руководитель – Слива Татьяна Васильевна, кандидат филологических наук, доцент

Киев – 2018

АНОТАЦІЯ

Ахмад І. М. Асоціативно-семантичні зв'язки циклічних темпоролексем у російській мові. – Кваліфікаційна наукова праця на правах рукопису.

Дисертація на здобуття наукового ступеня кандидата філологічних наук (доктора філософії) за спеціальністю 10.02.02 – російська мова. – НПУ імені М. П. Драгоманова, Інститут мовознавства імені О. О. Потебні Національної академії наук України, Київ, 2018.

Системність лексики традиційно вивчали крізь призму семантичних категорій у межах семантичних полів. Такий підхід і наразі є актуальним, зокрема щодо визначення принципів, за якими мовні одиниці об'єднані в лексико-семантичні парадигми. Розвиток психолінгвістики й когнітології, що знаменував рух мовознавства в антропоцентричному напрямку, використання нових методів і методик дослідження лексичної системи національної мови сприяли застосуванню інтегрованих підходів до структурування словникового складу. З огляду на це опис особливої лексико-семантичної парадигми – асоціативно-семантичної групи – у межах семасіології з урахуванням екстралінгвістичних чинників, що мають лінгвістичне значення і втілення, видається **актуальним**. Актуальним є також вивчення семантики лексем з погляду психологічних особливостей носіїв мови.

Об'єктом дослідження є особлива лексико-семантична парадигма – асоціативно-семантична група.

Предмет дослідження – семантичні кореляції лексем, що утворюють таку парадигму.

Джерельною базою дисертації є тлумачні й асоціативні словники російської та інших слов'янських мов. Як додаткове джерело даних про вербальні асоціації були залучені результати нескерованого асоціативного експерименту. Ілюстративний матеріал наведено з Національного корпусу

російської мови, а також із творів художньої літератури другої половини XIX–початку XXI ст.

Із урахуванням системного підходу в роботі були використані як універсальні, так і спеціальні **методи** наукового пізнання. Основним власне лінгвістичним методом дослідження був обраний *структурний метод* з його методиками: *компонентного і дефініційного аналізу* – для з'ясування семної організації досліджуваних лексичних одиниць; *ремотиваційного і дистрибутивного аналізу* – для уточнення семантики членів парадигм. *Прийом класифікації* застосовано для моделювання асоціативно-семантичних груп і асоціативно-семантичних структур; *процедура ступінчастої ідентифікації* – для виявлення ієрархії одиниць у їх межах.

Також був використаний *метод опозицій* – для виокремлення інтегральних та диференційних семантичних ознак, за допомогою яких виникає зв'язок рефлексом з каузами, а також для визначення семантичних кореляцій членів парадигм.

Категоріальний аналіз дав змогу виявити принципи відображення в мові позамовної дійсності, що зумовлюють семантичний зв'язок лексем і особливості їх відтворення у мовній свідомості людини. За його допомогою в межах асоціативно-семантичних груп виділено денотативні зони.

Під час аналізу мовного матеріалу був використаний *функційний метод*, зокрема *контекстний аналіз*, для дослідження особливостей актуалізації асоціативно-семантичних зв'язків лексем у контексті.

Для підтвердження наявності асоціативного зв'язку між семантично пов'язаними лексемами було використано *методику вільної асоціації* – проведено нескерований асоціативний експеримент. Для оброблення даних, отриманих унаслідок експерименту, застосовано *процедуру кількісних підрахунків*.

Наукова новизна дисертації полягає в тому, що в ній уперше в межах лексичної семантики: *проаналізовано* семантичні дослідження вербальних асоціацій у вітчизняному та зарубіжному мовознавстві; *виявлено специфіку*

асоціативно-семантичних зв'язків членів однієї лексико-семантичної парадигми; *визначено* фактори (інтра- та екстралінгвістичні), що зумовлюють асоціативні зв'язки лексем і формують склад аналізованих парадигм; *розроблено* типологію асоціативно-семантичних зв'язків лексем, які мають ідентичну семантичну структуру; *сконструйовано* типову асоціативно-семантичну структуру з вершиною-назвою частини доби, виявлено типові денотативні зони в її складі; *з'ясовано* особливості функціонування каузем і рефлексем в одному контексті; *розширено* систему прийомів семантичного аналізу вербальних асоціацій; *надано подальшого розвитку* теорії лексико-семантичних парадигм.

Теоретичне значення результатів дослідження полягає в тому, що вони розширюють уявлення про асоціативно-семантичну групу як форму парадигматичної організації лексики, доповнюють теорію лексико-семантичних парадигм загалом. Вони можуть стати підґрунтям для подальшого вивчення семантичних кореляцій лексем як у межах семантичних, так і у складі асоціативних полів.

Практичне значення одержаних результатів. Опрацьований фактичний матеріал може бути використаний під час укладання семантичних, ідеографічних та асоціативних словників, словників лексичних мінімумів. Також він може бути застосований в різних галузях лінгвістики для дослідження мовної особистості, внутрішнього тезауруса людини, національної специфіки мовної картини світу та ін.

У викладацькій практиці матеріали дослідження стануть корисними у викладанні таких дисциплін, як «Сучасна російська літературна мова» (розділи «Лексикологія», «Лексична семантика»), «Лінгвістичний аналіз тексту», «Лінгвокраїнознавство» і «Лінгвокультурологія», а також під час розроблення спецкурсів із проблем лексикології, семасіології, ідіостилістики та ін.

У пропонованій роботі розглянуто питання системності лексики, історії вивчення вербальних асоціацій у рамках різних наук, зокрема й

лінгвістики; визначено роль асоціації у формуванні лексико-семантичних парадигм, схарактеризовані асоціативно-семантична група і асоціативно-семантична структура як форми парадигматичної організації лексики.

Асоціативно-семантична група, будучи частиною асоціативного поля, об'єднує граматично однорідні лексеми, у семантичній структурі яких представлені однакові елементи: вихідне слово (каузема) корелює з асоціатами (рефлексемами) на рівні гіпер- і гіпосем. Поряд із кауземами в асоціативно-семантичні відношення вступають їхні рефлексми, утворюючи власні асоціативно-семантичні групи. Разом рефлексми різних рівнів, пов'язані асоціативно і семантично з вихідним словом, формують парадигму, яка визначається як *асоціативно-семантична структура*.

У дисертації виділено та досліджено асоціативно-семантичні групи, вершинами яких є назви частин доби. Використання в ролі вихідних слів членів закритої лексико-семантичної групи убачається перспективним, оскільки така парадигма має обмежену кількість членів, а, як відомо, «осягну» ділянку лексики досліджувати зручніше, ніж усю систему загалом. Окрім того, вихідні лексеми мають тотожну семантичну структуру, що визначає склад асоціативно-семантичних груп і структур, які формуються навколо них.

Семантична структура назв частин доби у російській мові – лексем *утро, день, вечер, ночь* – визначалась із застосуванням дефініційного, компонентного, ремотиваційного та дистрибутивного аналізу. Шляхом суцільної вибірки з тлумачних словників було виявлено групу слів, семантично пов'язаних із вихідними словами. Наявність асоціативного зв'язку між лексемами виявлялась за допомогою асоціативних словників і за результатами асоціативного експерименту.

Присутність у семантиці вихідних слів однакових ознак обумовлює формування в межах асоціативно-семантичних структур тотожних денотативних зон, члени яких актуалізують ці ознаки. У дисертації розроблено типологію асоціативно-семантичних зв'язків темпоролексем та

представлено типову асоціативно-семантичну структуру з вершиною-назвою частини доби, виявлено типові денотативні зони в її складі.

Якщо подібність проаналізованих асоціативно-семантичних структур зумовлена подібністю семантики вихідних слів, то відмінності між ними – кількість, склад і обсяг денотативних зон – визначаються передусім екстралінгвістичними чинниками: порядком слідування, метеорологічними особливостями частин доби, специфікою життєдіяльності людини і т. п.

Деякі слова корелюють з різними каузами, тож представлені в різних денотативних зонах як у межах однієї, так і у складі різних асоціативно-семантичних структур. Такі рефлексми номіновані як *поліасоціативні*.

У межах однієї парадигми поліасоціативність зумовлена семантикою рефлексом, а на міжструктурному рівні – позамовними причинами: суміжністю частин доби або їх подібними особливостями.

Проведене дослідження розширює уявлення про такі парадигми, як асоціативно-семантична група і асоціативно-семантична структура, а також про принципи систематизації лексики загалом. Водночас застосований підхід до вивчення асоціативно і семантично пов'язаних слів видається перспективним, оскільки він сприяє удосконаленню методології семантичного аналізу вербальних асоціацій і подальшому розвитку теорії лексико-семантичних парадигм, відкриває перспективи для комплексного дослідження асоціативно-семантичних зв'язків членів різноманітних угруповань лексем, а також слів різних лексико-граматичних класів.

Ключові слова: асоціативно-семантична група, асоціативно-семантична структура, асоціат, сема, семантична ознака, каузма, рефлексема, денотативна зона.

ABSTRACT

Akhmad I. M. Associative-semantic connections of cyclical temporal lexeme in the Russian language. – Qualifying scientific work on the rights of manuscript.

Thesis for obtaining a candidate of philological sciences (doctor of philosophy) scientific degree in specialty 10.02.02 – the Russian language. – M. P. Dragomanov National Pedagogical University, O. O. Potebnya Institute of Linguistics of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kyiv, 2018.

Systemic vocabulary is traditionally studied through the prism of semantic categories within semantic fields. Such an approach is relevant at the present stage of lexical semantics development, particularly in defining the principles in which language units combine into lexical-semantic paradigms. Linguistics movement in the anthropocentrism direction, the new methods of studying national languages lexical system contributed to the creation of a new way of structuring its vocabulary compound. Therefore, given aforementioned description of a special lexical paradigm, the associative-semantic group, taking into account the extra-linguistic factors that currently have linguistic incarnation, is relevant. Equally relevant is the development of the view expressed in the context of psycholinguistics about the systemic lexical composition conditionality of the national language by the psychological features of a person.

The object of research is the associative-semantic group as one of the lexical paradigms types.

Subject of research – semantic correlations of this paradigm members.

The sources of the study are explanatory and associative dictionaries of the Russian and other Slavic languages, the associative experiments results. Illustrative material is taken from the imaginative and special literature, as well as from the National Corps of the Russian language.

Taking into account the system approach in the work, a number of general scientific methods (analysis and synthesis, induction) were used. The main proper linguistic method of research was the structural method with its methods: component (discrete) and definitions analysis – to identify the seminary organization of the studied lexical units; retouching and distributive analysis – to clarify the paradigm members semantics. Admission of classification and systematization, as well as the adoption of paradigms were used to model associative-semantic groups and associative-semantic structures; step-by-step identification procedure – to identify the hierarchy of units within these paradigms.

Also, the method of opposition was used to identify the integral and differential semantic features, through which the connection between reflexeme and the causemas is carried out, as well as to determine the semantic correlations of lexemes within the paradigms.

Categorical analysis allowed to reveal the principles of reflection in the language of extra-ordinary reality, which are the basis of the combination of tokens and determine their connections in the speech consciousness of a man. It uses the structure of associative-semantic groups and their denotational zones are identified.

In the linguistic material analysis, a functional method, in particular context analysis, was used to study the features of associative-semantic lexeme ties actualization in the context.

To confirm associative connection existence between semantically linked tokens, the method of free association was used – an unmanageable associative experiment was conducted. The data obtained processing during such an experiment was carried out using the procedure of quantitative calculations.

The scientific novelty of the thesis is determined by semantic research evaluation of verbal associations in domestic and foreign linguistics; the associative-semantic connections specificity of one lexical-semantic paradigm members is revealed; certain factors (intratracheal and extralinguistic) that

determine the associative relations of lexemes and the composition of the analyzed paradigms; the typology of associative-semantic relations of lexemes having the identical semantic structure is developed. A typical associative-semantic structure with a peak-part of the day was constructed, typical denotational zones were identified in its composition; the analysis of causeme and reflexeme functioning in one context is carried out; the methodology of verbal associations semantic analysis has been improved; the further development of lexical-semantic paradigms theory has been received.

The theoretical significance of the research results is in broadening the notion of an associative-semantic group as a form of paradigmatic vocabulary, complemented by the lexical-semantic paradigms theory in general. In addition, they can become the basis for further study of semantic lexemes correlations within the semantic and as part of associative fields.

Practical value of the results obtained in relation to the actual material can be used in the compilation of semantic, idiographic and associative dictionaries, lexical minima dictionaries.

It may also be the foundation for psychological and psycholinguistic research when studying the internal thesaurus of humans. In teaching practice, the research materials can be used in teaching such disciplines as "Modern Russian Literary Language" ("Lexicology", "Lexical Semantics"), "Linguistic Analysis of the Text"; in the development of special courses on lexicology and semasiology, idiostylistics, and others.

In the proposed work the issues of systemic vocabulary, history of the verbal associations study within the framework of various sciences (including in linguistics) are considered; the role of association in the formation of lexical-semantic paradigms is defined, associative-semantic group and associative-semantic structure are described as forms of paradigmatic organization of vocabulary.

An associative-semantic group, being part of an associative field, unites grammatically homogeneous lexemes, in the semantic structure of which the

identical elements are represented – the source word (cauzeme) is correlated with associates (reflexemes) at the hyperseme and hyposeme levels. Along with the original cauzeme, in their associative-semantic relations, in turn, their reflexemes come into being, forming their own associative-semantic groups. Together, reflexemes of different levels, associated associatively and semantically with the source word (the name of the day part), form a paradigm, which is defined as an *associative-semantic structure*.

In the thesis the associative-semantic structures, the vertices of which are the members of the lexical-semantic group "the day part ", have been identified and studied. Using as source words the closed group members is considered promising, since such a paradigm has a limited number of members, and, as is known, the "catchy" part of vocabulary is more convenient than the entire system as a whole. In addition, source lexeme have a similar semantic structure that determines the composition of the associative-semantic groups and structures that are formed around them.

The semantic structure of the names of the day parts in the Russian language – lexeme *утро*, *день*, *вечер*, and *ночь* – was determined by defining, component, retouching and distributive analysis. Through a continuous sample of exploratory analytic dictionaries, a group of words semantically associated with the original words was discovered. An associative connection presence between the names of the day parts and semantically associated lexemes was manifested through associative dictionaries and the results of associative experiment.

As a result, the composition and structure of four associative-semantic structures, whose vertices are the names of the day parts, were determined. The presence of the original words with the same semantic features in the semantic structure determines the presence of typical denotative zones whose members realize these traits in the associative-semantic structures.

All of the considered paradigms have similar structure due to the similarity of their semantics. In this work, the typology of associative-semantic connections with temporlexes is developed, and a typical associative-semantic structure with a

vertex-part of the day is presented, typical denotational zones in its composition are revealed.

The differences between these paradigms – the quantity, composition and volume of denotative zones – are conditioned, first of all, by extra-linguistic factors: the order of follow-up in time, the meteorological features of the day parts, the specifics of human life, and others.

As with any other paradigm, polysemic lexeme in associative-semantic groups is included in different lexico-semantic variants, while not all of these variants are included in the studied paradigms. In addition, different lexical-semantic variants can be represented in different denotative zones and at different levels of paradigms. Such reflexemes are defined in the work as polyassociativity.

Polyassociativity can be manifested both within an associative semantic group and at interstructure level. Within one paradigm, it is due to the semantics of reflexemes, on the interstructural level due to extra-language reasons, for example, the adjacency of the day parts or similar characteristics. The study broadens the idea of such paradigms as associative-semantic group and associative-semantic structure. The applied approach to associative and semantically related words study is considered promising, since it allows to broaden the notion of lexical-semantic paradigm, as well as the principles of vocabulary systematization as a whole. In the future it is possible to study associative-semantic connections among members of various thematic, lexical-semantic groups, words of different speech parts.

Key words: associative-semantic group, associative-semantic structure, associate, seme, semantic sign, cauzeme, reflexeme, denotative zone.

Список публікацій

1. Ахмад И. М. Актуализация темпоральных семантических признаков в рефлексемах названий частей суток. Наукові записки Ніжинського державного університету імені М. Гоголя. Серія «Філологічні науки». Ніжин, 2015. №1. С. 12–17.
2. Ахмад И. М. Актуализация качественных семантических признаков в рефлексемах названий частей суток. Наукові записки Національного університету «Острозька академія». Серія «Філологічна». Острог, 2016. С. 24–26.
3. Ахмад И. М. Ассоциативно-семантические корреляции лексемы *утро*. Наукові праці Кам'янець-Подільського національного університету імені Івана Огієнка: Філологічні науки. 2017. № 44. С. 33–37.
4. Ахмад И. М. Качественно-предметные рефлексемы названий частей суток. Система і структура східнослов'янських мов. Вип. 12. К.: Вид-во НПУ імені М. П. Драгоманова, 2017. С. 106–115.
5. Ахмад И. М. Цикличные темпорлексемы в их ассоциативно-семантических связях. Теоретичні й прикладні проблеми сучасної філології: збірник наукових праць [за заг. ред. проф. В. А. Глущенко]. Слов'янськ: Вид-во Б. І. Маторіна, 2018. Вип. 6. С. 112–118.
6. Ахмад И. М. Ассоциативно-семантические связи многозначных лексем. Межкультурная коммуникация: теория и практика. Лингвистические и культурологические традиции и инновации. Томск, 2014. С. 10–17.
7. Ахмад И. М. К вопросу об изучении ассоциативно связанных слов в лингвистике. Матеріали IV Міжнародної науково-методичної конференції «Іншомовна освіта у вищій технічній школі: методи, підходи, технології». К., 2014. С. 8–11.
8. Ахмад И. М. Рефлексемы названий частей суток в их полиассоциативных связях. Материалы IV Международной научной конференции «Язык и литература в контексте межкультурной

коммуникации». [Редколлегия Г. К. Хачатрян и др.] Ванадзор: Ванадзорский госуниверситет, 2016. С. 40–46.

9. Ахмад И. М. Квалитативно-предметные рефлексемы слова *утро*. Світ мови – світ у мові: матеріали IV Міжнародної наукової конференції. За заг. ред. Ю. В. Кравцової. К.: Вид-во НПУ імені М. П. Драгоманова, 2017. С. 11–13.
10. Ахмад И. М. Ассоциативно-семантические объединения слов: их специфика и сферы исследования. Духоўная спадчына Усходняга Палесся : зборнік навуковых артыкулаў / рэдкал.: А. М. Воінава (гал. рэд.) [і інш.]; М-ва адукацыі Рэспублікі Беларусь, Гомельскі дзярж. ун-т імя Ф. Скарыны. Гомель: ГДУ імя Ф. Скарыны, 2018. С. 153–157.

СОДЕРЖАНИЕ

СПИСОК УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ.....	19
ВВЕДЕНИЕ.....	20
ГЛАВА 1. АССОЦИАТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ГРУППА КАК ФОРМА ПАРАДИГМАТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЛЕКСИКИ.....	27
1.1. История изучения вербальных ассоциаций.....	27
1.1.1. Ассоциации как объект научных исследований.....	27
1.1.2. Изучение вербальных ассоциаций в психологии.....	29
1.1.3. Изучение ассоциативно связанных слов в лингвистике....	30
1.2. Ассоциативные связи членов лексико-семантических парадигм.....	36
1.2.1. Системные связи лексем.....	36
1.2.2. Роль ассоциации в организации лексико-семантических парадигм.....	39
1.3. Ассоциативно-семантическая группа среди других лексико- семантических парадигм.....	43
1.3.1. Типы ассоциативно-семантических объединений слов.....	43
1.3.2. Принципы формирования ассоциативно-семантических групп.....	47
1.4. Особенности исследования АСГ.....	49
1.4.1. Методы изучения ассоциативно-семантических групп.....	49
1.4.2. Терминологический аппарат семасиологии в исследовании АСГ.....	52
1.5. Лексемы со значением времени как объект изучения в лингвистике.....	56
1.5.1. Время как научная категория.....	56
1.5.2. Система обозначений частей суток в русском языке.....	57
ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ 1.....	59

ГЛАВА 2. АССОЦИАТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА	62
С КАУЗЕМОЙ УТРО	63
2.1. Темпоральные рефлексемы кауземы <i>утро</i>	63
2.1.1. Семантическая структура лексемы <i>утро</i>	
2.1.2. Семантические ассоциации в пределах признаков 'часть суток' и 'следование во времени'	65
2.1.3. Семантические ассоциации в пределах признака 'отрезок времени'	68
2.1.4. Семантические ассоциации в пределах признака 'начальный период'	71
2.2. Квалитативно-темпоральные рефлексемы кауземы <i>утро</i>	72
2.2.1. Семантические ассоциации в пределах признака 'степень освещенности'	72
2.2.2. Семантические ассоциации в пределах признака 'температурный режим'	75
2.3. Квалитативно-темпоральные рефлексемы второго уровня	78
2.3.1. Рефлексемы кауземы <i>свет</i>	78
2.3.2. Рефлексемы кауземы <i>прохлада</i>	84
2.4. Квалитативно-темпоральные рефлексемы третьего уровня	87
2.5. Квалитативно-предметные рефлексемы кауземы <i>утро</i>	89
2.5.1. Семантические ассоциации в пределах признака 'состояние человека'	89
2.5.2. Семантические ассоциации в пределах признака 'состояние природы'	93
2.6. Квалитативно-предметные рефлексемы второго уровня	94
ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ 2	96
ГЛАВА 3. АССОЦИАТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА	
С КАУЗЕМОЙ ДЕНЬ	100
3.1. Темпоральные рефлексемы кауземы <i>день</i>	100
3.1.1. Семантическая структура лексемы <i>день</i>	100

3.1.2. Семантические ассоциации в пределах признака 'часть суток'.....	101
3.1.3. Семантические ассоциации в пределах признака 'следование во времени'.....	105
3.2. Квалитативно-темпоральные рефлексемы кауземы <i>день</i>	106
3.2.1. Семантические ассоциации в пределах признака 'степень освещенности'.....	106
3.2.2. Семантические ассоциации в пределах признака 'температурный режим'.....	109
3.3. Квалитативно-темпоральные рефлексемы второго уровня....	117
3.3.1. Рефлексемы кауземы <i>свет</i>	117
3.3.2. Рефлексемы кауземы <i>полдень</i>	119
3.4. Квалитативно-темпоральные рефлексемы третьего уровня.....	119
3.5. Квалитативно-предметные рефлексемы кауземы <i>день</i>	119
3.5.1. Семантические ассоциации в пределах признака 'состояние человека'.....	119
3.5.2. Семантические ассоциации в пределах признака 'состояние природы'.....	125
3.6. Квалитативно-предметные рефлексемы второго уровня.....	125
ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ 3	127
ГЛАВА 4. АССОЦИАТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА С КАУЗЕМОЙ <i>ВЕЧЕР</i>	131
4.1. Темпоральные рефлексемы кауземы <i>вечер</i>	131
4.1.1. Семантическая структура лексемы <i>вечер</i>	131
4.1.2. Семантические ассоциации в пределах признаков 'часть суток' и 'следование во времени'.....	132
4.1.3. Семантические ассоциации в пределах признака 'отрезок времени'.....	135
4.1.4. Семантические ассоциации в пределах значения 'завершающий этап'.....	139

4.2. Квалитативно-темпоральные рефлексемы кауземы <i>вечер</i>	140
4.2.1. Семантические ассоциации в пределах признака ‘степень освещенности’.....	140
4.2.2. Семантические ассоциации в пределах признака ‘температурный режим’.....	146
4.3. Квалитативно-темпоральные рефлексемы второго уровня.....	148
4.3.1. Рефлексемы кауземы <i>темнота</i>	148
4.3.2. Рефлексемы кауземы <i>прохлада</i>	151
4.4. Квалитативно-темпоральные рефлексемы третьего уровня.....	153
4.5. Квалитативно-предметные рефлексемы первого уровня.....	154
4.5.1. Семантические ассоциации в пределах признака ‘состояние человека’.....	154
4.5.2. Семантические ассоциации в пределах признака ‘состояние природы’.....	160
4.6. Квалитативно-предметные рефлексемы второго уровня.....	167
4.6.1. Рефлексемы кауземы <i>театр</i>	167
4.6.2. Рефлексемы кауземы <i>закат</i>	168
ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ 4	169
ГЛАВА 5. АССОЦИАТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА С КАУЗЕМОЙ <i>НОЧЬ</i>	173
5.1. Темпоральные рефлексемы кауземы <i>ночь</i>	173
5.1.1. Семантическая структура лексемы <i>ночь</i>	173
5.1.2. Семантические ассоциации в пределах признака ‘часть суток’.....	174
5.1.3. Семантическая ассоциация в пределах признака ‘следование во времени’.....	175
5.1.4. Семантические ассоциации в пределах признака ‘отрезок времени’.....	176
5.2. Квалитативно-темпоральные рефлексемы кауземы <i>ночь</i>	177
5.2.1. Семантическая ассоциация в пределах признака ‘степень	

освещенности’	179
5.2.2. Семантическая ассоциация в пределах признака ‘температурный режим’	185
5.3. Квалитативно-темпоральные рефлексемы второго уровня.....	186
5.3.1. Рефлексемы кауземы <i>темнота</i>	186
5.3.2. Рефлексемы каузем <i>луна</i> и <i>звезды</i>	188
5.3.3. Рефлексемы каузем <i>холод</i> , <i>прохлада</i>	189
5.4. Квалитативно-темпоральные рефлексемы третьего уровня.....	190
5.5. Квалитативно-предметные рефлексемы слова <i>ночь</i>	192
5.5.1. Семантические ассоциации в пределах признака ‘человек’	192
5.5.2. Семантические ассоциации в пределах признака ‘состояние природы’	195
5.6. Квалитативно-предметные рефлексемы второго уровня.....	199
ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ 5	203
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	207
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	216
ПРИЛОЖЕНИЯ	242

СПИСОК УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

I. Термины:

1. АОСП – ассоциативно-образное семантическое поле;
2. АСГ – ассоциативно-семантическая группа;
3. АСП – ассоциативно-семантическое поле;
4. АСС – ассоциативно-семантическая структура;
5. АП – ассоциативное поле;
6. АЭ – ассоциативный эксперимент;
7. ЛСВ – лексико-семантический вариант;
8. ЛСГ – лексико-семантическая группа.

II. Лексикографические источники:

1. БАС – Словарь современного русского языка. В 17 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. М. –Л.: Наука, 1948–1965.
2. БТС – Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб: Норинт, 2003. 1536 с.
3. МАС – Словарь русского языка. В 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. / Под. ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981.
4. РАС – Русский ассоциативный словарь. В 2 т. / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002.
5. САС – Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова, Ю. Н. Караулов, Е. Ф. Тарасов. М., 2004. 800 с.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Практически все XX столетие прошло под знаком структурализма, а изучение системно-структурной организации словарного состава национальных языков стало одним из основных направлений в лингвистике. Системность лексики традиционно изучается сквозь призму семантических категорий в рамках семантических полей. Такой подход не исчерпал своей актуальности и на современном этапе развития лексической семантики, в частности в плане определения принципов, в соответствии с которыми языковые единицы объединяются в лексико-семантические парадигмы. Вопросам системности лексики посвящены многочисленные работы А. А. Потебни, Ш. Балли, М. М. Покровского, В. В. Виноградова, Ф. П. Филина, Дж. Лайонза, Р. Х. Роббинса, В. А. Звегинцева, Б. А. Ларина, А. И. Смирницкого, С. Д. Кацнельсона, Р. А. Будагова, Ю. Д. Апресяна, З. Е. Александровой, Л. М. Васильева, Ю. Н. Караулова, А. М. Кузнецова, Э. В. Кузнецовой, Л. В. Малаховского, Л. А. Новикова, Ж. П. Соколовской, А. А. Тараненко, А. А. Уфимцевой, Д. Н. Шмелева и др. В них лексическое значение слова характеризуется не только и не столько путем описания, сколько через отношение к другим словам.

Развитие психолингвистики и когнитологии, которые знаменовали движение языкознания в антропоцентрическом направлении, использование новых методов и методик исследования лексической системы национального языка способствовали созданию нового подхода к структурированию его словарного состава. В свете вышесказанного описание особой лексико-семантической парадигмы – ассоциативно-семантической группы (АСГ) – в русле семасиологии с учетом экстралингвистических факторов, имеющих лингвистическое значение и воплощение, представляется **актуальным**.

Актуальным является также изучение семантики лексем с учетом психологических особенностей носителей языка, о чем свидетельствуют работы Н. П. Бутенко, А. А. Залевской, Ю. Н. Караулова, А. П. Клименко, В. П. Конецкой, М. П. Кочергана, А. А. Леонтьева, А. Р. Лурии, И. В. Родневой, Ю. А. Самарина, Д. И. Тереховой, Н. В. Уфимцевой, Р. М. Фрумкиной, Е. П. Шубина и др., в которых вербальные ассоциации анализируются с учетом семных взаимодействий слов.

Связь работы с научными темами. Диссертационное исследование выполнено в рамках комплексной научной темы Национального педагогического университета имени М. П. Драгоманова «Исследование проблем гуманитарных наук», в русле которой ведется научно-исследовательская работа кафедры славянских языков по комплексной теме «Актуальные проблемы славистики». Тема диссертации утверждена на заседании учёного совета Национального педагогического университета имени М. П. Драгоманова (протокол №8 от 27 марта 2014 г.)

Цель работы – выявить особенности ассоциативно-семантических связей темпоролексем, обозначающих части суток, и разработать их типологию.

Алгоритм достижения цели предполагает решение следующих **задач**:

- проанализировать теоретические основы и методологию исследования вербальных ассоциаций в семасиологии;
- выявить специфику ассоциативно-семантической группы и ассоциативно-семантической структуры (АСС) как лексико-семантической парадигмы;
- путем сплошной выборки из толковых словарей выделить группу лексем, семантически связанных с кауземами; с учетом данных ассоциативных словарей составить реестр ассоциативно-семантических групп;

- определить семантическую структуру анализируемых слов с помощью компонентного, дефиниционного и дистрибутивного анализов, а также через ремотивацию производными словами;
- установить структуру ассоциативно-семантических групп, определив интегральные семантические признаки, связывающие исходные слова с членами парадигмы; выделить в составе парадигм денотативные зоны;
- выявить рефлексемы, посредством которых образуются ассоциативно-семантические группы следующих уровней и формируются ассоциативно-семантические структуры;
- установить, как репрезентируется ассоциативно-семантическая связь каузем и рефлексем в художественном тексте.

Объект исследования – особая лексико-семантическая парадигма – ассоциативно-семантическая группа.

Предмет исследования – семантические корреляции лексем, образующих данную парадигму.

Источниками исследования послужили «Большой толковый словарь русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова и «Русский ассоциативный словарь» под редакцией Ю. Н. Караулова. В отдельных случаях для уточнения семантической структуры лексем в рамках дефиниционного анализа были использованы другие толковые словари, в частности «Словарь современного русского языка» в 17-ти тт., «Словарь русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой, «Большой толковый словарь современного русского языка» Д. Н. Ушакова, а также «Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века» Е. Н. Шагаловой. В качестве дополнительного источника данных о вербальных ассоциациях были использованы результаты проведенного нами свободного ассоциативного эксперимента (АЭ), в котором приняли участие 468 респондентов (студенты вузов г. Киева). В общей сложности было проанализировано более семисот лексем.

Иллюстративный материал приводится из Национального корпуса русского языка, а также из произведений художественной литературы второй половины XIX – начала XXI вв.

Выбор **методов** исследования обусловлен его целью и задачами. Были использованы как универсальные, так и специальные методы научного познания. Основным собственно лингвистическим методом исследования был избран структурный метод с его методиками: *компонентного (дискретного)* и *дефиниционного анализа* – для выявления семной организации исследуемых лексических единиц; *ремотивационного* и *дистрибутивного анализа* – для уточнения семантики членов парадигм. *Прием классификации* применялся для моделирования ассоциативно-семантических групп и ассоциативно-семантических структур; *процедура ступенчатой идентификации* – для выявления иерархии единиц в пределах данных парадигм.

Также был использован *метод оппозиций* – для обнаружения интегральных и дифференциальных семантических признаков, посредством которых осуществляется связь рефлексом с каузами, а также для определения семантических корреляций лексем в пределах парадигм.

Категориальный анализ позволил выявить принципы отражения в языке внеязыковой действительности, положенные в основу объединений лексем и определяющие связи последних в языковом сознании человека. С его помощью определена структура ассоциативно-семантических групп, в их составе выделены денотативные зоны.

Во время анализа языкового материала был использован *функциональный метод*, в частности *контекстный анализ*, для исследования особенностей актуализации ассоциативно-семантических связей лексем в контексте.

Для подтверждения наличия ассоциативной связи между семантически связанными лексемами была использована *методика свободной ассоциации* – проведен ненаправленный ассоциативный

эксперимент. Обработка данных, полученных во время эксперимента, проводилась с применением *процедуры количественных подсчетов*.

Научная новизна диссертации определяется тем, что в ней *впервые* в рамках лексической семантики:

- *совершена* оценка семантических исследований вербальных ассоциаций в отечественном и зарубежном языкознании;
- *выявлена* специфика ассоциативно-семантических связей членов одной лексико-семантической парадигмы;
- *обнаружены* факторы (интра- и экстралингвистические), обуславливающие ассоциативные связи лексем и определяющие состав анализируемых парадигм;
- *разработана* типология ассоциативно-семантических связей лексем, имеющих идентичную семантическую структуру,
- *сконструирована* типовая ассоциативно-семантическая структура с вершиной-названием части суток, выявлены типовые денотативные зоны в ее составе;
- *проведен анализ* функционирования каузем и рефлексем в одном контексте;
- *расширена* система приемов семантического анализа вербальных ассоциаций;
- *получила дальнейшее развитие* теория лексико-семантических парадигм.

Теоретическое значение результатов исследования состоит в том, что они расширяют представление об ассоциативно-семантической группе как форме парадигматической организации лексики, дополняют теорию лексико-семантических парадигм в целом. Они могут стать основой для дальнейшего изучения семантических корреляций лексем как в рамках семантических, так и в составе ассоциативных полей.

Практическое значение исследования заключается в том, что выявленный фактический материал может быть использован при

составлении семантических, идеографических и ассоциативных словарей, словарей лексических минимумов. Также он может быть использован при исследовании языковой личности, внутреннего тезауруса человека, национальной специфики языковой картины мира.

В преподавательской практике материалы исследования могут быть использованы в рамках таких дисциплин, как «Современный русский литературный язык» (разделы «Лексикология», «Лексическая семантика»), «Лингвистический анализ текста», «Лингвострановедение» и «Лингвокультурология», а также при разработке спецкурсов по проблемам лексикологии, семасиологии, идиостилистики и т. п.

Апробация результатов исследования. Результаты исследования обсуждались на 8 международных и всеукраинских научных и научно-практических конференциях: IV Международной научно-методической конференции «Иноязычное образование в высшей технической школе: методы, подходы, технологии» (г. Киев, 28 октября 2014 г.); XIV Международной научно-практической конференции «Лингвистические и культурологические традиции и инновации» (г. Томск, РФ, 12–15 ноября 2014 г.); II Всеукраинской научно-практической конференции «Язык как средство межкультурной коммуникации» (г. Херсон, 15–16 мая 2015 г.); IV Международной научной конференции «Язык и литература в контексте межкультурной коммуникации» (г. Ванадзор, Армения, 13–14 октября 2016 г.); III Международной научно-практической конференции «Текст в современном лингвистическом измерении» (г. Переяслав-Хмельницкий, 26 апреля 2017 г.), VII Международной научной конференции «Язык, культура и социум в гуманитарной парадигме» (г. Каменец-Подольский, 5–6 октября 2017 г.), IV Международной научной конференции «Мир языка – мир в языке» (г. Киев, 26–27 октября 2017 г.), Международной научной конференции «Традиции материальной и духовной культуры Восточного Полесья: проблема изучения и сохранения в постчернобыльское время» (г. Гомель, Беларусь, 18 мая 2018 г.).

Публикации. Основные положения и результаты исследования отражены в 10 публикациях, 5 из которых напечатаны в специализированных изданиях, утвержденных МОН Украины, 3 – в зарубежных изданиях, 2 – в сборниках материалов конференций.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, списка использованных источников и приложений.

ГЛАВА 1

АССОЦИАТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ГРУППА КАК ФОРМА ПАРАДИГМАТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЛЕКСИКИ

1.1. История изучения вербальных ассоциаций

1.1.1. Ассоциации как объект научных исследований. На протяжении многих веков ассоциации изучаются представителями разных наук. Несмотря на то, что сам термин (*ассоциация* – от лат. *associatio* – «соединение», «привязка», «обобщение», «связь с чем-либо») вошел в научный обиход в конце XVII в. благодаря Дж. Локку, о трех типах «сцепления» представлений – по сходству, по контрасту, по смежности в пространстве и во времени – писал еще Аристотель [7]. Как отмечает А. А. Залевская, «идея ассоциации является почти столь же извечной, как и проблема мышления» [73, с. 18].

Первые попытки классифицировать ассоциации, определить их механизм также относятся к XVII в. и связаны с именами Р. Декарта, Т. Гоббса, Б. Спинозы, Д. Гартли, Дж. Милля, Д. Юма и др. Так, Т. Гоббс сводил ассоциации в один класс на основе их смежности. Подобной точки зрения придерживались Д. Гартли, Дж. Милль и Дж. Локк. Д. Юм выделял три типа ассоциаций: по сходству, по смежности в пространстве или во времени и по связи причины и действия. Позже Ф. Гальтон предложил такую классификацию вербальных ассоциаций: слова, вызывающие сенсорные представления, слова, выражающие эмоциональные переживания, и абстрактная лексика [64].

В XVIII в. возникло ассоциативное направление в психологии, в рамках которого в настоящее время под *ассоциацией* понимают связь, образующуюся «при определенных условиях между двумя или более психическими образованиями (ощущениями, двигательными актами,

восприятиями, представлениями, идеями и т. п.); действие этой связи – актуализация ассоциации – состоит в том, что появление одного члена ассоциации регулярно приводит к появлению другого (других). Психофизиологической основой ассоциации считается условный рефлекс» [275, с. 38–39].

В лингвистике об ассоциациях одними из первых заговорили представители психологического направления, в частности В. Вундт, согласно которому, наиболее важным законом изменения значения является закон ассоциаций, которые сводятся к трем основным процессам: связи по подобию, связи по смежности во времени и в пространстве и изменению несовместимых элементов [55]. Его ученик М. Траутшольдт разделял ассоциации на внешние и внутренние. Внешние ассоциации в свою очередь делятся на ассоциации одновременных представлений (например, целое – часть) и ассоциации последовательных представлений (слово + слово = словосочетание, предложение); внутренние ассоциации – на ассоциации, члены которых состоят в отношении вида к роду (*луна – дерево*), ассоциации, члены которых состоят в отношении соподчинения (*береза – тополь*) и ассоциации, члены которых состоят в отношении причины и следствия, цели и средства: (*говорить – жуть*). Другой его ученик – Х. Мюнстерберг – классифицировал ассоциации по частям речи. Б. Бурдон выделял ассоциации по значению, фонетические ассоциации и грамматические ассоциации [64].

Г. Шпербер отмечал, что при изучении структуры лексического значения слова значительную помощь может оказать экспериментальная психология, с ее интересом к ассоциативным связям слова [123, с. 23]. Ученый одним из первых обратил внимание на необходимость объединения собственно лингвистических и психологических методов изучения семантики языковых единиц, что привело со временем к созданию особой науки – психолингвистики. В дальнейшем лексическое значение с опорой

на законы ассоциации изучали также Ст. Ульманн и Э. Велландер и др. [77, с. 79]

Говоря о внимании лингвистов к законам ассоциации, нельзя не вспомнить и Ш. Балли, который отмечал, что «языковая система представляется нам в виде обширной сети постоянных мнемонических ассоциаций, весьма сходных между собой у всех говорящих субъектов, – ассоциаций, которые распространяются на все части языка от синтаксиса, стилистики, затем лексики и словообразования до звуков и основных форм произношения» [25, с. 30–31]. Среди отечественных лингвистов о существовании систем слов, объединенных на основе ассоциативно-психологических связей, писал А. А. Потебня: «...различные восприятия при известных условиях ассоциируются, соединяются между собою, так что одно, которое мы вспомнили, приводит на память другие» [168, с. 50].

Г. А. Мартинович отмечает, что на рубеже XIX–XX вв. изучение вербальных ассоциаций развивалось в двух направлениях – психологическом (Г. Кент, А. Розанов, Д. Диз, Дж. Миллер, Ч. Кофер и др.) и лингвистическом (А. А. Потебня, И. А. Бодуэн де Куртенэ, Н. В. Крушевский, М. М. Покровский и др.) [137, с. 1].

1.1.2. Изучение вербальных ассоциаций в психологии. Особое внимание словесным ассоциациям уделяли прежде всего психологи и психиатры. Основным способом исследования при этом выступал ассоциативный эксперимент. Считается, что первый такой эксперимент был проведен в 1879 г. Ф. Гильтоном, однако его результаты так и не были опубликованы. В дальнейшем его активно использовали в своей клинической практике К. Юнг и З. Фрейд. С его помощью устанавливались законы мышления, изучались особенности психики человека, формулировались ассоциативные нормы в рамках психиатрии и патопсихологии, исследовалось вербальное поведение личности, особенности формирования речевой способности, специфика познавательного процесса человека и т. п.

Одним из первых психологический и лингвистический анализ ассоциаций объединил Д. Диз. Он использовал АЭ при изучении семантической структуры слов, при этом ввел в научный обиход понятие «ассоциативного значения». Согласно его теории, именно ассоциативная связь лексем определяет «глубинную структуру лексикона» [73, с. 20]. По мнению А. А. Леонтьева, выделяемые в ходе АЭ факторы объединения слов являются не чем иным, как семантическими компонентами лексем, что свидетельствует о единстве психологической природы семантических и ассоциативных особенностей слов [там же].

Идеи Д. Диза развивали в своих исследованиях Дж. Миллер, А. А. Леонтьев, Д. Слобин, Дж. Грин, С. Эрвин-Трипп и др. Так, Дж. Миллер, предложил достаточно детальную классификацию ассоциативных отношений лексем, среди которых: контраст (*мокрый – сухой*), сходство (*храбрость – смелость*), соподчинение (*яблоко – персик*), обобщение (*помидор – овощи*), ассонанс (*год – кот*), часть – целое (*день – неделя*), дополнение (*железная – дорога*), эгоцентризм (*успех – надо, одиночество – никогда*), однокоренные слова (*глубокий – глубина*), предикация (*собака – лаять*). В конце концов, исследователь заключает: «Вероятно, слова связаны друг с другом множеством неисповедимых путей» [194, с. 141].

В дальнейшем АЭ все чаще стали использовать в лингвистике для обнаружения парадигматических и синтагматических связей между словами, выявления семантических компонентов, определения строения внутреннего тезауруса человека и т. п. Многие исследователи (как лингвисты, так и психологи и психолингвисты) предлагали свои классификации ассоциаций (А. М. Гвоздев, О. В. Иванова, А. П. Клименко, А. А. Леонтьев, А. Р. Лурия, И. В. Роднева, Ю. А. Самарин, Т. Слама-Казаку, Н. В. Уфимцева, Е. П. Шубин, Г. С. Щур и др.).

1.1.3. Изучение ассоциативно связанных слов в лингвистике. Одним из наиболее существенных исследований

вербальных ассоциаций стало исследование представителя Казанской лингвистической школы Н. В. Крушевского, проведенное еще 80-е годы XIX в. Ученый выделил два основных типа ассоциаций – *непосредственные* и *посредственные*. К *непосредственным* ассоциациям он отнес:

– *ассоциации по сходству*, причем «это сходство будет не только внешнее, т.е. звуковое, или структурное, морфологическое, но и внутреннее, семасиологическое... всякое слово способно, вследствие особого психологического закона, и возбуждать в нашем духе другие слова, с которыми оно сходно, и возбуждаться этими словами» [111, с. 65].

– *ассоциации по смежности* – «мы привыкаем употреблять данное слово чаще с одним нежели с другим словом» [там же].

Н. В. Крушевский также отмечал, что «всякое слово связано двойного рода узами: бесчисленными связями сходства со своими родичами по звукам, структуре или значению и столь же бесчисленными связями смежности с разными своими спутниками во всевозможных фразах; оно всегда член известных гнезд или систем слов и в то же время член известных рядов слов» [111, с. 145], «если, вследствие закона ассоциации по сходству, слова должны укладываться в нашем уме в системы или гнезда, то, благодаря закону ассоциации по смежности, те же слова должны строиться в ряды» [111, с. 65]. Таким образом, ученый разграничил два основных типа отношений между лексемами и два основных типа ассоциаций, которые в современной терминологии называются соответственно отношениями / ассоциациями *парадигматическими* и *синтагматическими*.

Под *посредственными* ассоциациями лингвист понимает словесные ассоциации, определяемые отношениями между реалиями внеязыковой действительности, обозначенными словами. По его мнению, «...слово есть знак вещи. Представление о вещи и представление о слове, обозначающем эту вещь, связывается законом ассоциации в неразлучную пару» [там же, с. 67].

Идея о том, что слова в нашем сознании объединяются в определенные группы, отражая системность явлений окружающего мира, в дальнейшем нашла свое продолжение в тематических классификациях лексем (Ф. П. Филин [221], И. П. Слесарева [189], А. И. Смирницкий [195], Д. Н. Шмелев [231; 232], Г. С. Щур [236] и др.)

Среди наиболее известных исследователей вербальных ассоциаций следует отметить другого русского лингвиста рубежа XIX–XX вв. М. М. Покровского. Ученого прежде всего интересовала роль ассоциаций в организации лексикона человека. Он отмечал, что в сознании человека слова объединяются на основе их сходства по форме и содержанию, а также их противоположность. Кроме того, именно сходные ассоциации, по мнению М. М. Покровского, обуславливают сходные изменения в семантике слов [159].

В своих трудах М. М. Покровский неоднократно обращал внимание на тот факт, что словесные ассоциации во многом обусловлены экстралингвистическими факторами, а именно особенностями психики человека, историей и культурой народа, связями предметов во внеязыковой действительности и т. д. Как отмечает ученый, «слова, служащие для обозначения этих предметов, ассоциированы между собою в языке и, конечно, потому, что соответствующие предметы ассоциированы в человеческом сознании» [159, с. 28].

Идеи Н. В. Крушевского и М. М. Покровского стали основой для дальнейших исследований вербальных ассоциаций, внимание к которым то находилось в центре внимания ученых, то передвигалось на периферию научного поиска.

Очередной «всплеск» в исследовании ассоциаций произошел в середине XX в. с развитием новой научной отрасли – психолингвистики. Исследователи (среди них А. А. Залевская, Ю. Н. Караулов, А. П. Клименко, И. В. Роднева, А. Е. Супрун, Д. И. Терехова, Л. Н. Титова, П. В. Чесноков и другие) «взяли на вооружение» психологические методы, а среди них и АЭ,

с помощью которого пришли к выводу, что законы ассоциации позволяют объяснить многие семантические процессы, происходящие как в пределах лексемы, так и в группах слов.

Так, вслед за Н. В. Крушевским, А. А. Леонтьев выделяет два типа ассоциаций – парадигматические (*стол – стул*) и синтагматические (*небо – голубое*) [267, с. 6]. В основе такой классификации лежит лингвистическая особенность лексем, а именно их принадлежность к определенной части речи (в терминологии А. А. Леонтьева – «грамматическому классу»). По мнению ученого, парадигматические ассоциации возникают внутри одного класса, то есть между словами одной части речи, а синтагматические – между словами разных классов [127, с. 50].

В дальнейших исследованиях был выделен третий тип ассоциаций, который А. П. Клименко обозначила как «аграмматический», или «тематический» (последний использует и И. Г. Овчинникова [156]), поскольку «слова, включаемые в ряд ассоциаций третьего типа, могут быть употреблены в некотором тексте вместе в рамках изложения одной темы» [94, с. 53]. Г. А. Мартинович отмечает, что в своих исследованиях А. А. Леонтьев «связывает данное разграничение исключительно с идеей грамматического класса и ничего не говорит о необходимости образования грамматически правильных словосочетаний. Поэтому ассоциативные пары *знамя – красный* и *знамя – красное* следует, очевидно, одинаково считать синтагматическими. Если же исходить из формального критерия образования / необразования правильных словосочетаний, то ассоциативная пара *красный – знамя* – тематика, а пара *красное – знамя* – синтагматика или *билет – в кино* – синтагматика (*билет в кино*), а *билет – кино* – парадигматика (одна часть речи) и т. п. Наиболее же неопределенным, на наш взгляд, оказывается в этом случае как раз третий тип словесных реакций» [138, с. 4].

Выделению данного типа способствовали исследования ассоциативных структур в связи с анализом особенностей порождения и

построения текста, что вполне логично, поскольку «слово существует для использования в тексте и оно всегда готово к употреблению» [95, с. 9].

Несмотря на то, что данная классификация оказала большое влияние на дальнейшие исследования вербальных ассоциаций, Г. А. Мартинович считает термин «тематический» не совсем удачным, поскольку такого рода трехчленная классификация «оказывается разнородной, так как в ней в один ряд произвольно выстраиваются разнопризнаковые группы – члены деления общего понятия (синтагматика – парадигматика – тематика)» [138, с. 5]. Кроме того, по мнению ученого, «она практически никак не отражает категориальных признаков ассоциаций вообще и, следовательно, никак не соотносится с их основной (общепринятой) классификацией, оторвана от этой классификации» [там же].

Следует отметить, что наряду с упомянутыми тремя основными типами вербальных ассоциаций ученые выделяют и другие их разновидности: грамматические, словообразовательные, фонетические, реминисцентные и др. [94, с. 52–53]. Однако с учетом всего вышеизложенного Г. А. Мартинович полагает, что все виды вербальных ассоциаций могут быть сведены к двум наиболее общим – «ассоциаций по смежности (во времени или пространстве) и ассоциаций по сходству, определяемых на основе учета формальных, функциональных и содержательных признаков» [138, с. 5]. В итоге, с учетом опыта предшественников, он предлагает следующую классификацию:

1. *Ассоциации по смежности*, к которым относятся ассоциативные пары слов, не имеющих общих существенных признаков в своем содержании (например, *бабушка – блины*), в том числе и ассоциации по принципу часть – целое (например, *бабушка – морщины*). Именно такие ассоциации обозначены А. П. Клименко как тематические. Г. А. Мартинович полагает, что более точным названием для них будет *ассоциации метонимического типа*.

2. *Ассоциации по сходству*, которые представляют слова-ассоциаты, имеющие общие семы. Такие ассоциации ученый обозначает как *ассоциации метафорического (или эпитетного) типа*. Они представлены двумя подтипами:

- *детерминационные ассоциации* (ассоциации эпитетного типа) – пары таких слов, в которых содержание одного члена входит в содержание второго члена в качестве одного из признаков этого содержания (*бабушка – старая, бабушка – вяжет* и т. п.). Чаще всего это слова разных частей речи;
- *классификационные ассоциации* (ассоциации метафорического типа) – пары слов, имеющих в своем содержании как минимум один общий существенный признак (*бабушка – дедушка, бабушка – старушка, белый – черный, белый – цвет, бежать – идти, голова – чурбан, хлеб – пища* и т. п.) [138, с. 5–6].

В эту схему «укладываются» ассоциации разных типов. Так, фонетические ассоциации типа *дом – том* и грамматические *дом – дома* представляют собой ассоциации по формальному сходству, а словообразовательные *дом – домашний* имеют общие элементы (то есть сходство) и формы, и содержания.

Как видим, несмотря на то, что изучение ассоциаций уходит корнями в далекое прошлое, интерес к их изучению не ослабевает и в настоящее время. Развитие принципа антропоцентризма способствовало внедрению в научный инструментарий лингвистов новых приемов исследования языкового материала, среди которых представлен и ассоциативный эксперимент. С его помощью семасиологи изучают семантику лексем; выявляют компоненты значения, которые не обнаруживаются с помощью дефиниционного и компонентного анализов; анализируют парадигматические и синтагматические связи слов и т. п. Кроме того, лингвистами разработан ряд классификаций вербальных ассоциаций. Однако, несмотря на их разнообразие, все они сводятся к двум инвариантным – ассоциациям по смежности и по сходству. Первые

определяют парадигматические отношения языковых единиц, вторые – синтагматические. Разные подходы к изучению вербальных ассоциаций рассмотрены нами также в статье «Изучение ассоциативно связанных слов в лингвистике» [12].

1.2. Ассоциативные связи членов лексико-семантических парадигм

1.2.1. Системные связи лексем. Каждое слово в языке существует не само по себе, а как член лексической системы, элементы которой связаны определенными отношениями, образуя разного рода парадигмы. Исследованию системности лексики и описанию лексических парадигм посвящены многочисленные работы А. А. Потебни, М. М. Покровского, В. В. Виноградова, Ф. П. Филина, З. Е. Александровой, Ю. Д. Апресяна, Р. А. Будагова, Л. М. Васильева, В. А. Звягинцева, Ю. Н. Караулова, С. Д. Кацнельсона, А. М. Кузнецова, Л. В. Малаховского, Л. А. Новикова, А. И. Смирницкого, Ж. П. Соколовской, А. А. Тараненко, А. А. Уфимцевой, Д. Н. Шмелева и многих других исследователей.

О различных отношениях единиц языка лингвисты начали говорить на рубеже XIX – XX вв. Системность связей языковых элементов – одно из ключевых положений структурной лингвистики, основы которой были заложены Ф. де Соссюром. По мнению швейцарского лингвиста, истинную природу языковых знаков можно постичь только в рамках системы языка, противопоставляя знаки друг другу. «В языке нет ничего, кроме различий: в языке имеются только различия без положительных членов системы. И понятие и звуковой материал, заключенные в знаке, имеют меньше значения, нежели то, что есть вокруг него в других знаках. Отличительные свойства единицы сливаются с самой единицей: язык есть форма, а не субстанция» [198].

Одним из основных положений концепции системности языка И. А. Бодуэна де Куртенэ является разграничение языка как потенциальной системы упорядоченных структурных элементов и категорий и языковой деятельности, реализующей эту систему [28; 29].

Идеи ученого легли в основу учения о двух типах организации языковых единиц – парадигматическом и синтагматическом, что развивалось его последователями, в частности Н. В. Крушевским. Последний в учении о системности языка рассматривал ассоциативные связи по сходству и по смежности, то есть парадигматические и синтагматические [111].

А. А. Потебня в своих научных воззрениях исходил из понимания языка как системы тесно взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов, находящихся в соответствующих взаимоотношениях и взаимозависимостях. Системные отношения, по его мнению, не являются внешним фактором для компонентов системы, а входят в эти элементы, являясь их качественной характеристикой. Именно А. А. Потебня обратил внимание на необходимость изучения лексических значений в пределах системы слов [168].

Такой подход высоко оценил В. В. Виноградов, который отмечал, что «слово относится к действительности, отражает ее и выражает свои значения не изолированно, не в отрыве от лексико-семантической системы данного конкретного языка, а в неразрывной связи с ней, как ее составной элемент» [49, с. 171]

О том, что «...история значений известного слова будет для нас только тогда понятной, когда мы будем изучать это слово с другими словами, синонимическими с ним, и главное, принадлежащими к одному и тому же кругу представлений» еще в конце XIX в. писал М. М. Покровский [159, с. 95].

Первые научные работы, в которых излагались идеи существования системных отношений между лексическими единицами, появились еще в

начале XX в. Работы Р. Мейера, К. О. Эрдмана, Г. Шпербера предвосхитили научные идеи о существовании лексических объединений слов и о факторах, объединяющих слова в их пределах. Однако окончательно понимание лексики как системы оформилось лишь к середине XX в., когда в языкознании окончательно закрепилось понятие семантического поля. Ранее такие особенности, как открытый состав, неопределенное количество компонентов, зависимость от внеязыковых условий и т. п., не позволяли говорить о возможности систематизации лексики на основе собственно лингвистических факторов.

Термин «семантическое поле» в начале 20-х гг. XX ст. использовал Г. Ипсен, однако основателем теории семантического поля считается Й. Трир [280, с. 380]. Среди его продолжателей особо следует отметить еще одного основоположника структурной семантики – Л. Вайсгербера. Одной из основных идей его концепции была следующая: значение слова не может быть полноценно сформулировано без сравнения со значениями единиц одного семантического поля [38].

Во второй половине XX в. проблемы системности лексики сквозь призму семантического поля изучали Ш. Балли [25], Дж. Лайонз [122], Р. Х. Робинс [243], В. В. Виноградов [49], Л. М. Васильев [42; 43], Ю. Н. Караулов [86; 88], С. Д. Кацнельсон [92], В. И. Кодухов [100], Э. В. Кузнецова [119], А. И. Кузнецова [118], А. И. Смирницкий [195], А. А. Уфимцева [213], Ф. П. Филин [220], Д. Н. Шмелев [231; 232] и многие другие.

Одним из основных свойств семантического поля является наличие семантических отношений между его составляющими. Таким образом, представление о лексике как о структурированной системе, как о совокупности семантических полей способствовало активизации исследования различных корреляций лексем в пределах этих полей. Данный подход соответствует одному из основных общенаучных методов познания – индукции, то есть рассуждению от частного к общему: лексический состав

в целом изучается через образующие его микросистемы. Кроме того, как отмечает В. П. Сидельников, «обозримый» участок лексики гораздо проще исследовать, нежели «глобальную» лексическую систему в целом [185, с. 72].

1.2.2. Роль ассоциации в организации лексико-семантических парадигм. С применением психолингвистических методик для изучения языковых единиц было установлено, что слова, связанные посредством ассоциации, часто имеют и смысловую близость.

Как отмечалось выше, в российском языкознании одним из первых обратил внимание на два типа отношений между элементами лексической системы (парадигматические и синтагматические) Н. В. Крушевский. При этом ученый развивал идеи своего учителя и старшего коллеги, другого представителя Казанской лингвистической школы, И. А. Бодуэна де Куртенэ, который настаивал на необходимости различать отношения «по горизонтали» (сопоставление слов) и «по вертикали» (последовательная смена лексем) [29, с. 56–66]. Он также высказывался о парадигматическом плане в отношениях языковых единиц, в которые они вступают на основе ассоциаций по сходству, образуя при этом определенным образом организованные группы, и синтагматическом плане, в основе которого лежат ассоциации по смежности, который представляет собой линейное образование, а именно грамматически организованный поток речи [там же].

Такой подход перекликался с учениями об ассоциативных и синтагматических отношениях Ф. де Соссюра, парадигматических и синтагматических отношениях Л. Ельмслева, отношениях селекции и комбинации Р. О. Якобсона (отметим, что Р. О. Якобсон концепцию Н. В. Крушевского оценивал выше, нежели концепцию Ф. де Соссюра, отмечая ее целостность и систематичность [239]).

Так, Ф. де Соссюр писал о двух основных видах отношений между единицами языка — синтагматических и ассоциативных. Первые

представляют собой линейные образования – совокупности единиц, расположенных одна за другой в потоке речи, то есть сосуществующих во времени, по словам лингвиста, «в равной степени наличных в актуальной последовательности» [198, с. 120]. Вторые – соотносятся вне процесса речи и, соответственно, вне времени. Как пишет ученый, «вне процесса речи слова, имеющие между собою что-либо общее, ассоциируются в памяти так, что из них образуются группы, внутри которых обнаруживаются весьма разнообразные отношения» [там же]. В основе этих отношений сходство единиц по форме и / или по содержанию. Совокупность ассоциативных и синтагматических отношений, согласно Ф. де Соссюру, «составляет язык и определяет его функционирование» [там же].

Развивая идеи швейцарского лингвиста, Л. Ельмслев также выделял два типа отношений между единицами языка – синтагматические (отношения между единицами в тексте) и парадигматические (отношения между единицами, которые могут занимать одну и ту же позицию в тексте). При этом парадигматические отношения он относил к плану языка, а синтагматические – к речи. Согласно точке зрения ученого, члены парадигм находятся в отношениях дизъюнкции, а члены синтагм – конъюнкции.

Продолжателем идей Ф. де Соссюра был и Р. О. Jakobson. Согласно его точке зрения, «в каждом языковом знаке обнаруживается два вида операций. 1) *Комбинация*. Любой знак состоит из составляющих знаков и/или встречается только в комбинации с другими знаками. Это означает, что любая языковая единица одновременно выступает и в качестве контекста для более простых единиц и/или находит свой собственный контекст в составе более сложной языковой единицы. <...> 2) *Селекция*. Выбор между альтернативами предполагает возможность замены одной альтернативы на другую, эквивалентную первой в одном отношении и отличную от нее в другом» [238, с. 114].

Д. Н. Шмелев в своих работах, посвященных исследованию лексической системы, также писал о «линейных» (синтагматических) и

«ассоциативных» (парадигматических) отношениях [231, с. 191]. Таким образом, под парадигматическими отношениями языковых единиц (в том числе и лексем), в лингвистике понимают отношения, основанные на разного рода ассоциациях.

Подобный взгляд на парадигматические отношения нашел отражение и в лексикографических изданиях. Так, О. С. Ахманова в «Словаре лингвистических терминов» термин *ассоциативный план* представляет как синоним термина *парадигматика* [246, с. 324]. Е. С. Кубрякова в энциклопедическом словаре «Языкознание» определяет *парадигму* как «любой класс лингвистических единиц, противопоставленных друг другу и в то же время объединенных по наличию у них общего признака или вызывающих одинаковые ассоциации...» [280, с. 366].

Таким образом, ко второй половине XX в. ученые окончательно утвердились в мнении о том, что ассоциативно связанные слова часто бывают связаны семантически (работы А. А. Залевской, Ю. Н. Караулова, А. П. Клименко, В. П. Конецкой, И. В. Родневой, Д. И. Тереховой, Н. В. Уфимцевой и др.). Более того, наличие у слов общих элементов значения является одним из факторов, определяющим возникновение ассоциаций (вспомним слова Ф. де Соссюра о том, что «ассоциация может сближать слова, связанные между собою только по смыслу» [198, с. 133], то есть именно значение слова определяет его ассоциативные связи.

О том, насколько важным является изучение семантических ассоциаций и в когнитивном, и в коммуникативном аспекте, писал М. П. Кочерган. Ученый обращал внимание на тот факт, что кроме сем, вычленяемых путем компонентного анализа, в словах выделяется «семантический остаток», который не поддается описанию в рамках компонентного анализа. Пренебрежение им может вызвать коммуникативные преграды, поскольку иногда он имеет принципиальное значение, и, как правило, связан он с понятием семантической ассоциации [105, с. 160]

Опираясь на результаты многочисленных исследований в области лексической семантики, Т. В. Слива пришла к выводу, что в основе парадигматических отношений лексем лежат различные типы вербальных ассоциаций [191]. Так, по словам Д. Н. Шмелева, «значения многозначного слова объединяются в семантическое единство благодаря определенным отношениям, которые существуют между ними на основе общих семантических ассоциаций (метафора, метонимия, функциональная общность)» [231, с. 71]. У омонимов ассоциации возникают на уровне формы. Члены синонимической парадигмы связаны ассоциациями по сходству: «параллельные значения слов-синонимов являются закреплением в языке закона смысловых ассоциаций, в силу которого слова со сходным значением могут иметь сходную семасиологическую историю и новое значение слова распространяется на другие слова данной семантической сферы» [224, с. 182]; а антонимической – по противоположности: «противоположные значения ассоциируются с именем одного и того же понятия» [25]. Для членов тематической, гиперо-гипонимической, лексико-семантической групп основой для возникновения ассоциаций выступает гиперсема [193]. Выводы, к которым пришла Т. В. Слива, коррелируют с постулатом Ю. Н. Караулова: «Ассоциация является необходимой предпосылкой существования семантической связи: если есть семантическая связь, то есть и ассоциация, но обратное неверно» [86, с. 180].

Таким образом, в настоящее время не вызывает сомнения наличие семантической связи между ассоциативно связанными словами. Более того, различные типы вербальных ассоциаций лежат в основе парадигматических отношений лексем. Это значит, что семантическая связь лексем является основной предпосылкой для их ассоциирования.

1.3. Ассоциативно-семантическая группа среди других лексико-семантических парадигм

1.3.1. Типы ассоциативно-семантических объединений слов. Анализ научных источников (работ Н. П. Бутенко [65], И. Гоцынец [66], А. П. Клименко [93], В. П. Конечкой [102; 103], М. П. Кочергана [105], И. В. Родневой [170–176], Е. В. Сергеевой [184], Д. И. Тереховой [208; 209], Н. В. Уфимцевой [213; 214], Е. П. Шубина [235] и др.) показал, что изучение семантической близости ассоциативно связанных слов является актуальным направлением лингвистики в настоящее время. Более того, в рамках лингвистической семантики возникло особое направление – ассоциативная семантика. Ученые выявляют принципы классификации ассоциативно связанных единиц языка, их типологию, семантические отношения между ассоциантом и ассоциатами и т.п. Благодаря развитию данной отрасли науки о значении слова в научный обиход вошли понятия *ассоциативный ряд* (АР), *ассоциативное поле* (АП), *ассоциативно-семантическое (ассоциативно-смысловое) поле* (АСП), *ассоциативно-образное семантическое поле* (АОСП), *ассоциативно-семантическая группа* (АСГ) и др.

Как известно, понятие *ассоциативное поле* ввел в научный обиход Ш. Балли, который писал, что «языковая система представляется нам в виде обширной сети постоянных мнемонических ассоциаций, весьма сходных между собой у всех говорящих субъектов, – ассоциаций, которые распространяются на все части языка от синтаксиса, стилистики, затем лексики и словообразования до звуков и основных форм произношения» [25, с. 30–31]. Он же предложил различать *ближние* и *дальние* ассоциации: «...небо скорее наводит на мысли о звезде, туче, синем и т. д., чем о дороге или доме» [там же, с. 57]. В современной лингвистике в таком случае речь идет о семантическом пространстве между ассоциантом и ассоциатом.

В. Порциг оперировал термином *ассоциативный ряд*, который, по мнению ученого, образуется на основе сочетаемости слов в речи [236, с. 181].

В дальнейшем лингвисты по-разному рассматривали группы ассоциативно связанных слов: и как составляющие семантического поля [121; 163], и как само семантическое поле, и как семантическое окружение слова [65; 66]. Трудно согласиться с таким подходом, поскольку понятие *ассоциативного поля* шире, нежели понятие *семантического поля*, которое, как известно, объединяет лексемы, содержащие общий семантический признак.

Под *ассоциативным полем* в лингвистике в настоящее время понимают «совокупность ассоциатов, т. е. реакций на слово-стимул» [255]. Как и любая полевая структура, АП состоит из ядра, которое образуют наиболее частотные реакции, и периферии. Как отмечает Т. В. Жеребило, в ассоциативном поле отражаются лингвистические параметры слова, его семантические, тематико-ситуативные и оценочно-прагматические связи, значимые в текстообразовании, а также коммуникативные свойства слов [256]. Возникновение ассоциаций обусловлено как собственно лингвистическими (спецификой лексического значения; стилистической маркированностью; грамматическими особенностями; фонетической оформленностью слов и т. п.), так и экстралингвистическими факторами (творческой активностью языковой личности; тематической и ситуативной ориентацией лексических единиц) [там же].

В. П. Абрамов дифференцирует ассоциативные поля по следующим параметрам:

- по характеру носителей – общие и персональные АП;
- по актуальности – постоянные (традиционные) и временные АП;
- по структуре – простые (элементарные) и сложные АП;
- по способу формирования – естественные и искусственные АП;
- по сфере применения – наивные и научные АП;

– по степени мотивированности ассоциаций – обязательные и произвольные АП [1].

Н. П. Бутенко отмечает четкое структурирование ассоциативного поля, в пределах которого ассоциаты распределяются в соответствии с так называемыми *ассоциативными линиями*, которые образуются в ядре поля и находят продолжение на периферии. Выделяют три типа таких линий:

– семантические, в которых стимул и реакция связаны определенным типом семантических отношений;

– грамматико-словообразовательные (в терминологии Н. П. Бутенко) либо ассоциативно-деривационные (в терминологии М. П. Кочергана), в которых с учетом грамматических свойства слова-стимула образуются слова, связанные с ним различными словообразовательными отношениями;

– синтагматические, в которых стимул вызывает реакции, образующие с ним естественные словосочетания в пределах определенного контекста [65; 66].

Наряду с понятием АП, лингвисты все чаще оперируют понятием *ассоциативно-семантическое (ассоциативно-смысловое) поле*. Е. В. Сергеева определяет его как «поле, в котором вокруг общего семантического признака объединяются не только единицы, включающие в семантическую структуру данный признак, но и единицы, ассоциативно с ним связанные» [184, с. 34]. Согласно Л. Н. Чурилиной, АСП – это «проекция концепта на индивидуальный лексикон, в состав которого входят все лексические единицы, составляющие ближайший контекст имени концепта» [226].

Н. С. Болотнова в пределах поля выделяет три ступени:

- 1) вершину поля – номинат концепта;
- 2) текстовые смыслы;
- 3) текстовые ассоциаты [255].

Чаще всего ассоциативно-семантические поля концептов попадают в поле зрения ученых в связи с изучением идиостиля того или иного автора, индивидуально-авторского осмысления концепта, в связи с чем возникает понятие *ассоциативно-смыслового поля текста (АСП)*. Как отмечает В. В. Рожков, «АСП возникает на основе ассоциативного поля писателя, которое отличается своеобразием, и представляет связи в национальной концептосфере иначе, в соответствии с замыслом писателя. АСП – инструмент концептуального анализа текста, и в какой-то мере концептосферы писателя, степень соответствия концептосферы и отдельных концептов текста и писателя может быть различной» [177]. В процессе чтения в сознании читателя происходит «ассоциативное развертывание текста», которое, согласно Н. С. Болотновой, представляет собой сложно организованную «сеть ассоциатов в сознании читателей, стимулированных текстовыми структурами разного типа (прежде всего лексическими), включая ключевые слова, стимулированное его лексической структурой» [30, с. 36]. Иными словами, АСП является средством декодирования и толкования текста [177].

Ассоциативные связи лексем лежат в основе формирования *ассоциативно-образного семантического поля (АОСП)*, под которым понимают «объединение единиц лексико-фразеологического уровня на основании общности метафорически переосмысленного физического признака материальных объектов (представляющего свойства физического порядка, воспринимаемые органами чувств), входящего в семантику целого комплекса образных средств в различных аспектах образной интерпретации этого признака» [237, с. 198].

Таким образом, АСП и АОСП исследуются в рамках лингвостилистики (И. Гоцынец, К. Коротич, Ж. В. Марфина, Л. Г. Савченко и др.) для анализа образного (метафорического либо метонимического) использования языкового знака, направленного на реализацию эстетической функции языка [65], коммуникативной семантики, в связи с процессами

порождения и восприятия текста (Дж. Сёрль, В. П. Абрамов, И. В. Арнольд, А. Е. Ермаков, Н. Н. Ничик, В. В. Плешко, Р. Л. Смулаковская, В. В. Степанова, Н. Е. Сулименко, и др.), как средство вербализации концептуальной картины мира (Н. С. Болотнова, Е. Л. Гинзбург, Ю. Н. Караулов, Н. А. Илюхина, М. Ю. Никитина, Л. Н. Чурилина и др.) и т. д.

В монографии «Метафорический образ в семасиологической интерпретации» Н. А. Илюхина отмечает: «Когнитивная категория образа в проекции на язык предопределяет особый тип межсловных связей в лексико-семантической системе, в сознании носителей языка, интегрирующий все средства номинации соответствующей реалии и ее образа. Ассоциативно-семантическое поле, объединяющее совокупность этих средств, обнажает контуры системных межсловных связей, предопределенных структурой образа и определяющих семантическую парадигму особого типа» [83, с. 49]. Иными словами, автор объединяет когнитивный и семасиологический подходы к анализу ассоциативно связанных слов, имеющих семантическую близость.

В рамках семасиологии рассматривает ассоциативно-семантические связи лексем Т. В. Слива. Наряду с общепризнанными она выделяет новый тип лексической парадигмы – *ассоциативно-семантическую группу*, члены которой являются частью ассоциативного поля, но включает в себя только те (грамматически однородные) лексемы, в семантической структуре которых представлены одинаковые семы [191, с. 38].

1.3.2. Принципы формирования ассоциативно-семантических групп. В лексикологии и семасиологии традиционно выделяют два основных принципа объединения слов: семантический и тематический (денотативный). Первый основывается на интегрально-дифференциальных признаках лексем (по такому принципу образуются омонимические, синонимические и антонимические парадигмы, лексико-семантические группы и т. п.), в основе второго –

экстралингвистические факторы (так формируются тематические, гиперогипонимические, холо-партитивные группы и т.п.). Выделяя АСГ, Т. В. Слива объединила оба подхода. Новая парадигма «представляет собой совокупность лексем, обозначающих понятия, объединенные причинно-следственными связями и наряду с этим имеющие в семантической структуре одинаковые семы, которые находятся в особого рода отношениях» [191, с. 38]. В работе «Ассоциативно-семантическая группа как форма парадигматической организации лексики (на материале названий сезонов в русском языке)» исследователь обращает внимание на тот факт, что члены общепринятых парадигм связаны между собой на уровне ядерных сем. Так, члены синонимического ряда коррелируют на уровне ядерного семантического признака, различаясь периферийными семами: *светиться* ‘излучать свет’ – *сверкать* ‘светиться ярко’ – *лучиться* ‘светиться лучами’ – *брезжить* ‘светиться слабо’. Ядерный интегральный признак представлен и у членов антонимической парадигмы, например, сема ‘свет’ у глаголов *загораться* и *гаснуть*. Интегральная гиперсема объединяет лексемы, образующие тематические, гиперогипонимические парадигмы, лексико-семантические группы слов, например, сема ‘цветок’ – слова *роза*, *ромашка*, *тюльпан*, *астра*. Посредством ядерных сем коррелируют паронимы (интегральная сема ‘вода’ для слов *водный*, *водяной*, *водянистый*).

В отличие от упомянутых выше парадигм, ассоциативно-семантические группы объединяют лексемы, связанные по принципу «ядро-периферия»: семы, которые в семантической структуре исходного слова-ассоцианта представлены на периферии, на лексическом уровне эксплицируются в словах-ассоциатах, для которых данное значение является ядерным, при этом на периферии их семантической структуры представлена сема, ядерная в семантической структуре исходного слова [там же, с. 40]. Так, например, в семантической структуре слова *осень* выделяется периферийный семантический признак ‘вид осадков’, который

может быть реализован семой 'дождь'. Лексемы, содержащие данную сему в качестве ядерной (*дождь, ливень, изморось*), входят в состав ассоциативно-семантической группы с исходным словом *осень* [там же].

Однако поскольку к настоящему времени в лингвистике нет единого принципа разграничения ядра и периферии лексического значения слова (одни относят к ядерным семам обязательные, необходимые компоненты значения, то есть те, что представлены в словарной дефиниции [163; 141], другие ограничиваются лишь архисемой [35]), возникла необходимость уточнения определения ассоциативно-семантической группы, которое звучит следующим образом: «АСГ, являясь частью ассоциативного поля, как и любая другая лексическая парадигма, включает в себя грамматически однородные лексемы (слова одной части речи), в семантической структуре которых представлены одинаковые элементы. При этом гиперсема исходного слова (кауземы) в семантической структуре ассоциатов (рефлексем) репрезентирует дифференциальный семантический признак, то есть выступает в роли гипосемы, и наоборот, родовые семы рефлексем в составе кауземы являются семами видовыми» [193, с. 104].

1.4. Особенности исследования АСГ

1.4.1. Методы изучения АСГ. При изучении ассоциативно-семантически связанных слов в зависимости от поставленных задач могут быть использованы различные методы научного познания, как универсальные, так и специальные.

Общенаучными теоретическими методами являются анализ и синтез, индукция и дедукция, аналогия, моделирование, абстрагирование и др. Анализ и синтез позволяют получить целостное представление об объекте исследования. С помощью анализа целостный объект членится на составляющие, после изучения признаков и свойств которых с помощью синтеза восстанавливается целостность исходного объекта.

Реалии окружающей действительности образуют системы с разнообразными связями и отношениями между элементами. Эта системность находит отражение на языковом уровне, обуславливает структурность лексического уровня языка. Всесторонне охарактеризовать существенные признаки языковых единиц (в нашем случае лексические значения слов, их системные связи, отношения в пределах лексико-семантических парадигм) возможно лишь при условии изучения их места и роли в системе целого. В результате, благодаря таким операциям, как *анализ* и *синтез*, формируется представление как о целом (ассоциативно-семантической группе, ассоциативно-семантической структуре), так и о его компонентах (кауземах и рефлексмах) с учетом их внутренней природы.

При этом для определения общих свойств и признаков лексем-членов АСГ используется прием *обобщения*. Данный прием тесно связан с *абстрагированием*, с помощью которого выявляются основные свойства, признаки объекта в отвлечении от его менее существенных сторон, что позволяет объединить единицы в один класс. В нашем случае абстракция отождествления способствует объединению в особую группу (денотативную зону, ассоциативно-семантическую группу, ассоциативную структуру) некоторого множества языковых единиц (лексем) с учетом выявления наиболее существенных семантических признаков.

При переходе от эмпирического знания к теоретическому особую роль играют *индукция* и *дедукция*: анализ ассоциативно-семантических связей отдельных лексем позволяет сформулировать общие принципы формирования ассоциативно-семантических групп; на основе общих принципов формирования ассоциативно-семантической структуры делается заключение о возможности включения каждой конкретной языковой единицы в ее состав.

Еще одним общенаучным методом является *метод аналогии*. С его помощью, на основе сходства исследуемых единиц по одним признакам делается вывод об их сходстве и по другим признакам. В нашем случае

сходство семантических структур каузем позволяет говорить о подобии их ассоциативно-семантических связей. Результатом умозаключений по аналогии является *метод моделирования* – исследования объекта через построение и изучение его модели. В рамках данного метода разработана типология ассоциативно-семантических связей циклических тепорлексем – построена типовая АСС с кауземой-названием части суток.

К эмпирическим методам познания относят *наблюдение* и *эксперимент*. Первый направлен, прежде всего, на качественное описание объекта исследования, второй позволяет проверить выдвигаемые теорией гипотезы. Так, в теоретических работах по семасиологии речь идет о наличии ассоциации в случае существования семантической связи лексем. С целью обнаружения ассоциативных связей нами был проведен ассоциативный эксперимент, результаты которого обрабатывались с применением *процедуры количественных подсчетов*.

В языкознании для исследования лексико-семантических парадигм применяются различные специальные методы и приемы – дистрибутивный, логико-семантический, статистический и т. п. Поскольку целью нашего исследования является обнаружение системных связей лексем на основе их семных взаимодействий, в качестве основного собственно лингвистического метода нами был использован *структурный метод*. Так, для определения структуры лексических значений членов парадигм, для выявления интегральных и дифференциальных семантических признаков применялись *компонентный (дискретный)* и *дефиниционный анализ* лексических значений слов. Уточнялась семантика некоторых лексем с помощью *ремотивационного* (анализ значения производящего слова путем анализа значения его деривата) и *дистрибутивного* анализа.

Определение структуры АСГ и АСС, выделение денотативных зон проводилось с применением *категориального анализа*. Его использование обусловлено признанием того факта, что в основе объединения лексем в языке, а также их связей в языковом сознании человека лежит системность

внеязыковой действительности. Кроме того, для определения состава и структуры исследуемых парадигм был использован *метод оппозиций*, позволивший выявить интегральные и дифференциальные семантические признаки в структуре лексем, посредством которых они включались в состав АСС.

Иерархия членов ассоциативно-семантических структур определялась с применением *приема классификации и систематизации*, а также *приема парадигм* и *процедуры ступенчатой идентификации*: исходные кауземы (названия частей суток) образуют АСГ_I, среди их рефлексем выделяются слова, образующие АСГ_{II}, среди которых обнаруживаются исходные слова для АСГ_{III} и т. д.

Поскольку о наличии ассоциативно-семантической связи лексем может свидетельствовать их совместное использование в одном контексте, в рамках исследования была использован *функциональный метод*, в частности *контекстный анализ*, позволивший проиллюстрировать особенности актуализации данного типа связи в речи.

1.4.2. Терминологический аппарат семасиологии в исследовании АСГ. Поскольку исследование АСГ проводилось исключительно в рамках лексической семантики, возникла необходимость разграничения собственно лингвистических и психологических (психолингвистических) терминов. Исходное слово АСГ, выполняющее роль стимула в ассоциативном эксперименте, Т. В. Слива обозначает термином *каузема* (от лат. *causa* – «причина»). Член парадигмы – слово-реакция – обозначается термином *рефлексема* (от лат. *reflexus* – «отражение, следствие чего-н.»). Таким образом, слово *осень* является кауземой слов *холод*, *дождь*, *изморось*, *туман* и др., которые по отношению к нему выступают рефлексемами. Наряду с однословными рефлексемами в состав АСГ могут входить языковые единицы с аналитическим оформлением семантической структуры – *раздельнооформленные рефлексемы* [191]. Они используются в

случае, если какой-либо семантический признак не может быть выражен однословно, например, *осеннее равноденствие*, *восход солнца*, *Новый год* и т.п. Термин образован по аналогии с предложенным В. М. Никитевичем термином *раздельнооформленная нома* [147].

В пределах ассоциативно-семантической группы рефлексемы группируются в соответствии с тем, посредством какого семантического признака они связаны с кауземой. Кроме того, на основе сходства номинируемых реалий, лексемы распределяются по *денотативным зонам* [191]. Так, к одной денотативной зоне относятся рефлексемы *дождь*, *ливень*, *изморось* и т. п., связанные с кауземой *осень* посредством семантического признака ‘вид осадков’.

Некоторые рефлексемы могут коррелировать с разными кауземами и, таким образом, быть представленными в разных денотативных зонах, как в пределах одной, так и в разных АСС. Такие рефлексемы номинируются как *полиассоциативные* [там же].

На лексическом уровне слова вступают в парадигматические отношения посредством общих компонентов семантики, выделяемых, в первую очередь, путем компонентного анализа. В большинстве современных научных источников такие компоненты называются *семами* (термин предложен В. Скаличкой [188]), хотя в лингвистике существует целый ряд терминов, обозначающих минимальные компоненты значения, например, *фигура содержания* [151], *семантический примитив* [6], *дифференциальный признак* [8], *семантический маркер*, *семантический множитель*, *семантический признак* [218] и т. п.

В настоящей работе для обозначения компонентов лексического значения используются термины *сема* и *семантический признак*. Последний обозначает единицу содержания слова более высокого уровня обобщения, при этом *сема* рассматривается как его конкретное выражение, воплощение. Например, семантический признак ‘температура воздуха’ может быть

представлена семами 'тепло', 'холод', 'жара', 'мороз', 'прохлада', 'стужа', 'заморозок' и т. п.

Семы, выделяемые путем компонентного анализа, объединяются в единицу более высокого порядка – *семему* (термин принадлежит Н. И. Толстому: «В плане выражения слово – лексема, в плане содержания – семема. Под лексемой, таким образом, нужно понимать лишь звуковую оболочку, под семемой – его содержание» [211, с. 46]).

Если основной единицей лексической семантики является слово, то элементарной единицей является лексико-семантический вариант (ЛСВ) [151, с. 473]. Термин *лексико-семантический вариант* ввел в научный обиход А. И. Смирницкий. ЛСВ «различаются своими лексическими значениями (причем различие между этими значениями не выражается в их звуковых оболочках)» [195, с. 36]. Подобно слову, ЛСВ является двусторонней единицей и представляет собой единство материального знака и элементарного значения, то есть представляет собой совокупность всех грамматических форм определенного слова, соотнесенных с одним из его значений (семемой).

Стимул и ассоциат часто взаимоассоциируются друг с другом, образуя ассоциативную пару. На семантическом уровне этот факт находит отражение в том, что каждая из лексем, связанных ассоциативно-семантической связью, может выступать по отношению к другому члену пары одновременно и кауземой, и рефлексемой, в зависимости от того, какая часть его значения (ядро или периферия) актуализируется [191]. Например, слово *осень* является кауземой слов *дождь*, *холод* и т. п., которые входят в соответствующую АСГ в роли рефлексем. В свою очередь и слово *дождь*, и слово *холод* могут выступать кауземами по отношению к слову *осень*.

Наряду с этим, как отмечает Т. В. Слива, каждая рефлексема в составе АСГ может сама выступать в роли стимула, образуя ассоциативно-семантическую группу второго уровня, вокруг рефлексем второго уровня

объединяются рефлексемы третьего уровня и т. д. Рефлексемы всех уровней, ассоциативно и семантически связанные с исходной кауземой, объединяются в *ассоциативно-семантическую структуру* [191, с. 41]. Например, в ассоциативно-семантическую группу слова *весна* входит лексема *тепло*, которая является кауземой раздельнооформленной рефлексемы *таяние снега*. С последней ассоциативно-семантически связаны лексемы *проталина*, *капель*, *паводок* и др. Кроме того, данные лексемы коррелируют и с исходной кауземой, поскольку в их семантической структуре можно выделить периферийную сему 'весна', репрезентирующую семантический признак 'время наступления / появления'.

Исследование ассоциативно-семантических связей членов лексико-семантической группы «времена года» показало, что максимальная «глубина» ассоциативно-семантической структуры составляет три уровня. Данный факт не противоречит «правилу шести шагов» Ю. Н. Караулова, который отмечал, что «цепочка, связывающая два любых слова в словаре, не только всегда существует, но для произвольно выбранных слов она никогда в сумме не превышает шести шагов до общего элемента» [86, с. 76–77].

Таким образом, при выделении АСГ и АСС как особых лексико-семантических парадигм учитываются два основополагающих принципа объединения слов: семантический (на основе семных взаимодействий лексем) и денотативный (на основе экстралингвистических факторов). И АСГ, и АСС включают в себя лексемы, которые содержат в семантической структуре одинаковые семы и при этом обозначают понятия, объединенные причинно-следственными связями во внеязыковой действительности.

1.5. Лексемы со значением времени как объект изучения в лингвистике

1.5.1. **Время как научная категория.** На протяжении многих лет интерес к категории времени проявляли представители разных наук – философии, физики, биологии, психологии и др. Особое внимание данной категории уделялось и в рамках филологии. Так, понятие времени как категории художественного текста изучали М. М. Бахтин, Б. И. Бурсов, Н. М. Лейдерман, Д. С. Лихачев, Ю. М. Лотман, З. Я. Минц, Ю. Э. Михеев, М. Б. Храпченко, Б. Н. Эйхенбаум, З. Я. Тураева и др.; его значение и специфику в рамках различных культур раскрывали А. Вежбицкая, Д. С. Лихачев, В. П. Руднев, Ю. С. Степанов, В. Н. Топоров, А. Д. Шмелев, Е. С. Яковлева и др. Собственно лингвистическая интерпретация этой категории отражена в многочисленных работах Ю. Д. Апресяна, Н. Д. Арутюновой, А. В. Бондарко, В. В. Виноградова, И. В. Галактионовой, А. А. Зализняка, И. М. Кобозевой, И. Б. Левонтиной, Л. Г. Пановой и др. Более того, лингвистическое, и в первую очередь семантическое рассмотрение категории времени может быть положено в основу лингвокультурологического и лингвофилософского анализа данной категории человеческого бытия и теории познания.

В лексикологии и семасиологии объектом анализа становятся прежде всего темпоральные лексемы одной части речи, а именно субстантивы со значением времени (А. П. Клименко, И. В. Волянская, Л. В. Гарская, Н. В. Ивашина, А. Ю. Антомонов, О. А. Горбатенко и др.). При этом на первый план выходят такие понятия, как цикличность времени, завершенность и повторяемость временного цикла.

Слова, принадлежащие к одной ЛСГ, имеют не только семантическое сходство, но и подобные грамматические особенности, валентные связи, особенности сочетаемости и т.п. Более того, сходство семантики определяет

специфику ассоциативных связей лексем. В первую очередь это касается ЛСГ закрытого типа, к которым относится группа названия частей суток.

1.5.2. Система обозначений частей суток в русском языке. В сознании носителя языка сутки делятся на четыре части – утро, день, вечер и ночь. Лексемы, обозначающие эти отрезки времени, принадлежат к закрытой лексико-семантической группе «части суток», которая, в свою очередь, входит в семантическое поле времени.

Как и любые отрезки времени, части суток характеризуются определенной протяжённостью, а как циклические единицы обладают фиксированной последовательностью, кроме того, они ассоциируются с состоянием природы и с деятельностью человека. В зависимости от того, какая модель времени используется, выделяется разное количество частей суток, а также определяется разная их продолжительность.

В современных системах времяисчисления (в так называемой часовой модели) общепринято деление суток на 24 часа равной продолжительности, то есть сутки делятся на четыре равных промежутка по шесть часов каждый: с 0 до 6 часов – ночь, с 6 до 12 часов – утро, с 12 до 18 часов – день, с 18 до 24 часов – вечер.

Согласно двучленной модели суточного времени, сутки членятся лишь на день и ночь. Таким образом, утро и вечер как промежуточные, менее значимые отрезки «поглощаются» понятиями день и ночь.

Следует отметить, что такая модель (*dънь – *nokъть) была представлена в системе обозначений отрезков времени в праславянский период [82, с. 5]. Со временем она превратилась в четырехчленную: *утро* – *день* – *вечер* – *ночь*. В настоящее время названия частей солнечных суток образуют контрарные оппозиции: *утро* – *вечер*, *день* – *ночь*.

В современном русском языке чёткой границы между частями суток нет. Примерное разделение выглядит так: утро (от восхода солнца до 10 – 11 часов), день (с 10 – 11 часов до захода солнца), вечер (от захода солнца до 22 – 23 часов) и ночь (с 22–23 часов до восхода солнца). При

обозначении часового времени закрепились более четкая дифференциация этих существительных; так, лексема *вечер* обозначает период времени, начиная с 17–18 часов, лексема *утро* – с 4–5 часов, независимо от реального времени захода либо восхода солнца [241]. Кроме того, наряду с вышеупомянутыми «основными» названиями частей суток в языке представлены условные обозначения переходных периодов либо определенных моментов в середине основных отрезков времени – *затемно, засветло, сумерки, пополуночи, пополудни, полночь, рассвет, заря, восход, полдень, закат*.

Следует также отметить, что называя часть суток *утром, днем, вечером* или *ночью*, человек обычно руководствуется экстралингвистическими факторами (например, временем восхода и захода солнца). При этом в разных культурах границы между частями суток могут не совпадать, что обусловлено не только и не столько положением Солнца над горизонтом, сколько особенностями жизни представителей разных культур: трудовой деятельностью, приёмом пищи, пробуждением и отходом ко сну, соблюдением религиозных обрядов и т. п.

Как отмечает А.Д. Шмелев, «в русском представлении концептуализация времени суток в большей степени зависит от того, что человек делает в период времени, о котором идет речь (в западном представлении дело обстоит скорее противоположным образом: взглянув на часы и определив время суток, человек знает, что ему надлежит делать)» [230, с. 57]. Таким образом, в русской языковой картине мира части суток не имеют четких границ: утро наступает, когда человек пробуждается от ночного сна, начинает подготовку к дневной деятельности. Когда эта деятельность заканчивается, начинается вечер, который длится до тех пор, пока человек не ляжет спать [там же, с. 59]. Кроме того, соотношение между ними может быть различным: день может длиться четверть суток (отрезок времени между утром и вечером), полсуток (если сутки делить на день и ночь) и даже целые сутки (если имеется в виду, например,

календарная дата, либо 1/365 часть года). Ночь может длиться четверть суток (между вечером и утром) либо полсуток (ночь + день = сутки). Утро и вечер могут быть лишь четверть суток или же просто границей между основными частями – днем и ночью.

Все вышесказанное находит отражение в языке, обуславливает семантические, валентностные и ассоциативные связи лексем, определяет особенности их функционирования в дискурсе.

Выводы к главе 1

Одним из основных в лексикологии является положение о том, что системность лексики является отражением системности окружающего мира, при этом системные связи между словами регулируются интралингвистическими факторами.

О системных отношениях единиц языка начали говорить еще в конце XIX – начале XX вв. Однако окончательно понимание лексики как системы закрепилось лишь в середине XX в. с развитием теории семантического поля. В дальнейшем представление о лексике как о структурированной системе активизировало исследования корреляций лексем в пределах таких полей.

Внимание к ассоциациям как к объекту научного поиска также активизировалось на рубеже XIX–XX вв., несмотря на то, что история их изучения уходит корнями еще во времена Аристотеля. Законы ассоциации интересовали прежде всего психологов. И в лингвистике впервые о них заговорили представители психологического направления, обращая особое внимание на необходимость объединения собственно лингвистических и психологических методов изучения семантики языковых единиц.

Одним из наиболее используемых в психологии приемов исследования – ассоциативный эксперимент. В настоящее время он также

широко используется в семасиологии для обнаружения парадигматических и синтагматических связей слов, выявления компонентов их значения, изучения глубинной семантики и т. п. Существует целый ряд различных классификаций вербальных ассоциаций, однако все они могут быть сведены к двум наиболее общим – ассоциации по смежности и по сходству: ассоциации по сходству определяют парадигматические отношения языковых единиц, а ассоциации по смежности – синтагматические.

К концу XX в. факт наличия семантической связи между ассоциативно связанными словами стал несомненным. Более того, многочисленные исследования показали, что в основе парадигматических отношений лексем лежат различные типы вербальных ассоциаций: семантические ассоциации обуславливают появление новых ЛСВ многозначных лексем; омонимы ассоциируются на уровне формы; члены синонимического ряда связаны ассоциациями по сходству, а антонимического – по противоположности; члены тематической, гиперогипонимической, лексико-семантической групп также ассоциируются, что обусловлено наличием интегральной гиперсемы. Таким образом, семантическая связь лексем служит предпосылкой для их ассоциирования.

Изучение семантической близости ассоциативно связанных слов является достаточно актуальным направлением современной лингвистики. В рамках ассоциативной семантики изучаются принципы классификации ассоциативно связанных языковых единиц, их типология, смысловые отношения между словом-стимулом и его ассоциатами. Такие понятия, как *ассоциативное поле*, *ассоциативный ряд*, *ассоциативно-семантическое поле*, *ассоциативно-образное семантическое поле*, исследуются в рамках когнитивной и психолингвистики, лингвостилистики, коммуникативной семантики, лингвистики текста т. п. (Подробнее мы писали об этом в статье «Ассоциативно-семантические объединения слов: их специфика и сферы исследования» [20]).

Наряду с общепризнанными выделяется новый тип лексической парадигмы – *ассоциативно-семантическая группа*, члены которой входят в состав ассоциативного поля и при этом коррелируют на уровне гипер- и гипосем: гиперсема исходного слова (кауземы) в семантической структуре ассоциатов (рефлексем) репрезентирует дифференциальный семантический признак, то есть выступает в роли гипосемы, и наоборот, родовые семы рефлексем в составе кауземы являются семами видовыми. Кроме того, каждая рефлексема в составе АСГ может сама выступать в роли стимула, образуя ассоциативно-семантическую группу второго уровня, вокруг рефлексем второго уровня объединяются рефлексемы третьего уровня и т. д. Рефлексемы всех уровней, ассоциативно и семантически связанные с исходной кауземой, объединяются в *ассоциативно-семантическую структуру*.

Материалом для исследования могут служить различные лексемы. Однако наиболее продуктивным представляется изучение ассоциативно-семантических связей членов закрытых лексических парадигм (к которым относится ЛСГ названий частей суток), поскольку члены одной ЛСГ отличаются не только семантической близостью, но и идентичными грамматическими особенностями, валентными связями и т.п. Смысловая близость также обуславливает специфику ассоциативных связей лексем [18].

ЛСГ названий частей суток объединяет, прежде всего, лексемы *утро*, *день*, *вечер* и *ночь*. Как и любые отрезки времени, части суток характеризуются определенной протяжённостью, а как циклические единицы обладают фиксированной последовательностью, кроме того, они ассоциируются с состоянием природы и с деятельностью человека. В современных системах времяисчисления представлены четырехчленная (утро, день, вечер, ночь) и двухчленная (день и ночь) модели суточного времени. Наряду с основными названиями частей суток, в русском языке представлены условные обозначения переходных периодов либо

определенных моментов в середине основных отрезков времени – *затемно, засветло, сумерки, пополуночи, пополудни, полночь, рассвет, заря, восход, полдень, закат.*

ГЛАВА 2

АССОЦИАТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА С КАУЗЕМОЙ *УТРО*

2.1. Темпоральные рефлексемы кауземы *утро*

2.1.1. Семантическая структура лексемы *утро*. Специфика ассоциативно-семантической группы состоит в том, что ее состав полностью определяется структурой лексического значения исходного слова-кауземы.

В диссертационном исследовании «Русский глагол с эксплицированным компонентом времени: деривационная история и перспектива» Т. Г. Яременко представила результаты компонентного, ремотивационного и текстоцентрического анализа лексем со значением времени (в том числе и названий частей суток). В семантической структуре последних она выделяет такие семантические признаки:

- темпоральные (‘часть суток’, ‘следование во времени’, ‘цикличность’);
- квалитативно-темпоральные (‘температурный режим’, ‘степень освещенности’);
- квалитативно-предметные (‘состояние природы’, ‘деятельность человека’) [241].

В современных лексикографических источниках названия частей суток характеризуются в первую очередь по темпоральным признакам ‘часть суток’ и ‘ограниченность во времени’. Так, согласно БАС, основным значением слова *утро* является «время суток после ночи перед началом дня» [271, XVI, с. 1082]. Аналогичная дефиниция представлена в МАС: «1. Часть суток, начало дня, первые часы дня» [270, IV, с. 536]. В БТС зафиксировано следующее значение лексемы: «1. Часть суток от окончания

ночи до наступления дня; время восхода солнца, рассвета. || О начале дня, первых его часах» [247, с. 1407].

Как «начало дня» определяется данная лексема и в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля (*утро* – «начало, первая пора дня, от восхода солнца; все время дня, до полудня; все время до обеда, т.е. нередко до вечера» [249, т. IV, с. 328]) и в «Толковом словаре русского языка» Д. Н. Ушакова (*утро* – «1. Начало дня, первые часы дня» [273, т. IV, с. 1023-1024]).

Таким образом, дефиниционный анализ позволяет вычленить в семантической структуре слова *утро* денотативные значения 'отрезок времени', 'часть суток', 'начало дня', 'после ночи', 'перед днем', 'восход солнца', 'рассвет'.

Уточнить семантическую структуру каузема могут помочь данные этимологических и исторических словарей. Так, согласно «Этимологическому словарю русского языка» М. Фасмера, слово *утро* – древнерусское, восходящее к старославянскому *оутро*. Невзирая на наличие соответствующих родственных единиц в других славянских языках (болг. *ýtro*, сербохорв. *jùtro*, словен. *jútro*, чеш. *jítro*, слвц., польск., в.-луж. *jutro*, н.-луж. *jutšo*, полаб. *Jäutrü*), исследователь утверждает, что у данной лексемы «этимология затруднительна», с одной стороны, *jutro* сближали с лит. *jaĩ* «ужё», с другой стороны, пытались связать слав. **jutro*, первонач. якобы «время запрягать», со шв. диал. *ökt* «определенная продолжительность работы между одной едой и другой», норв. *øykt* (прагерм. **jaukiþō* «запрягание»), др.-инд. *yōktram* «веревка, подпруга» и т.п. Ср. знач. греч. *βουλῶτός* «вечер», буквально «время распрягания быков», др.-инд. *Samgavá* – «предобеденное время», буквально «время, когда сгоняют крупный рогатый скот»... Наряду с **jutro* реконструируют также праслав. **ustro* на основе ст.-слав. *заоустра*, а также др.-польск. *justrenka*, макед. *застра* «завтра» [274].

«Трудным в этимологическом отношении» считает слово *утро* и П. Я. Черных, автор «Историко-этимологического словаря современного русского языка» [278]. Он приводит как наиболее основательную точку зрения А. Мейе о том, что «в о.-с. языке, кроме *us(t)ro – «утренняя заря», «рассвет», употреблялось и слово *jutro, м.б. имевшее знач. «пора пробуждения, бодрствования», «начало нового дня» и т.п. <...> С течением времени, но еще в о.-с. эпоху, произошло скрещение этих близких по значению слов, причем *ustro было вытеснено формой *jutro, которая, однако, в некоторых говорах праславянского языка утратила йотацию и приобрела новое знач.» [278, т. II, с. 296].

А. В. Семенов отмечает, что определить точное время появления слова *утро* в русском языке затруднительно, однако известно, что в XVII–XIX вв. оно употреблялось в значении «зрелище, собрание в первой половине дня» [265].

Как видно из вышесказанного, темпоральные признаки являются ядерными в семантической структуре лексемы, кроме того, они выступают как интегральные для лексем, относящихся к семантическому полю времени (архисема 'время'), а в пределах данного поля к ЛСГ «части суток» (гиперсема 'часть суток'). Однако не менее значимыми для темпоральных лексем являются квалитативные признаки, характеризующие состояние окружающего мира, деятельность человека в определенное время суток. Семы, репрезентирующие данные признаки, могут быть выявлены в ходе дистрибутивного либо ремотивационного анализов. Так, в семантической структуре слова *утро* квалитативно-темпоральные признаки представлены семами 'свет', 'более светлое, чем ночь, время суток', 'света меньше, чем днем', 'тепла меньше, чем днем', 'тепла больше, чем ночью'; квалитативно-предметные – семой 'начало физиологической и социальной активности человека' [241, с. 170–171].

Также следует отметить, что слово *утро* имеет метафорическое значение ‘начало любого периода времени’, например, *утро эпохи*, *утро года* и т.п. [247, с. 1407]

2.1.2. Семантические ассоциации в пределах признаков ‘часть суток’ и ‘следование во времени’. Как отмечалось выше, путем компонентного анализа в семантической структуре лексемы *утро* выделяются архисема ‘время’, гиперсема ‘часть суток’ и семы-дифференциаторы ‘после ночи’ и ‘перед началом дня’, ‘восход’, ‘солнце’, ‘рассвет’.

Посредством гиперсемы ‘часть суток’ лексема *утро* связана с лексемами *день*, *вечер*, *ночь*, совместно с которыми входит в ЛСГ «части суток». Кроме того, данные лексемы вступают в ассоциативно-семантические связи друг с другом, при этом каждая из них может выступать в роли кауземы по отношению к остальным. Так, слово *утро* является кауземой для рефлексем *день*, *вечер* и *ночь*.

Определение *утра* как части суток от окончания ночи до наступления дня (см. дефиниции выше), позволяет говорить о присутствии в семантической структуре анализируемой кауземы дифференциальных сем ‘день’ и ‘ночь’, соответственно, лексемы, эксплицирующие данные семы, могут быть включены в состав соответствующей АСГ. Они связаны с кауземой в пределах семантического признака ‘следование во времени’ (ночь – ‘предшествует утру’, день – ‘следует за утром’).

Ассоциативная связь лексем подтверждается данными ассоциативных словарей (в том числе «Русского ассоциативного словаря» под редакцией Ю.Н. Караулова [263, т. 1, с. 695]), а также результатами проведенного нами ассоциативного эксперимента. Так, согласно РАС, ассоциативное поле слова-стимула *утро* включает 169 лексем; в ходе АЭ получено 144 реакции (см. Приложение Б).

Кроме того, ассоциативные связи слов обусловлены совместным их использованием в различных контекстах, поскольку «...текст является

благодатным материалом... для формирования и развития ассоциативной структуры значения слова» [172, с. 96], и «...то, что есть в речи, текстах, так или иначе отражается и закрепляется в языковом сознании людей и наоборот – то, что есть в языковом сознании людей, так или иначе проявляется в речи, текстах (также и в эксперименте)» [137, с. 145].

Также не следует забывать, что в основе лексической сочетаемости лежит грамматический плеоназм: одно и то же понятие должно быть выражено в синтагме несколько раз (о чем писал еще Ш. Балли [25 с. 169-175]). Иными словами, чтобы два слова составили правильное сочетание, помимо различающих сем, они должны иметь хотя бы одну общую сему (так называемая обязательная итерация сем в тексте). Таким образом, совместное использование кауземы и рефлексемы в одном контексте служит подтверждением наличия ассоциативной и семантической связи между ними. Связь кауземы *утро* с рефлексемами *день* и *ночь* может быть проиллюстрирована следующими примерами: *Пусть **утро**, вечер, **день** и **ночь** – Сойдут – лучи в окно протянут: Сойдут – глядят: несутся прочь. Прильнут к окну – и в вечность канут* /А. Белый/, *Сомкни плотней пустые очи И тлей скорей, мертвец. Нет **утр**, нет **дней**, есть только **ночи**... Конец* /З. Гиппиус/, *Мне так любовно быть влюбленным И в **ночь**, и в **утро**, в вечер, в **день**...* /И. Северянин/.

Актуализации семантического признака ‘следование во времени’ способствует использование в качестве синтагматических партнеров глаголов с семантикой начала (*наступить, сменить* и т.п.) либо прекращения бытия (*кончиться, пройти, смениться, перейти* и т.п.), следования во времени (*предшествовать*): ***Ночь** пройдет – наступит **утро** ясное* /Ю. Энтин/, *Мои **ночи** кончились **утром*** /Ф. Достоевский/, *Распадайтесь, скрепы жизни, **Ночь** прошла, но **утра** нет* /З. Гиппиус/, *И **день** сменит **утро**, неся благодать* /Вашина/, *Таким **утрам** обыкновенно предшествуют теплые безлунные **ночи**, хорошо знакомые охотникам на перепелов* /Н. Лесков/, *Душа, душа, не бойся холода! То холод **утра**, –*

близость дня /З. Гиппиус/, *Прошла ночь, и уже **утро** собиралось уходить в день*, когда залаял Войпель /А. Григоренко/ и т.п.; а также предлогов *перед* («соответствует сл.: за некоторое время до чего либо» [253, с. 461]) и *после* («соответствует по значению сл.: вслед за кем-л. или за чем-л.» [там же, с. 527]): *И облака слетят с лазури, Как **перед утром** **ночи** тень* /С. Аксаков/, *Когда на следующее **утро**, **после ночи** <...> Слепцов вышел на холодную веранду, так весело выстрелила под ногой половица* /В. Набоков/.

Значение ‘между ночью и днем’ в лексеме *утро* актуализируется и в следующем контексте: *Так над землей, глядишь, **ни ночь, ни день**, Но холодом вдруг **утро** засвежело, Прорезалась рассветная ступень – И решено сомнительное дело* /В. Бенедиктов/ (сочетание *ни ночь, ни день* значит ‘ночь закончилась, а день еще не наступил’).

Самым частым парадигматическим ассоциатом слова *утро*, согласно РАС, является *вечер* [263, I, с. 695]. Сема ‘вечер’ не эксплицирована в словарной дефиниции слова *утро*, в отличие от сем ‘ночь’ и ‘день’ (см. п. 2.2), однако она представлена как периферийная в семантической структуре кауземы, поскольку *утро* можно определить как «промежуточную часть суток наряду с вечером». Таким образом, лексемы связаны между собой посредством значения ‘часть суток’.

В контексте слова *утро* и *вечер* (либо их синтаксические дериваты) могут противопоставляться (***Утро** **вечера** мудренее* /Нар. тв./) либо сопоставляться: *Румяным **вечером** иль **утра** в час златой, Из-под куста мне ландыш серебристый Приветливо кивает головой* /М. Лермонтов/, *В наш век стихи живут два-три мгновенья, Родились **утром**, к **вечеру** умрут...* /Ф. Тютчев/, *Я сегодня не помню, что было вчера, **По утрам** забываю свои **вечера**, В белый день забываю огни, По ночам забываю дни* /А. Блок/, *Если Булгакова не было видно **утром** на Невском проспекте, а **вечером** в балете, то все знали, что он посажен на гауптвахту великим князем* /А. Панаева/. При этом релевантными становятся собственно темпоральные значения ‘отрезок времени’, ‘часть суток’.

Однако чаще всего эти лексемы используются совместно в сочетаниях *с утра до вечера* в значении 'в течение дня', 'целый день' (*В тот день, на прощанье с деревней, он с утра до вечера ездил верхом* /И. Бунин/, *Дворовые девки ели хлеб не даром: с утра до вечера спины их не разгибались за работой* /И. Тургенев/, *На другой день после объяснения с сестрой я с утра до вечера работал у Ажониных* /А. Чехов/, *Вон там мы стукали в футбол С утра до вечера, бывало* /К. Ваншенкин/) либо *с вечера до утра* в значении 'ночью', 'всю ночь' (*С утра и до вечера Роберт был с Анной, с вечера до утра – с Инной* /Б. Акунин/, – *Мне здесь очень хорошо, – возразила Лета, – меня все любят, и я могу пить вино с вечера до утра* /В. Брюсов/, *В течение всего процесса мы с Леней работали над расшифровкой Ларисиных записей каждую ночь напролет, с вечера до утра* /Н. Воронель/).

Упомянутые выше сочетания могут также выражать значение 'постоянно', 'непрерывно': *В те дни, когда он ехал вместе с гонцами за анашой в конопляные степи, глядя с утра до вечера на пустынные просторы из окна поезда* /Ч. Айтматов/, *Жил Александр Герцович, Еврейский музыкант, – Он Шуберта наворачивал, Как чистый бриллиант. И всласть, с утра до вечера, Заученную вхруст, Одну сонату вечную Играл он наизусть...* /О. Мандельштам/, *Уж с утра до вечера и снова – С вечера до самого утра Бьется войско князя удалого, И растет кровавых тел гора* /Н. Заболоцкий/. В этих и подобных контекстах в каузме и рефлексеме актуализируются семантические признаки 'протяженность' и 'следование во времени'.

2.1.3. Семантические ассоциации в пределах признака 'отрезок времени'. Как отмечалось выше, наряду с основными названиями частей суток, в русском языке представлен целый ряд слов, обозначающих либо короткий переходный период между этими частями, либо определенный момент времени. Одним из таких обозначений является слово *рассвет* – «1. Время суток перед восходом солнца; начало

утра» [271, XII, с. 782]). Признак 'отрезок времени' в семантической структуре данной лексемы представлен и семой 'часть суток', и семой 'часть утра'. Данные ассоциативных словарей и результаты проведенного нами АЭ подтверждают наличие ассоциативной связи между кауземой и рефлексемой, более того, *рассвет* является одной из наиболее частых реакций на слово *утро* (и согласно РАС, и согласно САНРЯ, частота встречаемости одинакова – 10). В своем временном значении рефлексема чаще всего выступает в форме предложного падежа с предлогом *на* – *на рассвете* (*Как только молодые начнут свободно летать, то всякое **утро**, на рассвете, вся стая поднимается с места ночлега* /С. Аксаков/, *В следующее **утро**, на рассвете, барабаны и трубы возвестили начало свадебного праздника* /Н. Карамзин/), либо творительного с предлогом *перед* (*перед*): *Глаза Мазепы засверкали, как **перед рассветом** ночи мгла* /Н. Рылеев/, *И раз **перед рассветом**, встречая восход Ориона, я понял ужас ослепшей планеты* /М. Волошин/ *По утрам, перед рассветом, слетаются на ток краснобровые красавицы тетерева-косачи* /И. Соколов-Микитов/.

Возможны конструкции и с другими падежными формами: *Понимал только, что уже **утро, рассвет*** /Ю. Коваль/, *И миражами своими они восхищены – до тех пор, пока не настанет **утро, рассвет*** /Г. Адамович/. Релевантным темпоральное значение становится в результате использования рефлексемы в синтаксической функции уточняющего члена предложения при слове *утро*.

О семантической связи лексем *утро* и *рассвет*, а также о значимости компонента 'рассвет' в семантической структуре кауземы свидетельствуют примеры, в которых происходит коммуникативная замена кауземы рефлексемой: *А впереди сотни таких ночей, и **рассветов**, и дней, и вечеров.* /К. Паустовский/, *Всю **ночь** он не спал и на рассвете вышел из флигеля* /Б. Пастернак/. В данных примерах слово *рассвет* представлено в одном ряду с названиями частей суток и таким образом выступает в качестве синонима слова *утро*.

К этой же денотативной зоне относится лексема *восход* – «2. Появление над горизонтом небесного светила (утренней зари); место и время появления светила над горизонтом (здесь и далее подчеркивание наше – И. А.)» [247, с. 153]. Следует отметить, что данное слово чаще используется в процессуальном (*И вот в жемчужной дымке на невидимой линии стыка воды и воздуха созрел **восход** солнца* /Д. Рубина/, *Она уже видела много рассветов в своей пока короткой жизни, но всякий раз каждый новый **восход** солнца наполнял ее душу новым восхищением* /В. Михальский/) либо в локативном значении (*Они ушли с берегов теплого моря и долго шли на **восход*** /Г. Садулаев/, *Облака плывут на **восход*** /С. Рассадин/). Темпоральное значение актуализируется в следующих контекстах: *Революция не **восход**, не заря, не начало нового дня, а закат, сумерки, конец старого дня* /Н. Бердяев/, *Чтобы идти в Дубечню, я встал рано **утром, с восходом** солнца* /А. Чехов/. В первом примере сема ‘начало дня’ становится релевантной благодаря использованию рефлексемы в ряду однородных членов предложения с «начинательной» семантикой (*заря, начало*), во втором – в одном ряду с наречием *утром*. Кроме того, собственно временное значение выражено и на грамматическом уровне – формой творительного падежа имени существительного с предлогом *с* (ср. *проснуться с петухами, стать мудрее с возрастом* и т.п.).

Еще одним синонимом слова *рассвет* в его темпоральном значении является слово *заря* – «1. Яркое освещение горизонта перед восходом и после захода солнца. || Время появления на горизонте такого освещения» [247, с. 343], которое также относится к данной денотативной зоне, поскольку содержит интегральную сему ‘часть утра’. Ассоциативная и семантическая связь с кауземой подтверждается следующими примерами: *Каждое **утро на заре** Истома видел молящегося брамина* /В. Хлебников/, *На следующее **утро, на заре**, Ивашки уже не было в доме Матвея* /Е. Салиас/, ***Поутру, на заре, по росистой траве Я пойду свежим утром** дышать...* /И. Архипова/.

Темпоральное значение ‘часть утра’ (‘начало утра’) актуализируется благодаря использованию предложно-падежной формы *на заре*, которая нередко выступает в качестве уточняющего члена при слове *утро* (см. пример выше). Кроме того, временное значение становится релевантным, когда синтагматическими партнерами слова выступают лексемы с такой же семантикой, в частности названия частей суток: *До зари потом всю ночь проплачу?* (Фет).

2.1.4. Семантические ассоциации в пределах признака ‘начальный период’. В результате «извлечения семантического корня» (Д.Н. Шмелев [231]) слово *утро* (как ‘начало дня’) начинает употребляться в значении ‘начало любого периода времени’. Толковые словари, в частности БТС, фиксируют ЛСВ₂ лексемы *утро* – «2. Книжн. Начало чего-л. (обычно какого-л. периода жизни, начального этапа развития какого-л. явления, чувства и т.п., с которыми связываются надежды на хорошее, счастливое будущее кого-, чего-л.)» [247, с. 1407]. Значение ‘начальный этап чего-либо’ представлено и в словаре Д.Н. Ушакова («2. перен. Начало, первый период чего-н. (поэт.). [273, т. IV, с. 1023–1024]). В этом значении слово *утро* в русском языке функционирует с XIX в.: *Улыбкой ясною природа Сквозь сон встречает утро года* /А. Пушкин/, *То было в утро наших лет – О счастье! О слезы!* /А. Толстой/, *Только утро любви хорошо* /С. Надсон/ и др.

Согласно данным ассоциативных словарей, со словом *утро* ассоциируется ряд слов, обозначающих начальный период (этап) чего-либо – *весна, юность, молодость* [263, т. I, с. 695]. Они содержат в семантической структуре дифференциальную сему ‘начало’, посредством которой связаны с кауземой (в семантической структуре последней она является гиперсемой). Семантическая связь лексем раскрывается в перифразах типа *утро жизни, утро года* и т.п. Как известно, в основе перифраза лежит определенное качество, признак или особенность обозначаемого. В основе приведенных выше сочетаний лежит значение

‘начальный этап’, то есть слово *утро* выступает в метафорическом значении (*утро года=весна, утро жизни/утро дней=юность, молодость*): *Март ненаглядный, раннее утро года* /Б. Шергин/, *Ты в утро дней едва вступала* /Е. Баратынский/, *Увял райский цвет в самое утро жизни своей* /И. Муравьев-Апостол/, *Я думаю об утре Вашей славы, Об утре Ваших дней, Когда очнулись демоном от сна Вы И богом для людей* /М. Цветаева/.

Кроме того, в данном значении слово *утро* выступает синонимом ЛСВ₂ лексем *заря* («Начало, зарождение, ранняя пора чего-л.» [247, с. 343]) и *рассвет* («Начало, ранний период чего-л.» [247, с. 1096]). В контексте данные ЛСВ, как и ЛВС₂ слова *утро*, часто используются в сочетании с родительным определительным: *Он мне единой посвятил Рассвет печальный жизни бурной!..* /А. Пушкин/, *Сколько горьких дум передумало это кроткое существо, так горько обиженное на заре своей жизни* /К. Станюкович/, *На заре туманной юности Всей душой любил я милую* /А. Кольцов/. Однако лексемы *заря* и *рассвет* могут функционировать в тексте без конкретизаторов в значении ‘начало жизни’: *Это – твоя заря, Любочка!* /И. Бунин/, *Здравствуй, отрок сладкогласный! Твой рассвет зарей прекрасной Озаряет Аполлон!* /Е. Баратынский/.

Следует отметить, что во многих славянских языках (болгарский, сербохорватский, словацкий) слово *заря* обозначает явление, характерное для утра, в отличие от русского языка, где *заря* может быть как утренней, так и вечерней (об этом значении лексемы речь пойдет ниже – п. 4.1.3). Таким образом, семантический признак ‘начало’ (*утро* – начало дня) стал доминантным на эпидигматическом уровне, что привело к развитию вышеупомянутых ЛСВ.

2.2. Квалитативно-темпоральные рефлексемы кауземы *утро*

2.2.1. Семантические ассоциации в пределах признака ‘степень освещенности’. Как отмечалось выше,

названия частей суток, как и большинство названий единиц измерения времени, в словарях характеризуются по темпоральным признакам. При этом не менее важными представляются их качественные характеристики, в частности степень освещенности и температура воздуха. Семантические признаки 'степень освещенности' и 'температура воздуха' в значении названий частей суток вычленяются путем дистрибутивного и ремотивационного анализа. Так, ремотивационный анализ показал, что в семантической структуре слова *утро* признак 'степень освещенности' репрезентирован дифференциальными семами 'свет' и 'светлее, чем ночь' [241, с. 119].

Кроме того, в рамках дистрибутивного анализа, согласно закону семантического согласования, наличие семы 'свет' в структуре слова *утро* подтверждается рядом минимальных контекстов, где в качестве синтагматических партнеров слова выступают глаголы со значением свечения и прилагательные со значением 'сияющий, сверкающий': *Уж утро хладное сияло на темени полночных гор* /А. Пушкин/; *И сияет утро, Утро молодое* /Я. Полонский/, *А когда светозарное Утро знойное снова Сушит лужи бульварные После ливня ночного* /Б. Пастернак/, *Вот каким увидел я себя в это утро, яркое и солнечное* /В. Брагин/.

Поскольку данная сема для кауземы является дифференциальной, лексемы, в структуре значения которых она представлена как гиперсема, входят в состав рассматриваемой АСГ.

Такую денотативную зону (с гиперсемой 'свет') образуют синонимы, называющие различные типы свечения: *свет* («1. Лучистая энергия... воспринимаемая глазом и делающая видимым окружающий мир» [247, с. 1157], *сверкание* (производное от *сверкать* – «1. Ярко блестеть, сиять переливчатым светом» [247, с. 1155]), *сияние* («1. Ровный яркий свет, излучаемый чем-либо» [247, с. 1190]), *блеск* – «1. Яркий, искрящийся, сияющий свет, отсвет» [247, с. 83], *солнце* – «2. Свет, тепло, излучаемые этим телом [солнцем], место, освещенное им [247, с. 1233].

Дифференциальная сема 'утро' в структуре рефлексем представлена имплицитно. Она относится к дальней периферии и реализует семантический признак 'период проявления'.

Частота встречаемости рефлексем данной денотативной зоны среди ассоциатов лексемы *утро* несколько ниже, нежели у описанных выше темпоральных рефлексем. Однако результаты проведенного нами направленного АЭ, а также данные «Национального корпуса русского языка» позволяют говорить о наличии ассоциативной и семантической связи слова *утро* с вышеперечисленными лексемами: *Утро красит нежным светом. Стены древнего Кремля* /В. Лебедев-Кумач/, *На другое утро, чуть забрезжил свет, Джаиффар отправился на базар.* /И. Тургенев/, *Весенним солнцем это утро пьяно* /А. Ахматова/, *Как было ясно, как утонченно Сиянье утра надо мной* /В. Брюсов/, *...но для князя свет и блеск июньского утра и звуки оркестра, игравшего модный веселый вальс, и особенно вид здоровенных служанок казались чем-то неприличным и уродливым...* /Л. Толстой/. Наиболее ярко эта связь проявляется в словосочетаниях с так называемым родительным качества *блеск утра, сиянье утра*.

Качественный признак, представленный в семантике слова *утро* семой 'свет', предполагает градацию – стадию появления, усиления и максимального проявления, что обусловлено экстралингвистическими причинами: утро является переходной частью суток – период между ночью (темнотой) и днем (светом). На языковом уровне этот факт находит отражение в том, что признак 'степень освещенности' представлен не только семой 'свет', но и значением 'света меньше, чем днем'.

Действительно, начало утра, особенно в осенне-зимний период, характеризуется минимальной степенью освещенности, а иногда и отсутствием естественного освещения. С учетом этого в состав АСГ могут быть включены лексемы, обозначающие низкую степень освещенности, при условии наличия между ними ассоциативно-семантической связи. Так, по

результатам проведенного нами АЭ, ассоциатами слова *утро* являются синонимы *полумрак* («Неполный мрак, очень слабое освещение, рассеивающее темноту» [247, с. 909]), *сумрак* («Неполная темнота, полумрак» [247, с. 1290]), *сумерки* («1. Полумрак перед заходом солнца и наступлением ночи, а также перед восходом солнца» [247, с. 1289]), *потемки* («Темнота, отсутствие света, освещения» [247, с. 941]). Данные лексемы образуют денотативную зону обозначений неполной темноты. О наличии семантической связи между рефлексемами и кауземой свидетельствуют следующие примеры: *Утро. Полумрак. Полурассвет.* /Г. Горбовский/, *Забудем ли когда это утро, сумрак, росу, стекло озера с отраженьем Юпитера* /Б. Зайцев/, *Целый день светят в домах по хутору электрические огни, разгоняя долгие утренние да вечерние сумерки* /Б. Екимов/, *Через мутные сумерки – было видно, что наступает уже утро* /Ю. Домбровский/, *Я проснулся в утренних потемках* /А. Туркул/, *К утру, когда потемки реже, Стог высится, как сеновал* /Б. Пастернак/.

Следует отметить, что в приведенных контекстах в кауземе в пределах признака ‘степень освещенности’ актуализируется периферийное значение ‘менее темный, чем ночь’, которое не вычленяется путем дефиниционного и ремотивационного анализа. Актуализации данного значения способствуют синтагматические партнеры – лексема *полумрак* и предикативное сочетание *потемки реже*. Мрак и потемки (темнота, отсутствие света) – атрибуты ночи, к утру, с рассветом они становятся реже, а после и вовсе рассеиваются. Кроме того, сема ‘неполная темнота’ (‘менее темный’) для лексем *полумрак*, *сумерки*, *сумрак* является гиперсемой, что служит еще одним аргументом в пользу того, что данные лексемы могут быть включены в состав АСГ с кауземой *утро*.

2.2.2. Семантические ассоциации в пределах признака ‘температурный режим’. В результате анализа формально-семантических отношений между словом *утро* и его дериватами *утреть* и *обутривенеть* Т.Г. Яременко приходит к выводу о наличии в

семантической структуре мотиванта квалитативного признака ‘температурный режим’, который реализуется в семе ‘более теплая, чем ночь часть суток’ [241, с. 120]. Так, по словам исследователя, глагол *утреть* является индивидуально-авторским фразеологизмом А. Блока: *Утрет. С Богом! По домам! Позвякивают колокольцы*. Он создан по той же модели, что и нормативное слово *вечереть* (вечер-+-е(ть) – утр-+-е(ть)), с тем же словообразовательным значением «приобретать признак, названный мотивирующим именем существительным», [там же, с. 114]. Лексема *обутреветь* содержит семему «2. Обогреться после ночного холода» [241, с. 117].

Вышесказанное свидетельствует о значимости семантического признака ‘температурный режим’ для кауземы. Кроме того, данный признак выявляется путем дистрибутивного анализа, когда синтагматическими партнерами слова выступают лексемы разных частей речи с архисемой ‘температура воздуха’: *Утро прохладное, солнышко светит ярко, приветливо* /Н. Никулин/, *Пропотел, заносился. Утро жаркое. Наскоро выполощу, хорошо выжму, мигом на солнце высохнет* /Б. Пастернак/, *Настало утро, знойное, как полдень* /В. Катаев/ *Холод утра* крепко обнимал тело Миши жёстким объятием /М. Горький/ и т.п.

В силу экстралингвистических причин температура воздуха зависит, прежде всего, от времени года. В теплый (весеннее-летний) период утро будет теплым (а летом даже жарким, знойным): *А когда светозарное Утро знойное снова Сушит лужи бульварные После ливня ночного* /Б. Пастернак/. Поздней осенью и зимой утро холодное (зимой – морозное): *Уж утро хладное сияло на темени полнощных гор* /А. Пушкин/.

Однако чаще всего, согласно данным ассоциативных словарей и результатам проведенных нами ассоциативных экспериментов, со словом *утро* ассоциируются слова *прохлада* («Умеренный холод, приятная свежесть воздуха» [247, с. 1036]) и *свежесть* (производное существительное от *свежий* – «11. Довольно холодный, прохладный» [247,

с. 1154]) [263; 267]. Ночь является не только самой темной, но и самой холодной частью суток. С наступлением утра воздух становится теплее. Несмотря на то, что в представленных дефинициях гиперсемой выступает 'холод', компоненты 'умеренный', 'довольно' позволяют говорить о градации качественного признака. Соответственно, в контексте при сочетании данных рефлексом с кауземой *утро* в последней релевантным становится значение 'менее холодный, чем ночь': *Свежесть утра веяла над пробудившимися Сорочинцами* /Н. Гоголь/; *Хоть свежесть утренняя веет в моих всклокоченных власах, На мне, я чую, тяготеет Вчерашний зной, вчерашний прах!..* /Ф. Тютчев/, *И лес прохладой душистой С востока веет поутру* /Е. Баратынский/, *Веет утро прохладой степною* /И. Бунин/, *Он обозначил утро, восход, ранние лучи, бодрость и прохладу* /А. Битов/.

Данные рефлексемы в составе анализируемой АСГ образуют денотативную зону названий температуры воздуха, к которой также относим лексемы заморозки – «Лёгкий утренний (ночной) мороз весной (осенью) (здесь и далее подчеркивание наше – И.А.)» [247, с. 334] и *утренник* – «1. Утренний мороз до восхода солнца, бывающий весной и осенью. Холодный у.» [247, с. 1407]

Дифференциальная сема 'утро' (она представляет семантический признак 'время проявления') эксплицирована в словарных дефинициях лексем. При сочетании с этими словами в кауземе также актуализируются градуальные признаки 'менее холодный, чем ночь', 'более холодный, чем день': *Светлая, солнечная ординаторская со стенами, выкрашенными в белую краску, была залита кремовым светом солнца золотой осени, отличающим дни после Успения, когда по утрам ударяют первые заморозки...* /Б. Пастернак/, *Сегодня утром еще не будет сильного заморозка, а денька через два уже может быть* /А. Самойленко/, *Первый заморозок, утром Воздух чист и свеж* /П. Сабинский/.

Следует отметить, что, поскольку сема 'утро' эксплицирована в корневой морфеме слова *утренник*, в контекстах оно редко встречается

наряду с кауземой во избежание тавтологии: *С утра был день светлый, утренник скоро растаял* /М. Пришвин/, *Вчера вечером ветер подул с запада, не стало теплей, но прояснело: сегодня утренник, яркое утро* /М. Пришвин/. Чаще значение ‘утро’ при этом актуализируется в синтагматических партнерах рефлексемы: *Но холодный утренник и ощущение голода разбудили меня довольно рано* /А. Куприн/; *Рано в утренник весною Над опушкою лесною Гаснут звезды наверху* /С. Клычков/, *Был утренник. Сводило челюсти, И шелест листьев был как бред. Синее оперенья селезня Сверкал за Камою рассвет* /Б. Пастернак/. В приведенных примерах такими синтагматическими партнерами выступают наречие *рано* («1. О раннем времени, утреннем времени суток» [247, с. 1085]) и существительное *рассвет* (сверкал рассвет, значит, наступило утро), которое также является рефлексемой слова *утро* (см. также [15]).

2.3. Квалитативно-темпоральные рефлексемы второго уровня

2.3.1. Рефлексемы кауземы *свет*. На втором уровне ассоциативно-семантической структуры с исходным словом *утро* представлены лексемы, кауземами которых являются рефлексемы первого уровня. Они также ассоциируются со словом *утро* и связаны с ним по смыслу.

Так, слово *свет* выступает кауземой для ряда ассоциатов, в семантической структуре которых сема ‘свет’ является дифференциальной и которые также ассоциируются со словом *утро* и функционируют с ним в одном контексте. Эти слова образуют несколько денотативных зон.

Первую образуют названия источника естественного света: *солнце* – «1. Центральное тело Солнечной системы, представляющий собой гигантский раскаленный плазменный шар, излучающий свет и тепло» [247, с. 1233] и *светило* – «1. Светящееся небесное тело; дневное светило – о Солнце, ночное светило – о Луне» [247, с. 1158].

Следует отметить, что рефлексема *светило* имеет полиассоциативный характер, поскольку используется для обозначения Солнца и Луны и, соответственно, может входить в состав АСС с кауземами *утро, день, вечер* и *ночь* (о полиассоциативных рефлексемах речь шла в статье «Рефлексемы названий частей суток в их полиассоциативных связях» [19]). В текстах для уточнения значения часто используют расчлененные наименования *дневное* (либо *утреннее*) / *ночное светило*: *Погасло дневное светило; на море синее вечерний пал туман* /А. Пушкин/, *Если бы Шмулик Мамзер знал, что никогда больше не увидит, как над светлым городом Ерушалаимом <...> восходит солнце, то наверняка посмотрел бы на утреннее светило поласковой* /Б. Акунин/, *Михаил Дмитриевич остановился, поглядел на свежее утреннее светило, поднявшееся над облезлыми крышами* /Ю. Поляков/, *Над Парком культуры из густых деревьев выкатилось слепящее ночное светило* /А. Проханов/, *И, когда наступает утро, забывает он кровавый восход ночного светила* /В. Скрипкин/.

В других случаях значение актуализируется, благодаря синтагматическим партнерам (большинство из них являются членами описываемых АСС), с помощью которых создается образ соответствующей части суток (см. примеры ниже).

Семантическая связь слова *солнце* с непосредственной кауземой проявляется уже на уровне минимального контекста – в словосочетаниях *солнечный свет, свет солнца*. Поскольку в слове *светило* эксплицирована сема ‘свет’, словосочетание *свет светила* будет иметь тавтологический характер, поэтому в сочетаниях такого рода используются синонимы слова *свет* (например, *блеск, сияние* и т.п.), которые также входят в состав АСГ с кауземой *утро*, то есть, наряду с лексемой *свет*, могут выступать кауземами для представителей данной денотативной зоны.

Кроме того, связь рефлексем с кауземой наблюдаем в следующих примерах: *Пускай орел за облаками Встречает молнии полет, И неподвижными очами В себя впивает солнца свет...* /Ф. Тютчев/, *Светило*

дневное сокрылось с земли <...> Не виден из ямы сияющий свет
/Р. Бухараев/.

Согласно данным «Русского ассоциативного словаря» и «Словаря ассоциативных норм русского языка», лексемы *солнце* и *солнечный* являются одними из наиболее частотных реакций на слово *утро* (РАС – 14 и 10, САНРЯ – 18 и 15 реакций соответственно) [263, с. 695; 267]. Ассоциативно-семантическая связь рассматриваемых рефлексом с исходной кауземой актуализируется в следующих примерах: *Чудное утро, солнце только вышло из-за деревьев* /Л. Толстой/, *Едва блестящее светило На небо юное вошло И моря синее стекло Лучами утра озарило...* /М. Лермонтов/, *Морозное утро озарилось лучами солнца, но тут же светило исчезло в густых серых облаках и на город обрушился новый снегопад* /А. Поворов/.

Вторую денотативную зону образует слово *луч* – «1. Узкая полоска света, исходящая от какого-либо источника света, светящегося предмета» [247, с. 507]. О связи с непосредственной кауземой свидетельствует эксплицированная в дефиниции сема ‘свет’. С исходной кауземой *утро* лексема также имеет тесную связь, как ассоциативную, так и семантическую. О первой свидетельствуют данные ассоциативных словарей (согласно РАС, *свет* и *солнце* – наиболее регулярные ассоциаты слова *луч*) [263], о второй – распространенное в художественных текстах словосочетание с родительным качества *луч утра*: *Луч утра на черное платье Скользнул, из окошка упав...* /А. Ахматова/, *Не мог я разгадать: то яркое сиянье – Вечерней ли зари последнее прощанье, Иль утра пламенного луч?* /А. Фет/, *Она еще не начала таять, но уже где-то за горизонтом вызревал первый луч утра* /Р. Погодин/.

К третьей денотативной зоне относится слово *заря* («1. Яркое освещение горизонта перед восходом и после захода солнца» [247, с. 343]). Данный ЛСВ восходит к изначальному значению слова *заря*: «др.-рус. (с XI в.) *заря* – “свет”, “сияние”» [274, I, с.317]. В таком значении слово

встречается в фольклорных текстах, например, в одном из заговоров: *Не зван, не входи. **Заря** утренняя велит, **заря** дневная приказывает, **заря** вечерняя гонит, **заря** ночная от друзей хоронит.*

Впоследствии произошло сужение значения слова, и в наше время *заря* ассоциируется лишь с восходом и заходом солнца (о чем свидетельствуют словарная дефиниция). Данная рефлексема имеет полиассоциативный характер. Во-первых, она ассоциативно и семантически связана с лексемой *свет* (вспомним фразеологизм *ни свет и ни заря*), посредством которой входит в АСС с кауземой *утро* (представлена на втором уровне структуры). Кроме того, она выступает рефлексемой раздельнооформленных каузем *восход солнца* и *заход солнца* (речь о которых пойдет ниже) и, соответственно, входит в АСС *утро* (но в составе другой АСГ_{II}) и *вечер*.

Следующие примеры подтверждают связь рефлексемы с непосредственной и с исходной кауземами: *Выткался на озере алый **свет зари*** /С. Есенин/, *Жидкий **свет зари**, чуть занимаясь на Востоке мира, вползает в окна* /И. Бродский/, *Было раннее **утро**; **заря** едва занялась; город спал; пустынные улицы смотрели мертво* /М. Салтыков-Щедрин/, *И **утро** шло кровавой банею, Как нефть разлившейся **зари*** /Б. Пастернак/, *И видит он: **утро**, уже небосклон **Зарею** с востока алеет* /С. Аксаков/.

Устаревшим синонимом слова *заря* является его дериват *зарница*, который мы также относим к данной денотативной зоне: *Вздохи **дня** есть в дыханье **ночном**, – Но **зарница** уж теплится ярко* /А. Фет/. Каузема *утро* не эксплицирована в данном контексте, однако сема ‘утро’ актуализируется в структуре рефлексемы благодаря использованию в качестве синтагматических партнеров названий смежных частей суток – *ночь* и *день*.

Ассоциатом слова *свет* также является лексема *рассвет* в значении ‘окраска, освещение неба в это время суток [перед восходом солнца]’ [247, с. 1096]. Сема ‘свет’ эксплицирована как в морфемной структуре рефлексемы, так и в ее дефиниции. Кроме того, наличие данного

компонента значения косвенно подтверждает этимологическое родство «*jutro с греч. ἀυγή “блеск, дневной свет”, алб. agume “утренняя заря” (Педерсен, KZ 38, 311 и сл.) или, наконец, с гот. ūhtwō «рассвет» (Прельвиц, BB 26, 324)» [274, IV, с. 176]. Кроме того, сема ‘свет’ в структуре рефлексемы может быть выделена путем ремотивационного анализа, поскольку, согласно «Словообразовательному словарю русского языка» А. Н. Тихонова, *рассвет* является дериватом глагола *рассветать*, который обозначает процесс увеличения степени освещенности. В словаре В. И. Даля находим: «РАССВЕТАТЬ, *рассвести*, безличн. переходить от тьмы ко свету, от ночи ко дню; восходить солнцу. *Рассветанье*, состн. по глаг.; *брезжение*, заря утренняя и полный свет. *Рассвет*, пора, когда светает, утренняя заря, до восхода солнца, *брезг*, начало утра, дня» [249, III, с. 482]. В контексте актуализация в рефлексеме качественной семы ‘свет’ происходит в случае использования в качестве синтагматических партнеров слов с общей семантикой проявления признака, обозначающих разные типы свечения (*брезжить*, *сиять*, *сверкать* и т.п.): *Сверкал за Камою рассвет* /А. Блок/, *Прокричали петухи, забрезжил рассвет, солнце заиграло в листве* /В. Аграновский/.

Семантическая связь с кауземой *утро* может быть проиллюстрирована следующими примерами: *В тихом, брезжащем пробуждении рассвете... рождалось утро* /Л. Толстой/, *Есть граница между ночью и утром, между тьмой и зыбким рассветом* /Р. Рождественский/, *Прости, уж бледнеет рассветом далекий, Минвана, восток; Уж утренний веет с вершины кудрявых холмов ветерок* /В. Жуковский/.

Релевантности семы ‘свет’ в структуре кауземы проявляется также в контексте *Утро. Полумрак. Полуассвет*. /А. Горбовский/, где последняя выступает доминантным признаком при образовании окказионализма *полуассвет*, о чем свидетельствует его представленность в одном ряду со словом *полумрак* (‘слабое освещение’).

Необходимостью различать утреннюю и вечернюю зарю вызвано появление слова *денница* – «(трад.-поэт.) 1. Утренняя заря» [247, с. 250] (в данном случае генеративом выступает слово *день*, а доминантной семой – ‘светлая часть суток’). Однако семантически рефлексема связана, прежде всего, со словом *утро*: *Блеснет **заутра** луч **денницы**. И заиграет яркий **день*** /А. Пушкин/, *Благотворная **денница** Разорвала ночи мрак, И пустынная синица Пела **утро** кое-как* /М. Гаспаров/. Смысловая связь слов *утро* и *денница* особенно ярко проявляется в случае коммуникативной замены кауземы рефлексемой: *Лишь мраки ночи низойдут, И сном глубоким **до денницы** Отяжелелые зеницы Твои домашние сомкнут* /Е. Баратынский/. В данном примере *до денницы* – значит «до зари». Актуализация темпорального значения происходит благодаря использованию в качестве синтагматического партнера слова *ночь*.

В представленных ниже примерах отражена семантическая связь рефлексемы *денница* с непосредственной кауземой *свет* и ее синонимами, которые также могут выступать вершинами АСГ: *Уже златой **денницы** перст Завесу **света** вскрыл с звездами* /М. Ломоносов/, *Опять осенний **блеск денницы** Дрожит обманчивым огнем* /А. Фет/, *Эти бедные, сонные птицы – Не взлетят они стаяй с **утра**, Не заметят **мерцанья денницы*** /А. Блок/. Сема ‘свет’ становится релевантной в случаях, когда рефлексема используется в одном контексте с антонимическими лексемами, обозначающими отсутствие света или низкую степень освещенности, например, *И только что сумрак разгонит **денница**, Смолкает зарей отрезвленная птица* /А. Фет/.

Следует отметить, что слово *денница*, как и ряд других поэтических славянизмов высокого слога, расширило семантический диапазон и, утратив точное значение, стало употребляться в значении ‘солнечный свет’, этимологически сближаясь со словом *день*. Об этом пишет В. В. Виноградов, вспоминая, как А.С. Пушкин был огорчен стихами Н. Рылеева: *Средь мрачной и сырой темницы, Куда лишь в полдень*

проникал, Скользя по сводам, луч *денницы*. Аналогичное употребление слова встречаем и в стихотворении «Вечер» Ф. Кафтарева: *Уже денницы луч бледнеет на закате* [48, с. 552]. Ученый отмечает, что «это слово, употребительное в поэтическом языке Пушкина 10-х (например, в стихотворении «Кольна») и 20-х годов (например, в вариантах гл. 3 «Евгения Онегина»: «Проснулся он *денницы* ране», ср. в гл. 6, XIII «Евгения Онегина»: «Блеснет завтра луч *денницы*...»), в 30-х годах уже выходит за пределы литературной нормы» [там же].

Значение 'освещение неба' может актуализироваться и в слове *восход*. Данное значение не закреплено лексикографически, однако на речевом уровне оно становится релевантным в сочетаниях с глаголами проявления (*сиять, сверкать, брезжить* и т.п.) и изменения качества (*осветить, озарить* и т.п.): *Он помнил, что его глаза стали закрываться, только когда мутный **восход** высветил все углы в классе /А. Иванов/, Светает – побелел **восход** И озарил вершины гор /М. Лермонтов/, **Восход** озарил всё вокруг нежно-розовым светом /Е. Гавар/.*

2.3.2. Рефлексы кауземы *прохлада*. Температурой воздуха во многом обусловлен ряд метеорологических особенностей, например, вид осадков. Так, в утреннее и вечернее время вследствие более низкой, чем днем температуры воздуха, появляется *роса* – «Водяные капли, осаждающиеся из влажного воздуха на поверхность растений, почвы и различных предметов при их охлаждении в вечерние, ночные и ранние утренние часы» [247, с. 1127]. Эксплицированная в дефиниции дифференциальная сема 'утро' позволяет включить лексему *роса* в состав анализируемой АСГ_{II} с кауземой *прохлада*. Ее ассоциативно-семантическая связь с непосредственной и исходной кауземами реализуется в следующих контекстах: *Когда **росой** обрызганный душистой, Румяным вечером иль утра в час златой, Из-под куста мне ландыш серебристый приветливо кивает головой /М. Лермонтов/, Чудное **утро**, солнце только вышло из-за деревьев, **роса** блестит и на траве, и на деревьях /Л. Толстой/, Так пышут*

холодом на утренней росе Упругие листья у лилии стыдливой /А. Фет/, Она – роса на утреннем лугу И на плече мурашки от прохлады /П. Анисимов/.

К этой же денотативной зоне, по нашему мнению, можно отнести и слово *туман*, поскольку оно называет явление, характерное для утреннего периода. В дефиниции слова «1. Скопление мелких водяных капелек или ледяных кристаллов в приземных слоях воздуха, делающее его непрозрачным» [247, с. 1352] признак 'время появления' не эксплицирован, однако мы можем говорить о его присутствии в семантической структуре слова, поскольку общеизвестно, что обычно туман можно наблюдать в вечернее, ночное либо утреннее время. Ассоциативно-семантическая связь лексем *утро* и *туман* подтверждается многочисленными примерами: *Впрочем, из этих туманов может еще проглянуть ясное утро /Ю. Тынянов/, Но так весной ряды курганов При пробужденных небесах Сияют в пурпурных лучах Под дымом утренних туманов /Е. Баратынский/, Утром – это голубой туман, днем – белесая мгла, и лишь в сумерки воздух над Прорвой делается прозрачным, как ключевая вода /К. Паустовский/.* Также в текстах эксплицируется связь рефлексемы с непосредственной кауземой: *Туман возник с прохладой августа неожиданно /Н. Петрацкая/, Рассвет, туман, прохлада, воздух густой, насыщенный, как мёд /И. Миллер/, Над осеннею рекой – туман-прохлада /Хмара/.* В последнем примере слово *прохлада* использовано в качестве приложения слова *туман*, что свидетельствует о тесной семантической связи лексем.

В значении 'легкий туман' нередко выступает слово *дымка*, которое также можно отнести к рассматриваемой денотативной зоне: *Позади бликующее море, акации, утренняя дымка /Е. Завершнева/, Ранним утром <...> сизая дымка, наброшенная на плечи гор, принесет прохладу и крепкий дух сосновых роц /Г. Викторова/.*

2.4. Квалитативно-темпоральные рефлексемы третьего уровня

На третьем уровне АСС *утро* представлены ассоциаты слова *солнце* (в значении ‘дневное светило’). Среди них с исходной кауземой *утро* связан ЛСВ₂ лексемы *восход* – «Появление над горизонтом небесного светила (утренней зари); место и время появления светила над горизонтом (подчеркивание наше – И. А.)» [247, с. 153].

В темпоральном значении (‘часть утра’) эта лексема является непосредственной рефлексемой слова *утро* (см. п. 2.1.3), то есть представлена на первом уровне анализируемой АСС. В процессуальном же значении она ассоциативно-семантически связана, прежде всего, со словом *солнце* (ассоциативная связь лексем подтверждается данными «Русского ассоциативного словаря» под. ред. Ю. Н. Караулова; в «Словаре ассоциативных норм русского языка» А. А. Леонтьева лексема *солнце* не представлена в качестве ассоцианта): *Солнце только начало восход, и небо сочилось перламутром, будто раскрывалась раковина* /А. Иличевский/. В данном примере процессуальное значение актуализируется в сочетании с фазовым глаголом *начать*.

Слово *восход* ассоциируется и со словом *утро*, в сочетании с которым релевантным для рефлексемы также становится значение ‘процесс’, при этом в каузме актуализируется дифференциальное значение ‘время восхода солнца’: *Так подсолнух глядит на закат божества, Как смотрел поутру на восход* /Г. Кружков/, *Каждое утро – торжествующий восход солнца* /А. Шмеман/.

Следует отметить, что в состав АСГ с кауземой *солнце* слово *восход* входит и в своем локативном значении (‘место и время появления светила’): *Молился Степан всегда на восход солнца* /В. Ремизов/, *Много тысяч лет назад их предки шли на восход солнца к новым землям* /В. Бурлак/. Однако со словом *утро* в данном значении рефлексема семантически не связана, и следовательно не может быть включена в состав анализируемой АСС.

(Особенности ассоциативно-семантических связей полисемантов описаны нами в статье «Ассоциативно-семантические связи многозначных лексем» [11].)

Отметим, что в речи слово *восход* обычно используется с конкретизатором, поскольку может обозначать появление над горизонтом любого небесного тела: *Ее беззаветное, без всякой видимой цели служение протекало неизменно, как **восход солнца*** /Е. Водолазкин/ – *Вы помните **восход луны** над пиками скал?* /Н. Дежнев/ – *И раз перед рассветом, встречая **восход Ориона**, я понял ужас ослепшей планеты* /М. Волошин/ – *Зафиксированы **восход** и закат каждого **спутника**, изучены орбиты.* /С. Гедройц, С. Витицкий/. Если же конкретизатор отсутствует, в самой рефлексеме актуализируется имплицитное значение ‘солнце’: *Мне было важно встретить этот **восход** с кем-нибудь из науканских эскимосов* /В. Писигин/, *Они вдвоем остались встречать **восход** на выкрашенной в зеленый цвет, еще влажной от ночного дождя скамейке* /Л. Юзефович/.

Согласно словарной дефиниции, слово *восход* также обозначает появление утренней зари, а значит, может входить в состав АСГ₃ с кауземой *заря*. Семантическая связь кауземы и рефлексемы реализуется на уровне синтагмы: *Она любила на балконе **Предупреждать зари восход*** /А. Пушкин/; *Индийцы принимают это зарево за **восход зари*** /Д. Марголин/.

Более того, в некоторых случаях слово *заря* может выступать в процессуальном значении ‘восход’: *На другой день, **на заре солнца**, к Перри постучали* /А. Платонов/.

Со словом *солнце* ассоциативно связано и слово *рассвет* [263, с. 546], в семантической структуре которого наряду с квалитативным (‘освещение’) и темпоральным (‘часть суток’, ‘начало утра’, о котором речь шла в п. 2.1.3) представлено процессуальное значение ‘восход солнца’, которое чаще всего актуализируется в предложной форме творительного падежа *с рассветом*: ***С рассветом** на половцев князь Изяслав Там выехал, грозен и злобен...*

/А. Толстой/. В процессуальном значении рефлексема используется в следующих контекстах, где она представлена наряду с кауземами *солнце* и *утро*, что подтверждает необходимость включения ее в состав анализируемой АСС: *Раз гриничские петушки запели, значит, сейчас в Гриниче рассвет, солнце всходит* /А. Некрасов/, *Утро начинается с рассвета* /В. Харитонов/.

2.5. Квалитативно-предметные рефлексемы кауземы *утро*

2.5.1. Семантические ассоциации в пределах признака 'состояние человека'. Как отмечалось выше, части суток, как и любые другие отрезки времени, имеют определенную протяжённость, кроме того, они характеризуются заполненностью теми или иными событиями. Так, утро – это время, когда люди уже просыпаются, завтракают, день – время от обеда до конца работы, вечер – от окончания работы до сна, ночь – время сна. Однако такое деление крайне субъективно, поскольку люди имеют разную организацию психики (вспомним деление на «сов» и «жаворонков»), стиль жизни, график работы и т.п. Для большинства представителей животного мира утро и день также является периодом активной жизнедеятельности, а вечер и ночь – ее снижением.

На языковом уровне этот факт отражается в семантической структуре названий частей суток: состояние природы и человека характеризуют квалитативно-предметные признаки.

Утро для человека – время пробуждения от ночного сна, начало дня, что обуславливает наличие среди ассоциатов лексемы *утро* таких слов и сочетаний, как *встать* /*вставать*, *конец сна*, *подъем*, *пробуждение*, *начало дня* и под. [263; 267]. Кроме того, в семантике кауземы обнаруживается периферийный семантический признак 'активизация жизнедеятельности', который обычно репрезентируется глаголами: *просыпаться*, *вставать*, *начинать* и т.п.: *Проснувшись утром с ощущением безотчетной тревоги и*

горя, Алексей сразу подумал: «Что же случилось? Плохой сон?»
 /Б. Полевой/, ...в теплое летнее **утро** (на заре) мы приходим в поле наблюдать и мыслить о том, как **пробуждается** природа...
 /В. Сухомлинский/, Вот **утро**: **встали** все давно, Моей Татьяне все равно
 /А. Пушкин/, Когда **утром** Чудик **проснулся**, никого в квартире не было:
 /В. Шукшин/. Поскольку лексико-семантические парадигмы образуют грамматически однородные лексемы (то есть слова одной части речи), рефлексемами слова *утро* будут выступать синтаксические дериваты перечисленных глаголов – *пробуждение, подъем, оживление* и др. Они образуют отдельную денотативную зону в составе АСГ₁. Подтверждением наличия ассоциативно-семантической связи рефлексем с кауземой могут служить следующие примеры: **Утром** было внезапное, бодрое **пробуждение**: все светло, спокойно, поезд стоит /И. Бунин/, На следующее **утро пробуждение** мое было не совсем приятно /В. Вонярярский/, Мне к людям хочется, в толпу, В их **утреннее оживление** /Б. Пастернак/, Организм протрубил **подъем** в пять **утра** и дальше спать отказывался /Е. Ладыжец/.

Любой временной период нашей жизни заполнен определенными событиями. Так, для утра традиционными являются *завтрак* («Время утреннего принятия пищи; утренняя еда или еда, предшествующая обеду» [247, с. 315]), *заутрениа (утрениа)* («Церковная служба христиан, совершаемая рано утром, до обедни» [247, с. 354]).

Следует отметить, что слово *завтрак* этимологически связано со словом *утро*, поскольку «образовано от др.-рус. **за утра** с помощью суф. -ок(ъ), реже – -ык(ъ)» [278, т. 1, с. 314]. Последующая трансформация *за утра* в *завтра* очевидна. Глагол *утренничать* фиксируется В. И. Далем в значении «завтракать рано утром; ѣсть натошак» [249, Т. IV, с. 522], а субстантив *утренник* – в значении «завтрак, закуска» [Там же]. Слово *закуска* в данном случае мотивируется глаголом *закусить* («1. Поестъ немного, наскоро» [247, с. 330], то есть утренник – это была первая еда

после ночи, когда, видимо, крестьянин вставал для того, чтобы покормить скотину, подоить корову и т.д. Управившись со всеми делами, на что требовалось некоторое время, можно было поесть более основательно, но это уже было «за утром», то есть с наступлением дня.

В этом отношении показательна дефиниция к слову *утренничать* в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова: ‘завтракать утром’ [273, т. IV, с. 1025], поскольку слово *завтрак* толкуется как ‘еда между утренним и обеденным временем’ [273, т. I, с. 907]. На уровне текста значение ‘время завтрака’ может эксплицироваться в синтагматических партнерах: *Совершив свой дорожный туалет с довоенным удобством, доктор вернулся в купе к **утреннему завтраку**...* /Б. Пастернак/, *Чашка кофе и две сигареты – ее **утренний завтрак*** /Л. Уварова/, ***Утренний завтрак** был любимым временем Владимира Владимирович* /Л. Брик/, *...не грех накрыть в кают-компании **второй завтрак*** /В. Михальский/, *Ровно в три четверти первого начался **второй завтрак*** /Е. Замятин/.

В слове *заутрениа (утрениа)* сема ‘утро’ эксплицирована в корневой морфеме. Данные лексемы образуют денотативную зону, коррелируя с кауземой посредством дифференциального признака ‘время совершения’, репрезентируемого семой ‘утро’: *Тем более, никому не удалось толком поспать и проснуться, я даже не помню, был ли в то **утро завтрак*** /М. Петросян/, ***Утром**, чуть ударили в первый колокол к **заутрене**, я поскорее вскочил и бегу* /Н. Лесков/.

К этой же денотативной зоне следует отнести и слово *обедня* – «1. Христианское богослужение, совершаемое утром или в первую половину дня» [247, с. 664]. Несмотря на то, что этимологически данная лексема связана со словом *обед*, который в первую очередь ассоциируется с дневным периодом, мы включаем ее в АСС с кауземой *утро*, поскольку налицо семантическая связь лексем: дифференциальная сема ‘утро’, представляющая семантический признак ‘время проведения’, эксплицирована в дефиниции.

В ассоциативных словарях слово *обедня* не представлено, однако, поскольку основанием для возникновения ассоциаций может служить встречаемость слов в одном контексте, ассоциативная связь кауземы и рефлексемы может быть проиллюстрирована многочисленными примерами: *В одно прекрасное утро, перед ранней обедней, человек пять слуг монастырских, собравшись в кружок, отдыхали на лугу, подле святых ворот лавры.*/Н. Загоскин/, *С утра была обедня, потом лития на кладбище* /М. Кучерская/, *В полночь началось по всем церквам всенощное бдение, утром обедня с молебным пением при колокольном звоне* /В. Биbihин/.

При этом в словарях ассоциативных норм среди ассоциатов слова *утро* представлена лексема *зарядка* – «2. Совокупность оздоровительных физических упражнений» [247, с 343]). Данный комплекс упражнений можно выполнять в любое время суток, однако чаще всего зарядка выполняется утром (в Википедии находим следующее определение: «Зарядка – комплекс физических упражнений, выполняемых, как правило, утром, с целью разминки мышц и суставов»). Исходя из этого, можно утверждать, что сема ‘утро’ представлена в семантической структуре рефлексемы: она репрезентирует периферийный семантический признак ‘время проведения’. Следовательно, слово *зарядка* может быть включено в состав АСГ, что подтверждается целым рядом примеров: *Я с сорока лет, когда впервые почувствовал, что молодость уходит, взял себе за правило каждое утро делать часовую зарядку, и чтоб непременно сорок отжиманий* /Б. Акунин/, *Каждый день по утрам Делаем зарядку* /З. Петрова/.

К данной денотативной зоне также относим ЛСВ₂ слова *утренник* – «Утреннее представление, утренний спектакль (преимущественно для детей)» [247, с. 1407]. Как видим, дифференциальная сема ‘утро’ эксплицирована в дефиниции. Поскольку данная сема также эксплицирована в морфемной структуре слова, в контексте рефлексемы наряду с кауземой встречается редко (во избежание тавтологии): *Гриша*

Иванников с утра повез Кирюху в школу – у них на сегодня намечен утренник /Т. Устинова/.

Следует отметить, что в «Толковом словаре русского языка» Д.Н. Ушакова значение ‘утреннее представление’ выделяется непосредственно у слова *утро* («3. перен. Общественное развлечение, представление, зрелище в утренние часы, в первую половину дня. *Мы затеяли литературно-музыкальное утро*. Тургенев» [273, т. IV, с. 1023-1024]). В современных толковых словарях это значение не отражено, однако его существование свидетельствует о значимости квалитативно-предметного признака ‘заполненность событиями’ для кауземы.

2.5.2. Семантические ассоциации в пределах признака ‘состояние природы’. В утреннее время активизируется жизнедеятельность не только человека, но и большинства живых существ, следовательно, значение ‘активизация жизнедеятельности’ может репрезентировать в составе каузем как семантический признак ‘состояние человека’, так и признак ‘состояние природы’: *С. Есенин создал при помощи слова яркий неповторимый образ раннего утра, пробуждения природы* /Из газеты/, *Что я испытывала и переживала, стоя одна на балконе и глядя то на восходящее солнце и на звенящее пробуждение природы, то на прекрасное, успокоившееся, как бы улыбающееся лицо Антона Павловича* /О. Книппер-Чехова/.

Дифференциальный семантический признак ‘состояние природы’ в значении слова *утро* также представлен семой ‘восход солнца’. Данная сема эксплицирована в словарной дефиниции кауземы (см. определение выше). Ассоциативно-семантическая связь лексем *утро* и *восход* подтверждается следующими примерами: *Он обозначил утро, восход, ранние лучи, бодрость и прохладу* /А. Битов/, *Чтобы идти в Дубечню, я встал рано утром, с восходом солнца* /А. Чехов/. О значимости данного признака в семантической структуре слова ‘утро’ свидетельствуют примеры, в которых происходит коммуникативная замена кауземы рефлексемой: *Казалось –*

солнце не взойдет. Навеки ночь в застывших звездах /О. Берггольц/. Восход солнца означает наступление утра. Значение 'утро' в данном контексте актуализируется благодаря противопоставлению предикативного сочетания *солнце не взойдет* лексеме *ночь*. Описанные выше рефлексемы также рассмотрены нами в статье «Квалитативно-предметные рефлексемы слова *утро*» [17].

2.6. Квалитативно-предметные рефлексемы второго уровня

Кауземой второго уровня выступает слово *пробуждение*. В художественной литературе (особенно в поэзии) часто встречаем образы представителей животного мира, ассоциирующиеся в нашем сознании с утром, поскольку именно на утренний период наиболее активизируется их жизнедеятельность: *Летнее утро. В воздухе тишина; только поскрипывает на берегу кузнечик да где-то робко мурлыкает орличка* /А. Чехов/, *Так соловей в тени дубров <...> Уныло вечер воспекает И утром весело встречает В румянном небе светлый день* /Д. Веневитинов/, *За околицей, в поле, особенно рано утром жаворонок буквально взвивается, ввинчивается в небо* /П. Черных/.

Согласно результатам проведенного нами ассоциативного эксперимента, с утром ассоциируются такие слова, как *птицы, соловей, жаворонок, петух*. Семантически со словом *пробуждение* связана лишь лексема *петух* в значении «3. Пение петуха как признак раннего утра. *Вставать с петухами*» [247, с. 828]. Более того, сема 'утро' стала доминантной при образовании данного значения, то есть налицо ассоциативная связь рефлексемы с исходной кауземой: *Было раннее розовое утро. Еще и петухи не открывали* /Б. Пастернак/. Подтверждением наличия семантической связи между непосредственной и исходной кауземами и орнитонимом *жаворонок* служит появление ЛСВ₃ последнего –

«3. Организация психики человека, период активности которого приходится на утренние часы; человек такого типа» [247, с. 298].

Несмотря на то, что сема 'утро', которая репрезентирует в семантической структуре перечисленных выше слов признак 'период активности' не эксплицирована в их словарных дефинициях, с учетом экстралингвистической информации, мы считаем возможным включить данные лексемы в состав анализируемой АСС. Так, на сайте Союза охраны птиц России читаем: *Наиболее активно соловей поет рано утром (примерно до 7–8 утра) и, особенно, в вечерние часы (после 8 вечера) – хотя нередко песню можно услышать и днем* [http://www.rbcu.ru/campaign/11444/],

Подтверждение наличия ассоциативно-семантической связи предполагаемых рефлексом с кауземой находим и в художественных произведениях: *С раннего утра над зеленым лугом звучит радостная и удивительно красивая песня жаворонка* /Л. Бурмистрова, В. Мороз/, ... *утром он [жаворонок] поет, когда еще звезды белеют на небе* /Е. Марков/, *Поют соловьи спозаранку, Высокие ноты ведут* /В. Дудаков/, *Как у дедушки Петра, Петухи поют с утра, Пора дедушке вставать* /И. Ревю/.

Отдельную денотативную зону в пределах АСГ₂ образует слово *будильник*. Сема, эксплицированная в корневой морфеме, объединяет данную лексему с кауземой *пробуждение (подъем)*, хотя в словарной дефиниции она не отражена (имеет место периферийная мотивация): *будильник* – «1. Настольные часы со специальным механизмом для подачи звукового сигнала в назначенное время || О звуковом сигнале таких часов» [247, с. 100]: *Зевает Анжела, настраивая будильник на вставание, а себя на сон* /О. Новикова/, *Доверяешь свое пробуждение назойливому будильнику?* /Из журнала «МРорт»/. В первом предложении использовано слово *вставание* – разговорный вариант лексемы *подъем*. Об ассоциативной и семантической связи рефлексемы с кауземой *утро* свидетельствуют следующие примеры: *Утром, только будильник прозвенит, Дашка тут*

же ко мне запрыгивает и ложится мне на живот /Э. Савкина/, **Будильнику на утро** задаю <...> урок, и в сумрак отпускаю /В. Набоков/, *В понедельник, будь он проклят, я встаю по будильнику в пять утра* /Т. Толстая/. Их семантическая связь осуществляется также посредством семы 'пробуждение': утро – время пробуждения, будильник – механизм для пробуждения, то есть обычно используемый утром.

Выводы к главе 2

Путем дефиниционного, компонентного и ремотивационного анализов в семантической структуре слова *утро* обнаружены темпоральные ('часть суток', 'следование во времени', 'цикличность', 'период времени'), квалитативно-темпоральные ('температурный режим', 'степень освещенности') и квалитативно-предметные признаки ('состояние природы', 'деятельность человека'), посредством которых осуществляется его связь с ассоциатами-рефлексами. Кроме того, лексема имеет коннотативное значение 'начальный этап чего-либо'.

В пределах темпоральных признаков ассоциативно-семантическая связь осуществляется посредством сем 'отрезок времени', 'часть суток', 'после ночи', 'перед днем'. Собственно темпоральные значения связывают *утро* с названиями других частей суток: признак 'следование во времени' объединяет ее с названиями предшествующей и последующей частей суток *ночь* и *день*, посредством семы 'промежуточная часть суток' *утро* связано со словом *вечер*.

Посредством семы 'часть суток', репрезентирующей признак 'отрезок времени', каузема коррелирует с рефлексами *восход*, *рассвет* и *заря* в их темпоральном значении 'время восхода солнца'. Последние вступают со словом *утро* в меронимические отношения, поскольку обозначают не только переходную (от ночи к утру) часть суток, но и часть утра (его начало).

В результате извлечения семантического корня у слова *утро* развивается метафорическое значение ‘начальный этап чего-либо’, что определяет наличие среди его ассоциатов лексем *весна, юность, молодость*, также содержащих сему ‘начало’.

Несмотря на то, что названия частей суток, как и большинство названий других отрезков времени, в толковых словарях характеризуются лишь по темпоральным признакам, не менее важными являются их качественные характеристики, с помощью которых передаются дифференциальные особенности частей суток. Такими признаками, в частности, являются ‘степень освещенности’ и ‘температура воздуха’.

Семы ‘свет’ и ‘светлее, чем ночь, репрезентирующие признак ‘степень освещенности’, выделяются путем ремотивационного анализа. Анализ ассоциативно-семантических связей кауземы позволяет выделить в рамках данного признака сему ‘менее темный, чем ночь’, актуализируемую в рефлексмах *сумрак, сумерки, полумрак* и т. п. Рефлексемы, для которых признак ‘степень освещенности’ является ядерным, образуют две денотативные зоны: названия типов свечения (*свет, сияние, блеск, сверкание* и т.п.) и обозначения неполной темноты (упомянутые выше *сумрак, сумерки* и под.).

Посредством качественно-темпорального признака ‘температурный режим’ с кауземой связаны слова, обозначающие умеренный холод (*прохлада, свежесть, заморозок* и т. п.), что обусловлено особенностью значения исходного слова, в котором данный признак репрезентируется дифференциальными семами ‘более холодный, чем день’, ‘менее холодный, чем ночь’ (‘тепла меньше, чем днем’, ‘тепла больше, чем ночью’).

Рефлексемы с качественно-темпоральным значением представлены и на втором уровне ассоциативно-семантической структуры. Их непосредственными кауземами выступают рефлексемы первого уровня *свет* и *прохлада*. Среди ассоциатов данных лексем членами АСС с кауземой *утро* выступают названия источников света (*солнце, светило*), форм

свечения (*луч*), а также лексемы, обозначающие освещение неба над горизонтом в утреннее время (*заря, зарница, рассвет*). Со словом *прохлада* ассоциативно-семантически связаны названия характерных для утреннего времени метеорологических явлений *роса, туман и дымка*. Третий уровень образуют ассоциаты слова *солнце* – ЛСВ₂ лексемы *рассвет*, а также *заря* и *восход* в их процессуальном значении (‘восход солнца’).

Квалитативно-предметные семантические признаки отражают состояние природы и человека в определенный период времени. Так, наличие в структуре кауземы признака ‘деятельность человека’ обуславливает включение в состав АСГ₁ таких лексем, как *пробуждение, подъем, оживление* (интегральная сема – ‘активизация жизнедеятельности’), а также лексем *завтрак, заутреня, зарядка, утренник*, обозначающих характерные для утра виды деятельности и события.

Значение ‘активизация жизнедеятельности’ репрезентирует в составе кауземы не только семантический признак ‘состояние человека’, но и признак ‘состояние природы’, таким образом, рефлексемы *пробуждение, подъем, оживление* можно отнести к полиассоциативным.

Ассоциаты слова *пробуждение* представлены на втором уровне АСС. Это лексемы *будильник* и *жаворонок* в значении ‘человек, который активен в утреннее время’ (интегральный признак ‘состояние человека’), а также названия представителей мира природы, активность которых приходится на утренние часы (интегральный признак ‘состояние природы’).

Таким образом, АСС с кауземой *утро* образуют рефлексемы трех уровней. На первом уровне структуры в количественном отношении преобладают квалитативно-темпоральные рефлексемы. Самой многочисленной ассоциативно-семантической группой второго уровня является АСГ с кауземой *свет*. Группа квалитативно-предметных рефлексем не многочисленна, однако денотативная зона названий живых существ (не человека) является открытой, следовательно, ее состав может пополняться.

Среди членов АСС представлены полиассоциативные рефлексемы трех типов: 1) рефлексемы одной кауземы, связанные с ней посредством разных семантических признаков, то есть относящиеся к разным денотативным зонам в пределах одной АСГ (упомянутые выше *пробуждение* и *оживление*); 2) рефлексемы разных каузем и разных уровней в составе одной АСС (например, *восход*); 3) рефлексемы, которые также входят в состав других ассоциативно-семантических структур (*светило, заря, прохлада* и др.).

ГЛАВА 3

АССОЦИАТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА С КАУЗЕМОЙ *ДЕНЬ*

3.1. Темпоральные рефлексемы кауземы *день*

3.1.1. Семантическая структура лексемы *день*. Среди слов, формирующих ЛСГ «части суток», слово *день* максимально частотно, вероятнее всего, по причине своей многозначности. Так, согласно БТС, *день* обозначает: «1. Часть суток от восхода до захода солнца, от утра до вечера. 2. Сутки, промежуток времени в 24 часа. 3. Промежуток времени (в пределах календарных суток), характеризующийся чем-л. или предназначенный для чего-л. 4. Календарная дата, число месяца, посвященное какому-л. событию, связанное с чем-л. 5. (*только мн.*) Время, пора, период» [247, с. 251]. Аналогичные определения находим в других толковых словарях (словаре Д.Н. Ушакова, МАС и др.). Как видим, все семемы находятся в пределах семантического поля времени, однако нас интересует ЛСВ₁, поскольку именно в этом значении лексема входит в состав ЛСГ «часть суток». Отметим, что во всех рассмотренных дефинициях *день* определяется, прежде всего, как светлая часть суток (время «от восхода до заката»), то есть в них отражается двучленная модель суточного времени. Необходимо обратить внимание на тот факт, что при анализе парадигматических связей лексемы следует обязательно учитывать широкий контекст, поскольку значения ‘сутки’ и ‘светлая часть суток’ не всегда четко дифференцируются в минимальном контексте (например, в таком сочетании, как *целый день*).

В.И. Даль разделяет узкое и широкое понимание данного слова: «*день* м. с^утки; || противоположн. *ночь*; время от восхода до заката солнца; от утренней до вечерней зари; в самом тесном знач. часы около полудня, отделяющие утро и вечер (*подчеркивание наше – И.А.*)» [249]. Как видим, в

его определении *день* – это и светлая часть суток, и часть суток между утром и вечером.

Автор «Историко-этимологического словаря русского языка» П.Я. Черных рассматривает три ЛСВ лексемы *день*: 1) «часть суток от утра до вечера»; 2) «часть суток от восхода солнца до захода», 3) «сутки». При этом соотносит ее с и.-е. *dī- «излучать свет», «сиять», «блестеть» [278, I, с. 241]. Согласно «Этимологическому словарю русского языка» М. Фасмера, *день* «родственно др.-инд. *dīnam* ср. р. “день”, лат. *nūndinae* ж. мн. “базарный день, устраиваемый каждые девять дней”, лит. *dienà*, лтш. *diena* “день”, др.-прусск. *deinan* вин., гот. *sinteins* “ежедневный”, ирл. *denus* “*spatium temporis* – промежуток времени”» [274].

Таким образом, в ходе компонентного анализа ЛСВ₁ выделяются семы ‘время’, ‘отрезок времени’, ‘часть суток’, ‘от восхода солнца’, ‘до захода солнца’, ‘после утра’, ‘перед вечером’. Ремотивационный и текстоцентрический виды анализа позволяют уточнить и дополнить семантическую структуру кауземы и выделить также качественно-темпоральные признаки ‘степень освещенности’ (представлен семами ‘солнце’, ‘свет’, ‘самая светлая часть суток’) и ‘температурный режим’ (семы ‘тепло’, ‘самая теплая часть суток’) и качественно-предметные – ‘жизнедеятельность человека’ (‘время работы’) [241] (см. Приложение В).

3.1.2. Семантические ассоциации в пределах признака ‘часть суток’. Компонентный анализ позволяет выделить в семеме ЛСВ₁ кауземы *день* собственно темпоральные семы ‘время’ (архисема), ‘часть суток’ (гиперсема), ‘после утра’ и ‘перед вечером’ (гипосемы).

Посредством архисемы каузема входит в СП времени, гиперсема ‘часть суток’ связывает ее с лексемами *утро*, *вечер* и *ночь*. Как отмечалось выше, данные лексемы вступают в ассоциативно-семантические связи друг с другом, при этом каждая из них может выступать в роли кауземы по

отношению к остальным (см. п. 2.1.2). Таким образом, слово *день* является кауземой для названий других частей суток.

Согласно данным «Русского ассоциативного словаря», АП со стимулом *день* в количественном отношении уступает АП с исходным словом *утро*, объединяя всего 68 лексем. При этом респонденты, участвовавшие в проведенном нами АЭ, назвали 172 реакции (см. Приложение Г). В обоих случаях самым частым ассоциатом слова *день* является *ночь*. Это не удивительно, поскольку в нашем сознании ночь наряду с днем «сосуществуют» как обозначения основных частей суток, противопоставляясь «промежуточным» – утру и вечеру.

На уровне текста это проявляется в совместном употреблении лексем. При этом, реализуя в качестве релевантной сему ‘основная часть суток’, они могут противопоставляться (*Будет **ночь** – будет и **день**, **День** темен, а **ночь** светла* /Нар. тв./) либо обозначать сутки в целом (***День да ночь** и сутки прочь – так и отваливаем* /Нар. тв./, *Трое **суток** без сна, без еды и питья, **днем и ночью**, и опять **днем и ночью**, и еще **сутки** в крошечной скорлупе, среди обезумевшего моря – и вокруг ни берега, ни паруса, ни маячного огня, ни пароходного дыма!* /А. Куприн/).

Однако чаще всего данные лексемы функционируют в составе фразеологического сочетания (*и*) *день и ночь* (*и днем и ночью*): ***И днем и ночью** кот ученый Все ходит по цепи кругом* /А. Пушкин/, *В тоске любовных помышлений **И день и ночь** проводит он* /А. Пушкин/, *Меж тем, по долам, по горам, **И в белый день, и по ночам**, Наши витязь едет непрестанно* /А. Пушкин/, *Тень призрака тебя **и день, и ночь** тревожит* /А. Ахматова/, *В кругу кровавом **день и ночь** Долит жестокая истома...* /А. Ахматова/.

В этом сочетании наряду с семой ‘основная часть суток’ актуализируются значения ‘постоянно’, ‘непрерывно’, а также сема ‘цикличность’ (день сменяет ночь – на смену ночи приходит день), наиболее яркими примерами реализации которой являются следующие: *С недавних*

*пор он начал бояться прихода **ночи**, она приближала следующий **день**...*
 /А. Чаковский/, *И **ночь** прозрачная сменяет Погасший не приметно **день***
 /Е. Баратынский/, ***День** приходит на смену **ночи*** /Р. Васильева/.
 Актуализации последней способствуют синтагматические партнеры выделенных слов – лексемы с семантикой замены (подчеркнуты в тексте). Отметим также, что посредством данной семы слово *день* связано с ассоциатом *сменяется ночью*, представленном в «Русском ассоциативном словаре» [263, с. 161].

Сочетаясь в составе ряда конструкций, каузема и рефлексема могут также обозначать неопределенный (*Персонажи Ахматовой готовы как будто смешаться с толпой, их **дни** и **ночи** – такие же, как у многих других любовных пар, встречи, разлуки, размолвки, прогулки...* /И. Гурвич/) или же любой период времени: *С той поры, что ни **ночь**, что ни **день**, Надо мной твоя легкая тень* /А. Блок/.

Все вышесказанное подтверждает правомерность включения лексемы *ночь* в АСГ с кауземой *день*. Более того, в семантической структуре последней можно выделить периферийную сему ‘ночь’, поскольку *день* может быть обозначен как основная часть суток наряду с ночью.

Ассоциативная связь наблюдается и между словами *день* и *сутки*. Вероятнее всего, эта связь обусловлена семантическими причинами: вспомним, что одной из семем лексемы *день* является «Сутки, промежуток времени в 24 часа» [247, с. 251]. Таким образом, в зависимости от того, какой ЛСВ используется, эти слова связывают меронимические (*день* – часть суток) либо синонимические (*день* – то же самое, что и *сутки*) отношения. Поскольку в состав АСГ часто входят холонимы и партонимы каузем, а также учитывая ассоциативную и семантическую связи данных лексических единиц, можно предположить, что слово *сутки* («Промежуток времени от одной полуночи до другой; промежуток в двадцать четыре часа без перерыва» [БТС, с. 1292]) также может выступать рефлексемой слова *день*. Действительно, их семантическая связь осуществляется, прежде всего,

посредством архисемы 'отрезок времени', однако, наряду с этим, в семантике слова *сутки* может быть выделена периферийная сема 'день' (сутки – промежуток времени, в пределах которого выделяются утро, день, вечер и ночь). Таким образом, лексема *сутки* может также быть не только включена в состав анализируемой АСС, но и быть представлена в других АСС, кауземами которых выступают названия частей суток, что подтверждают приведенные ниже примеры: *Комар жары не любит: ночью ему холодно, днем жарко, и свирепствует он дважды в сутки – утром и вечером* /М. Тарковский/, *Так и жизнь пройдет, день да ночь – сутки прочь* /К. Кладо/.

Выше речь шла о том, что наряду с основными названиями частей суток в русском языке представлены обозначения определенных моментов времени. Одним из них является слово *полдень* – «1. Середина дня, время соответствующее двенадцати часам» [247, с. 898]. Данная лексема связана со словом *день* ассоциативно (подтверждение этому находим в соответствующих словарях [263, с. 161; 267]). Семантическая связь осуществляется посредством признака 'отрезок времени', которая в семантической структуре данной лексемы представлена как семой 'часть суток', так и семой 'часть дня'. Иными словами, слово *полдень*, будучи меронимом слова *день*, также является его рефлексемой: *И, несмотря на полдень жаркого летнего дня, – вдруг оказались в прохладе и влажности* /М. Осоргин/, *Пароходишко «Смелый» к улымскому берегу начал приставать ровно в полдень, когда день разгулялся настолько, что вся хмарь и дымность рассеялись, небо прояснилось* /В. Липатов/, *В полдень, в погожие дни, когда на солнце было еще тепло, Иванушка выходил во двор и блаженно отдыхал на траве* /Ю. Петкевич/, *Я вижу полдень этого встающего дня* /И. Эренбург/.

Отметим, что данная лексема имеет полиассоциативный характер. В форме *полдни*, *полудни* в значении «время, близкое к полудню, полуденная пора; полдень» это слово фиксируется в языке XVI в., а с XVII в.

развивается квалитативно-предметное значение ‘еда и отдых в полуденное время’ [269, XVI, с. 202] (о квалитативно-предметных рефлексемах речь пойдет ниже). Кроме того, в XI в. в значении «середина дня, полдень» употреблялось слово *полуднина*, в значении «полдень, полуденное время» – *полуденье (полудьнье)*, а с XIII в. – *полудние* [там же, с. 264–265]. У каждого из этих слов со временем развилось локативное значение – ‘юг’: у слова *полуденье (полудьнье)* оно было уже в XI в., у *полудние* – в XV в., а у производного *полуднина* – только к XVII в. [там же]: *А Филиппу Ангел Господень сказал: встань и иди на полдень, на дорогу, идущую из Иерусалима в Газу, на ту, которая пуста /Деяния Св. Апостолов/, Дошедъ до города Котельничья поворачиваются на полдень, и такъ идутъ до соединенія ихъ съ рѣкою Камою./Н. Рычков//*

Таким образом, рефлексемы, связанные с кауземой *день* посредством признака ‘часть суток’, образуют три денотативные зоны, образованные названиями другой основной части суток (*ночь*), отрезка времени (*сутки*) и момента времени в пределах дня (*полдень*).

3.1.3. Семантические ассоциации в пределах признака ‘следование во времени’. Наряду с ночью, день также ассоциируется с промежуточными частями суток – утром и вечером [263, с. 161, 267]. С учетом словарной дефиниции в структуре кауземы выделяются гипосемы ‘следует за утром’ (‘от утра’) и ‘предшествует вечеру’ (‘до вечера’). Кроме того, как уже отмечалось выше, в значении слова *утро* выделяется сема ‘предшествует дню’. То есть налицо семантическая связь лексем *день* и *утро*, *день* и *вечер*: семы ‘утро’ и ‘вечер’ – гипосемы для слова *день*, а сема ‘день’ – гипосема для слов *утро* и *вечер*. Таким образом, соответствующие лексемы могут быть включены в состав АСГ₁ АСС с кауземой *день*. В контексте при совместном использовании упомянутых рефлексем с кауземой наряду с ядерным значением ‘часть суток’ релевантными становятся ‘следование во времени’, ‘цикличность’: ***Утро, день, вечер*** – они только в настоящем времени идут друг за другом,

в памяти и во фразе они сплетены, как все в жизни /О. Новикова/, *Как конвейер. Утро, день работы, тупой вечер* /Р. Сенчин/, *Пережить утро, день, а за ними и вечер* теперь казалось сущим пустяком /А. Черчесов/, *Утро, день, сладко томительный вечер, ночь* – всему свой черед, свои краски, запахи, линии... /И. Новиков/. В представленных примерах ощущение цикличности создается, прежде всего, с помощью рядов однородных членов предложения, образованных названиями смежных частей суток.

Сема ‘следование во времени’ может также актуализироваться в контекстах с глаголами с семантикой прекращения действия (состояния), замены либо изменения: *День клонится к вечеру* /Н. Гоголь/, *Но, смотришь, промелькнет утро, день уже клонится к вечеру, а с ним клонятся к покою и утомленные силы Обломова* /И. Гончаров/, *Но прошел день, вечер наступил, непогода не унималась, а судна все не было* /Б. Зайцев/.

В некоторых случаях *утро* и *вечер* выступают как обозначения частей дня. При этом слово *день* выступает в значении ‘светлая часть суток’ (вспомним понятие *световой день* – период от восхода до захода солнца), то есть реализуется двучленная модель суточного времени: *Как в мрак ночной бесплодный вечер канет Венец пустого дня!* /Е. Баратынский/, *Мое утро – начало дня!* /Е. Машкова/. Однако каузема и рефлексемы могут сопоставляться и даже противопоставляться, и тогда на первый план выходит значение ‘часть суток’: *Вечером я поехала к госпоже С...вой, которая таки поставила на своем, взяла с меня слово проводить у нее всякий день, вечер или утро, что могу* /Н. Дурова/, – *Что ж это, по-твоему, рано – в одиннадцать? Это уже не утро – день* /В. Панова/.

3.2. Квалитативно-темпоральные рефлексемы кауземы *день*

3.2.1. Семантические ассоциации в пределах признака ‘степень освещенности’. Как отмечалось выше,

путем ремотивационного анализа Т. Г. Яременко выделяет в семантической структуре названий частей суток квалитативно-темпоральные признаки 'степень освещенности' и 'температурный режим'. В слове *день* эти признаки реализуются семами 'самая светлая часть суток' и 'самая теплая часть суток' соответственно.

О значимости семы 'свет' в структуре значения слова *день* свидетельствуют данные этимологических словарей. Так, П. Я. Черных отмечает, что русское *день*, украинское *день* и бел. *дзень* восходят к индоевропейскому **din-*, производному с суф. -n от **di-/ *dei-* "светить" (прасл. **ďнь* и его родственные соответствия обозначают светлую часть суток, в некоторых языках – "светлый день"). Этимологическую справку о происхождении русской лексики *день* приводит О. Н. Трубачев: «Белый небесный свет, дневной свет и вообще день имеют названия – слав.**ďнь*. и.-е. - **di-* | **dei-*». Как отмечают Вяч. Вс. Иванов и В. Н. Топоров, противопоставление *день* – *ночь* является весьма актуальным для разных уровней древнеславянской системы и для позднейших традиций [278].

Дистрибутивный анализ также подтверждает наличие семы 'свет' в значении кауземы, в случаях, когда в минимальных синтагмах ее партнерами выступают слова различных частей речи с семантикой свечения: *Но день блистает лучезарный* /А. Пушкин/, *День был жаркий, светлый, лучезарный день* /И. Тургенев/ (лучезарный – «Высок. 1. Озаряющий своим светом. Л-ое солнце. || Полный света, сияния, блеска» [247, с. 508]; *После тяжелой грозовой погоды вчера прохладный светозарный весенний день* /А. Шмеман/ *Движет к радости чистое и тихое утро, обещает бо день светозарный* /Ф. Прокопович/, (светозарный – «1. Сияющий, сверкающий» [247, с. 1158]); *Туманы исчезли, и день сверкал чудным последним осенним блеском* /Г. Данилевский/ (сверкать – «1. Ярko блестеть, сиять переливчатым светом» [247, с. 1155]), *День блистал во всей своей красоте* /Н. Телешов/ (блистать – «Ярко светить; сверкать...» [247, с. 84]) и т.п.

В приведенных примерах наряду с семой 'свет' актуализируется также значение 'степень проявления признака'. Выделенные прилагательные и глаголы содержат сему 'ярко' (светить), то есть 'очень сильно'. Таким образом, данные примеры подтверждают наличие в семантической структуре кауземы градуального значения 'максимальная степень проявления квалитативного признака'.

Следует отметить, что лексемы, содержащие в своей структуре сему 'свет', достаточно часто встречаются среди ассоциатов слова *день*. Это такие слова, как *солнечный, солнце, светлый, светло, светлое время суток* и др. [263, с. 161].

Все вышесказанное свидетельствует о необходимости включить в состав анализируемой АСГ₁ ассоциаты слова *день*, содержащие интегральную гиперсему 'свет'. Таковыми являются: *свет* («1. Лучистая энергия... воспринимаемая глазом и делающая видимым окружающий мир» [247, с. 1157] и *солнце* – «2. Свет, тепло, излучаемые этим телом [солнцем], место, освещенное им [247, с. 1233], относящиеся к одной денотативной зоне и являющиеся наиболее частыми ассоциатами слова *день*: *И свет исчезавшего ясного дня Сливался с вечернею тьмою* /С. Аксаков/, *Был жаркий день, и озарен Весь лес был солнцем...* /И. Бунин/, *В один прекрасный мартовский день, уже на исходе месяца, в день, озарённый солнцем* <...> *в дверь моей одинокой отсыревшей кельи сильно постучали* /Б. Окуджава/, *Тот день слепил не только весенним солнцем, но и отражавшими его сотнями новых стекол* /Е. Чижов/.

К это же денотативной зоне следует отнести рефлексемы *сверкание* (производное от *сверкать*), *сияние* («1. Ровный яркий свет, излучаемый чем-либо» [247, с. 1190]) и *блеск* – «1. Яркий, искрящийся, сияющий свет, отсвет» [247, с. 83]. Их особенность состоит в том, что все они связаны с кауземой не только с помощью семы 'свет', но и посредством значения 'максимальная степень проявления квалитативного признака', о чем свидетельствует эксплицированная в их дефинициях сема 'яркий' (то есть

‘очень сильный’, ‘ослепительный’). Приведенные ниже примеры иллюстрируют их ассоциативно-семантическую связь с кауземой: *Отворите мне темницу, Дайте мне сиянье дня...* /М. Лермонтов/, *Я тебе дарю нежность просыпающегося утра, блеск дня, теплоту вечера и эту драгоценную черную ночь в звездах* /В. Розов/, *Таково наше ремесло: мы запоздалые подметальщики сора жизни и блеск дня наблюдаем по угасающим лучам заката* /В. Ключевский/, *Пыль от сверкания дня Дразнит возможностью мира* /И. Анненский/.

3.2.2. Семантические ассоциации в пределах признака ‘температурный режим’. День является не только самой светлой, но и самой теплой частью суток. Соответственно, на языковом уровне признак ‘температурный режим’ в семантической структуре слова *день* представлен не только гипосемой ‘теплый’, но и градуальной семой ‘максимальная степень появления признака’ (‘самый’). Таким образом, квалитативно-темпоральными рефлексимами слова *день*, прежде всего, будут выступать лексемы, эксплицирующие либо содержащие гиперсему ‘теплый’. Это ЛСВ₅ лексемы *тепло* – «Теплое время года, суток; теплая погода» [247, с. 1316] и ЛСВ₂ лексемы *солнце* – «2. Свет, тепло, излучаемые этим телом [солнцем], место, освещенное им [247, с. 1233]. Возникновению ассоциативной связи данных рефлексим с кауземой могут способствовать следующие примеры: *Каждой клеточкой своего тела я ощущал радостное тепло нового дня* /Н. Трофимова/, *После бесконечно долгой зимы и сменившей ее промозглой весны так славно было купаться в обнимающем тепле по-летнему жаркого дня* /Н. Дежнев/, *Я <...> садился на валявшийся чурбачок, ощущая тепло последних солнечных дней* /О. Волков/, *Выходит она в тенистый виноградный дворик для того, чтобы зарядиться спокойным теплом летнего дня* /Д. Рубина/, *Нагретый за день солнцем, он всё ещё был тёплым* /В. Губарев/, *Днём было солнце, и Оля пришла в белом платье* /Б. Пильняк/.

Как отмечалось выше, несмотря на то, что названия частей суток (равно как и названия времен года), прежде всего, квалифицируются как временные отрезки (то есть ядерное положение в их семантике занимают собственно темпоральные семы), значимыми для них являются квалитативно-темпоральные и квалитативно-предметные значения, характеризующие тот или иной отрезок времени. О значимости квалитативного признака ‘температурный режим’ в целом и репрезентирующей его семы ‘тепло’ в семантической структуре слова *день* свидетельствуют такие примеры: *Тепло стало, разогрелся день* /А. Солженицын/, *Стало тепло и, следовательно, новый день уже наступил...* /В. Голованов/ и т. п. В них в роли предиката использован синтаксический дериват существительного *тепло*, обозначающий состояние природы. Подобные конструкции (сочинительные союзные либо бессоюзные) с причинно-следственной семантикой являются отражением экстралингвистической ситуации: стало тепло – следовательно, наступил день.

Отметим также, что лексема *тепло* может вступать в ассоциативно-семантическую связь со словом *день* не только в значении ‘теплая погода’, но и в ЛСВ₂ («Нагретое состояние чего-л. (воздуха, помещения, предмета)» [247, с. 1316]) и ЛСВ₃ («Теплый воздух, исходящий от нагретого, горячего предмета» [там же]), что также обусловлено экстралингвистическими факторами: в теплую погоду воздух, различные предметы днем нагреваются и впоследствии сами могут отдавать тепло. В данных значениях слово *тепло* выступает в следующих примерах: *В помещении станции было прохладно, за ночь ее толстые стены остыли и пока еще не набрали тепла нового дня* /В. Михальский/, *Тепло, накапливаемое за день, будет сохраняться и в ночное время* /И. Луковников/, *Дерево отдавало тепло, накопленное за день* /В. Астафьев/, *Шло это тепло от нагретой за день земли* /В. Распутин/. Как видим, непосредственными синтагматическими

партнерами рефлексемы выступают глаголы с семантикой накопления (*набрать, накопить*) и отдачи (*отдавать, идти*).

К этой же денотативной зоне относим репрезентанты семы 'тепло', содержащие в своей структуре значение 'максимальная степень проявления признака' (градуальную сему 'очень'), а именно лексемы: *жара* – «1. Горячий, сильно нагретый воздух (в знойный день или в жарко натопленном помещении)» [247, с. 299], производный от него коллоквиализм *жарища* (разг.) – «Очень сильная жара» [247, с. 300], *жар* – «Сильно нагретый, горячий воздух. || Жара, зной» [247, с. 299], *зной* – «Сильная жара от нагретого солнцем воздуха» [247, с. 369], *духота* – «|| Жаркий, знойный, насыщенный испарениями воздух [247, с. 290]. Не следует забывать, что метеорологические условия, в том числе и температура воздуха, зависят не только от времени суток, но и от времени года. В течение суток максимальной температура воздуха бывает днем, а точнее в полдень: *Длился, истекал зноем нескончаемый полдень, занавешенный белыми облаками* /Б. Хазанов/, *Был обыкновенный, гнетущий жаром полдень* /Ю. Трифонов/, *Ещё сонные, но довольные утренним холодком, таким приятным после спящей жары полудней, мы отправились на вокзал* /Н. Гумилев/. Представленные примеры свидетельствуют о том, что лексемы, обозначающие максимальную степень тепла, ассоциативно-семантически связаны со словом *полдень* и, таким образом, могут быть представлены на втором уровне анализируемой АСС (см. п. 3.3.2).

Выступая же непосредственными рефлексемами слова *день*, они находятся на первом уровне АСС, при этом в контексте их партнерами часто выступают лексемы-конкретизаторы, обозначающие максимально теплый период года – названия времени года (*лето*) либо месяцев (например, *июль, август*): *Несмотря на жару летнего дня, старик сидит в белом френче* /Е. Водолазкин/, *Зной летнего дня проходит через раскрытые окна* /Н. Велехова/, *А люди ехали в черных сетках – комарниках,*

усиливавших *духоту знойного* и влажного *летнего дня* /В. Обручев/, *Тяжелый зной июльского дня* /Ю. Нейман/, *И эта пыль и духота июльского дня* тоже как-то участвовали в общем горе разлуки /В. Каверин/.

И даже если в контексте такие конкретизаторы отсутствуют (*За окном смеркалось, живая жара дня* ушла вместе со светом /Д. Маркиш/, *Жар* царил здесь большую часть *дня*, *ночь* навевала кошмары безбудущности /С. Арутюнов/, *Палящий зноем день* /М. Пришвин/ и т. п.), не вызывает сомнений тот факт, что речь идет о летнем периоде.

Значимость квалитативно-темпоральных признаков 'тепло' и 'свет' в семантической структуре кауземы также подтверждается примером *Солнечный жар и блеск уже сменились прохладой ночи и неярким светом молодого месяца... на темной синеве звездного неба* /Л. Толстой/, в котором происходит коммуникативная замена кауземы рефлексемами: вместо слова *день* используется словосочетание *солнечный жар* и *блеск*. Актуализации темпоральной семы 'день' в рефлексемах способствует лексема *ночь*. Кроме того, в данном контексте противопоставление дня и ночи осуществляется именно по их квалитативным признакам 'степень освещенности' и 'температурный режим', реализованным в рефлексемах: *жар – прохлада, блеск – неяркий свет*.

Семы 'теплый' и 'светлый' могут актуализироваться и в других лексемах. Так, в примерах *Погожий весенний день так ударил ему в глаза, что он зажмурился* /Б. Полевой/, *Темнота – то, чего я страшно боюсь и гоню от себя даже в светлый, погожий день* /А. Мамедов/, *День* выдался *погожий, солнечный* /Ю. Герман/ в адъективе *погожий* («Хороший, благоприятный в отношении погоды» [247, с. 856]) релевантными становятся значения 'светлый', 'солнечный'. В первом предложении этому способствует глагол *ударил* (*ударить* – «12. Внезапно и сильно подействовать на что-л., вызвать какие-л. (обычно болезненные) ощущения в чем-л.» [БТС, с. 1373]): ср. *свет ударил в глаза – день ударил в глаза*; во

втором и третьем – прилагательные *светлый* и *солнечный* в ряду однородных членов предложения.

Значение ‘теплый’, благодаря синтагматическим партнерам, у прилагательного *погожий* актуализируется в следующих контекстах: *На улице тепло: погожий день ранней осени* /В. Пришвина/, *Погожие, жаркие дни ускорили созревание трав по суходолам* /М. Шолохов/.

Использование данного прилагательного в качестве непосредственного синтагматического партнера также подтверждает значимость качественных составляющих семантики кауземы и служит косвенным подтверждением существования денотативных зон с качественной семантикой в составе АСС с кауземами-названиями частей суток.

3.3. Качественно-темпоральные рефлексемы второго уровня

3.3.1. Рефлексемы кауземы *свет*. Ассоциативно-семантические группы второго уровня в пределах АСС с кауземой *день* образуют рефлексемы рефлексем первого уровня, ассоциативно и по смыслу связанные с исходным словом. Так же, как и в АСС с исходным словом *утро*, одной из каузем второго уровня является слово *свет*, которое объединяет ассоциаты с дифференциальной семой ‘свет’, ассоциирующиеся также со словом *день* и функционирующие с ним в одном контексте. Как и в описанном выше случае, в анализируемую АСТ₂ входят названия источника естественного света: *солнце* – «1. Центральное тело Солнечной системы, представляющий собой гигантский раскаленный плазменный шар, излучающий свет и тепло» [247, с. 1233] и *светило* – «1. Светящееся небесное тело; дневное светило – о Солнце, ночное светило – о Луне» [247, с. 1158]. Ранее отмечалось, что рефлексема *светило* имеет полиассоциативный характер, поскольку используется для обозначения Солнца и Луны, то есть входит в состав четырех АСС с кауземами-

названиями частей суток. При этом в контексте с целью конкретизации значения часто используются расчлененные наименования *дневное / утреннее / ночное светило*.

Об ассоциативно-семантической связи слов *солнце, светило* с непосредственной кауземой *свет* речь шла в предыдущей главе (см. п. 2.3.1). Наряду с этим, согласно данным ассоциативных словарей, лексема *солнце* является также одним из наиболее частых ассоциатов слова *день* [263, с. 161, 267]. В словарных статьях встречаются и такие ассоциаты, как *солнце светило, солнечный* и т. п. О семантической связи рефлексом второго уровня с исходной кауземой свидетельствуют следующие примеры: *Ещё светило солнце, до конца светового дня – три или четыре часа* /А. Азольский/, *Бело-золотое солнце празднует морозный безоблачный день* /М. Зосимкина/, *В Париже светило солнце и день налаживался ясный и теплый* /В. Михальский/, *Чудесный день, светит солнце* /Т. Соломатина/, *Нисходит в ночь светило это, излившее за день на грудь земли все лучи свои, все силы и радости* /М. Горький/, *Одна Зоя <...> смотрела задумчиво, как блестящее светило дня склонялось к покойным водам залива* /М. Жукова/.

Следует также отметить, что непосредственными кауземами упомянутых выше слов могут также выступать синонимы слова *свет*, образующие, наряду с последним, одну денотативную зону, – лексемы *блеск, сияние, сверкание* и т. п. Иллюстрацией этого служат следующие примеры, в которых рефлексемы представлены в одном контексте как с непосредственными, так и с исходной кауземой *день*: *Какое радостное чувство овладевает мною при блеске дневного светила, при блеске теплого яркого солнца* /П. Козлов/, *Но мир златое дня светило Слепящим блеском озарило* /Ф. Тютчев/, *Даже полное сияние солнца, весь его апрельский угрев не мог согреть дня* /М. Пришвин/, *Весь день <...> золотистое солнце переполняло сверканием прозрачный воздух и ярко озаряло дали косыми лучами своими* /А. Эртель/. Ассоциативная связь перечисленных каузем со

словом *солнце* подтверждается словарями ассоциативных норм (заметим только, что в словарях чаще представлены мотиваторы, синтаксическими дериватами которых они являются, – глаголы *сиять*, *сверкать*, *блестеть* [263, с. 611]). Непосредственная семантическая связь прослеживается в элементарных словосочетаниях типа *сияние / сверкание солнца, блеск светила* и т. п.

О семантической и ассоциативной связи исходного слова *день* и рефлексемы второго уровня *солнце* свидетельствуют также примеры, в которых происходит коммуникативная замена рефлексемы кауземой. Так, в предложениях *Однажды проснулась Ольга, трепеща, как в детстве: над изголовьем **светил** новый, страшноватый и жданный **день*** /А. Малышкин/, *Сквозь пыльное, затянутое паутиной окно и ржавую решетку **светил день*** /А. Н. Толстой/, *Сквозь небольшое слюдяное оконце тускло **светил** догорающий **день*** /А. Зарин/, *Печально **светил** погасавший **день** сквозь шелковые занавесы* /Н. Полевой/ слово *день* использовано в метонимическом значении ‘солнце’: *светил день* – то есть *светило солнце*. Эти примеры также еще раз подтверждают значимость квалитативного компонента в семантике кауземы.

Отдельную денотативную зону в пределах анализируемой АСС образует лексема *луч* – «1. Узкая полоска света, исходящая от какого-либо источника света, светящегося предмета» [247, с. 507]. Связана она ассоциативно-семантической связью с кауземами *свет* и *солнце* (в значении ‘свет’). Семантическая связь со словом *свет* очевидна: сема ‘свет’ эксплицирована в дефиниции. Дифференциальная сема ‘солнце’ всего вычленяется путем дистрибутивного анализа, прежде всего, в словосочетаниях с родительным партитивным: *Через минуту робкий **луч** **солнца** уже блестит в лужах дороги* /Л. Толстой/, *Грубый **луч** **солнца** раздваивал сизо-дымчатый воздух* /С. Шаргунов/.

В аналогичных конструкциях с родительным падежом встречаем и каузему *день*: *Здесь ли, во мраке бесстыдных ночей, Должен я встретить*

один из *лучей* Лучшего прошлого, *дня* благотворного! /В. Брюсов/, *Первые лучи* ясного морозного *дня* давно смотрели на меня сквозь опущенные *шторы* больших окон /А. Апухтин/. В данных примерах, как и в описанном выше случае, в слове *день* актуализируется сема 'свет' / 'светлая часть суток', то есть здесь оно также используется в метонимическом значении: *лучи дня* = *лучи света/солнца*.

3.3.2. Рефлексемы кауземы *полдень*. Слово *полдень* («1. Середина дня, время, соответствующее двенадцати часам» [247, с. 898]) является собственно темпоральной рефлексемой слова *день*, при этом оно выступает кауземой второго уровня для квалитативно-темпоральных рефлексем.

Выше мы упоминали о том, что метеорологические особенности, в том числе и температура воздуха, зависят от времени года. Так, наиболее высокая температура воздуха характерна для конца весны, лета и начала осени. Кроме того, максимальная активность солнца как источника тепла и света приходится на середину дня – период, когда солнце находится в зените. Поэтому в контексте с лексемами, обозначающими максимальную температуру воздуха, часто встречаем не исходную каузему *день*, а именно *полдень*: *Уж близок полдень. Жар* пылает /А. Пушкин/, *Чёрные очки его хранят весь жар манхэттенского полдня* /С. Довлатов/, *Здесь в летний зной, в полдневный жар...толпа детей в траве играет...* /М. Лермонтов/. Это значит, что выделенные рефлексемы полиассоциативны: они представлены на первом уровне АСС как непосредственные ассоциаты кауземы *день* (см. п. 3.2.2), а также могут быть расположены на втором уровне, выступая рефлексемами кауземы *полдень*. Так, согласно словарям, лексемы *жара* и *зной* являются ассоциантами слов *день*, *полдень* (*полуденный*) [263, с. 224, 192], кроме того, в семантической структуре слова *полдень* может быть выделена периферийная квалитативная сема 'максимальная температура воздуха', о чем свидетельствуют приведенные выше примеры.

В следующем параграфе речь пойдет о рефлексмах третьего уровня, среди которых будут представлены *восход* и *закат* – семантические ассоциаты слова *солнце*. Если начало и конец дня определяются восходом и заходом солнца, то его середина знаменуется пребыванием солнца в наивысшей точке над горизонтом – в зените. Следовательно, можно говорить о том, что сема ‘солнце в зените’ представлена в семантической структуре слова *день*. Связь с кауземой подтверждается и литературными примерами: *Был яркий летний **день**, **солнце** – в зените* /В. Войнович/. Однако прежде всего лексема *зенит* связана со словом *полдень*, поскольку наивысшей точки траектории солнце достигает именно в полдень. Подтверждением этому служит целый ряд примеров: *Был уже **полдень**, **солнце** вошло в зенит и будто остановилось* /В. Чивилихин/, ***В полдень**, когда **солнце** в самом зените, то есть на самом темени...* /М. Цветаева/, ***Солнце** низко над горизонтом и пригревает немного только в **полдень**, находясь в зените* /П. Козлов/. С учетом этих контекстов следует отметить, что в состав АСГ₃ целесообразнее было бы включить раздельнооформленную рефлексему *солнце в зените*.

Однако сема ‘солнце’ в контексте со словами *полдень* и *зенит* может быть имплицирована, как, например, в предложении *Скоро **полдень**, воцарившись в зените, раскалит добела небосвод* /А. Иличевский/. Здесь слово *полдень* выступает контекстуальным синонимом рефлексемы *солнце*, вследствие чего темпоральные значения ‘часть суток’, ‘часть дня’ «вытесняются» квалитативным – ‘самая жаркая часть суток’.

Градационные значения ‘самый высокий’, ‘самый яркий’ стали доминантными в процессе семантической деривации при образовании метафорического значения слова *зенит* – «Высшая степень, вершина чего-л.» [247, с. 363–364]: *И ты почувствуешь, что можешь **В зените** и на склоне дней Быть самого себя моложе И самого себя зрелей* /А. Твардовский/, *Мюнхен моих дней уже перевалил **зенит** своего **расцвета*** /К. Петров-Водкин/.

3.4. Квалитативно-темпоральные рефлексемы третьего уровня

На третьем уровне АСС с исходной кауземой *день* представлены ассоциаты слова *солнце* (в значении ‘дневное светило’) – *восход* и *заход*. Дифференциальные семы ‘восход’ и ‘заход’ эксплицированы в словарной дефиниции кауземы: *день* определяется, прежде всего, как часть суток от восхода до захода солнца (см. определение выше). То есть семантическая связь рефлексем с исходной кауземой очевидна. При таком определении границы дня в пределах суток расширяются: поскольку восход и закат определяют наличие естественного света, *день* обозначает не одну четвертую (с 12.00 до 18.00), в соответствии с часовой моделью времяисчисления, а светлую часть суток. С учетом вышесказанного отметим, что лексемы *восход* и *заход* имеют полиассоциативный характер: они связаны также с кауземами *утро* и *вечер*, поскольку положение солнца над горизонтом определяет границы этих частей суток. Но если в состав АСС «утро» и «вечер» данные лексемы входят как в процессуальном, так и в темпоральном значениях, то в контексте со словом *день* они обычно обозначают процесс: *Дажьбог имел спутника в виде вепря, его птицей был петух, возвещавший о восходе солнца и начале нового дня* /В. Епифанцев/, *Как только с травы сходила серебристая роса, они выбирались из улья и весь день, до захода солнца, проводили на лугу* /В. Кологрив/.

О значимости семы ‘восход солнца’ в структуре слова *день* свидетельствуют представленные ниже примеры, в которых происходит коммуникативная замена рефлексемы кауземой – восход солнца обозначается как восход дня: *И дух свой к тем странам вперя, где всходит день по темной ноци* /М. Ломоносов/, *И все-таки восходит день* /Г. Померанц/.

Семы ‘начало дня’ и ‘конец дня’ в предикативных сочетаниях *восходит солнце* и *заходит солнце* актуализируется и в метафорических конструкциях: *Рациональный день новой истории кончается, солнце его*

заходит, наступают сумерки, мы приближаемся к ночи /Н. Бердяев/,
*Прошла чреда душевного недуга; **Восходит солнце** прежних дней*
 /П. Ершов/.

Рефлексемой ЛСВ₁ слова *солнце* также может выступать слово *луч*. Это слово было рассмотрено нами выше, среди рефлексем слова *свет* и его синонима *солнце* (в ЛСВ₂). Однако текстоцентрический анализ показал, что рефлексема *луч* может быть представлена и на третьем уровне АСС, обозначая свет, исходящий от дневного светила: *Последний и первый **лучи** дневного светила приветствовали начинающийся и кончающийся **день*** /П. Козлов/.

3.5. Квалитативно-предметные рефлексемы кауземы *день*

3.5.1. Семантические ассоциации в пределах признака 'состояние человека'. А. Д. Шмелев отмечает, что по сравнению с западной культурой «в русском представлении концептуализация времени суток в большей степени зависит от того, что человек делает в период времени, о котором идет речь» [230, с. 19].

Действительно, в русской языковой картине мира день заполнен деятельностью; дневная деятельность начинается утром, а заканчивается вечером; ночь – перерыв в деятельности.

«В западном представлении членение суток на периоды зависит от «объективного» времени, показания часов, и сутки структурируются в первую очередь полуночью и полуднем; при этом полдень имеет большее значение, поскольку структурирует самую важную часть суток – время, предназначенное для работы (рабочий день)» [230, с. 18]. Так, в большинстве европейских стран день структурируется «обеденным перерывом», расположенным в интервале от 12-ти до 14-ти часов. Время суток до этого перерыва (т.е. от полуночи до полудня) называется *утро*. Часть времени после этого перерыва и приблизительно до конца рабочего

дня имеет специальное название, точного эквивалента которому в русском языке нет (франц. *après-midi*, англ. *afternoon*, нем. *Nachmittag*, итал. *pomeriggio*). В некоторых контекстах это слово может быть переведено как *после полудня*, *послеполуденный*; в других наиболее близким переводным эквивалентом здесь является просто слово *день*. То есть, для русской модели времени суток значимыми являются моменты пробуждения, начала и конца дневной деятельности, а для западноевропейской – полночь и полдень (и связанный с полуднем обеденный перерыв).

Однако независимо от того, как человек обозначает временные интервалы, любой из них заполнен теми или иными событиями. На языковом уровне этот факт находит отражение в том, что в семантической структуре названий частей суток выделяется семантический признак ‘жизнедеятельность человека’.

Традиционно день считается периодом наибольшей активности. Поэтому в пределах названного качественно-предметного признака целесообразно выделить сему ‘активность’, а точнее, сему ‘наивысшая степень активности’. Значение ‘активная деятельность’ семантически связывает каузему *день* с многочисленными рефлексемами, реализующими ее в качестве ядерной, например, такими, как *активность*, *оживление*, *работа*, *деятельность*, *служба* (в значении ‘работа, занятие’) и т.п., что подтверждается целым рядом примеров из художественной литературы: *И вот обыкновенные люди <...> радуются теплу очага после трудового дня работы* /В. Гроссман/, *Бедным гулять, сударь, некогда, у них день и ночь работа* /А. Островский/, *Весь день на улице было большое оживление* /А. Аллендорф/, *Весь этот день Страхов развивал бурную активность* /Л. Корнешов/, *Начались дни почти осмысленные, наполненные какой-то деятельностью* /В. Шаламов/, *Людмила Николаевна в этот день проявила столько энергичной деятельности* /В. Гроссман/, *Это все понятно – целый день на службе, тоже нелегко* /Е. Шкловский/.

Если для взрослых основным видом дневной деятельности является работа, то для школьников и студентов это учеба. Таким образом, лексему, обозначающую данный вид деятельности, также следует отнести к рассматриваемой денотативной зоне по аналогии с вышеперечисленными словами. Об ассоциативно-семантической связи с ее кауземой свидетельствуют следующие примеры: *Через такую артель отец устроился ночным сторожем, поскольку **дни** были заняты **учебой*** /А. Городницкий/, ***Днем** она приходит с **учебы*** /А. Трушкин/ и т. п.

Отметим также, что денотативная зона, образованная данными рефлексемами, имеет открытый характер, поскольку в нее можно включить множество других слов (в первую очередь гипонимов упомянутых лексем), содержащих гиперсему 'активная деятельность': *Было то время, когда утомленные **дневными трудами и заботами** парубки и девушки шумно собирались в кружок, в блеске чистого вечера...* /А. Чехов/; ***Днем** ходит по аулу или **рукодельничает*** /А. Куприн/ и т. п.

Следует отметить, что из перечисленных лексем со словом *день*, согласно «Русскому ассоциативному словарю», ассоциируется лишь слово *работа*. (Кроме того, сема 'время работы' в смысловой структуре слова *день* вычленяется путем ремотивационного анализа [241].) Однако слова *деятельность*, *оживление* и *активность* были отмечены как ассоциаты лексемы *день* в ходе проведенного нами направленного ассоциативного эксперимента. Более того, как было сказано ранее, фундаментом для ассоциирования является использование лексем в одном (минимальном) контексте, то есть представленные выше примеры также могут служить подтверждением наличия ассоциативной связи рефлексем с кауземой.

У многих респондентов, принимавших участие в ассоциативных экспериментах, день ассоциируется прежде всего с обедом. Следует отметить, что в диалектах одним из значений глагола *дневать* является 'обедать' [там же]. При этом логично продолжается ряд названий приема пищи по времени этого действия: *утренничать* (есть первый раз, немного,

как правило, до рассвета или на рассвете), *завтракать* (есть, когда уже рассвело, утро уже не только наступило, но и заканчивается) и *дневать* (= *полудневать*) (время естественного перерыва в работе, поскольку солнце (если это летом) стоит высоко и греет максимально). Однако в литературном языке закрепилось лишь слово *обедать* – «Принимать дневную, после завтрака, пищу; есть обед» [271, VIII, с. 70]. Событийно-темпоральный глагол *обедать* мотивирован словом *обед* – «1. Принятие пищи, обычно в середине дня в отличие от завтрака и ужина» [271, VIII, с. 69]). БТС уточняет: «1. Основной прием пищи, еда (обычно в середине дня)», [247, с. 664]. Вышесказанное свидетельствует не только о наличии семантической связи рефлексемы и кауземы, но и о значимости квалитативно-предметного компонента значения для названий частей суток.

Таким образом, сема 'день' является дифференциальной для рефлексемы, в то время как сема 'обед' представляет дифференциальный признак 'деятельность человека' в составе кауземы. Приведенные ниже примеры иллюстрируют ассоциативно-семантическую связь лексем: *Я видел Нюру лишь по утрам, когда убирался кабинет, <...> и днём, за обедом* /Ю. Трифонов/, *В час дня был объявлен перерыв на обед* /М. Богданов/, *В середине дня обед* /Э. Герштейн/.

Еще одним подтверждением значимости тех или иных событий, заполняющих день, является развитие у слова *обед* метонимического темпорального значения – ЛСВ₃ – «Разг. Время такого приема пищи» [247, с. 664]. В данном значении слово *обед* также входит в состав анализируемой АСС, однако представлено оно наряду с собственно темпоральными рефлексемами и относится к той же денотативной зоне, что и слово *полдень*, то есть выступает меронимом по отношению к кауземе. Семантическая связь между лексемами *день* и *обед* в данном случае осуществляется посредством значения 'часть суток'. Иными словами, *обед* представляет собой и часть дня, и часть суток. Темпоральное значение рефлексемы актуализируется в следующих контекстах: *В один из ненастных*

*сентябрьских дней, ближе к обеду, в госпиталь привезли бойца /А. Воробьева/, Они обычно возвращаются. На следующий день к обеду /Ю. Калинина/, Потом все разом, в один день, ели с обеда до полуночи и все съели /Ю. Азаров/, Но он настырно являлся всякий день, утром, в обед и вечером, и сидел поодаль /Б. Екимов/. Предложно-падежные формы к обеду, с обеда, в обед в данных примерах выступают в роли обстоятельства времени. Наиболее ярко временная семантика проявляется в двух последних примерах, где актуализация значения ‘часть (середина) дня’ происходит благодаря сочетанию с темпоролексемами *полуночь, утро, вечер*.*

Слово *обед* имеет еще одно значение – ‘торжественный прием пищи’: *В воскресные дни у них бывали к обеду гости /В. Михальский/, Наши мужья ночевали в доме Дугласов и на следующий день пригласили нас обеих на обед /И. Ефимов/. В таком значении слово обычно функционирует в сочетании с прилагательными-конкретизаторами: торжественный, званый, прощальный и т. п.: **На другой день он задал мне прощальный обед со стерлядями и с жэженкой /А. Битов/, В этот торжественный день был парадный обед на нижней террасе /С. Пилявская/, На следующий день, после торжественного прощального обеда в их честь, где все снова читали и пели, Андрей, маньеристы и «Бахыт-Компот» вернулись на самолете в Москву /А. Грачев/.***

Отметим также, что в данном значении рефлексема *обед* является полиассоциативной, поскольку может ассоциироваться также со словом *вечер* и относиться к той же денотативной зоне, что и лексемы *ужин, бал, вечер* (см. п. 4.5.1): *Частые вечера, званые обеды, иногда балы, на Рождество маскарады привлекали в дом Мейергольдов многочисленных гостей из самых «высших» кругов /Ю. Елагин/.*

К группе слов, номинирующих прием пищи в дневное время, относится также слово *полдник* (реже – *полудник*), которое в настоящее время толкуется как «легкая еда между обедом и ужином, время такого приема пищи» [247, с. 898], хотя еще в «Толковом словаре русского языка» Д. Н. Ушакова оно

зафиксировано как диалектизм в значении «завтрак, еда в полдень» [273, III, с. 512]. Очевидна деривационная связь рефлексемы со словом *полдень*, что позволяет предположить наличие ассоциативно-семантической связи. Однако данная лексема в первую очередь является рефлексемой слова *день*, поскольку с точки зрения семантики может быть определена как ‘дневная еда’, то есть ‘день’ в ее структуре является гипосемой. В семантической структуре кауземи сема ‘полдник’ репрезентирует признак ‘деятельность человека’. И хотя ассоциативная связь лексем не подтверждается словарями, о ее наличии могут свидетельствовать следующие примеры: *К нему готовятся повара и дежурное звено, его ждут все ребята как праздник дня: что на полдник?* /Е. Велтистов/, *Каждый день после полдника выходил Леонардо из дому* /Д. Мережковский/.

К денотативной зоне «дневных» событий следует отнести и рефлексему *обедня* – «1. Церк. Христианское богослужение, совершаемое утром или в первую половину дня; литургия» [247, с. 664]. Дефиниционный анализ показал, что данная рефлексема полиассоциативна, поскольку семантически связана с названиями двух частей суток – *утро* и *день*: семы ‘утро’ и ‘день’ эксплицированы в определении, они репрезентируют семантический признак ‘время проведения’ (об ассоциативно-семантической связи лексем *обедня* и *утро* речь шла в п. 2.5.1). Однако поскольку данная лексема деривационно связана со словом *обед*, который ассоциируется, прежде всего, с дневным периодом, мы включаем ее и в состав анализируемой АСС. На уровне текста ассоциативно-семантическая связь лексем *день* и *обедня* проявляется в следующих примерах: *Знойным августовским днем, после обедни, Шубниковы, сопровождаемые Настенькой, прибыли к Мешковым откушать воскресного пирога* /К. Федин/, *Около двух часов дня торжественная обедня в соборе окончилась* /А. Достоевская/, *В 12 часов дня, по окончании обедни, все гости вышли из церкви* /Б. Савинков/, *Обедня в тот день была короткая* /Г. Марков/.

К этой же денотативной зоне можно отнести и гипероним слова *обедня* – ЛСВ₆ лексемы *служба* – «Совершение в церкви религиозных обрядов; богослужение» [247, с. 1213]. Данная лексема является полиассоциативной: поскольку различные церковные службы совершаются на протяжении суток, ассоциироваться данное слово может со всеми частями суток, кроме того, на семантическом уровне признак ‘время проведения’ может быть представлен семами ‘утро’, ‘день’, ‘вечер’ и ‘ночь’. Дифференциация служб (по времени проведения либо по предназначению) осуществляется с помощью гипонимов *утреня (заутреня), обедня, вечерня, всенощная*, в которых соответствующая сема эксплицируется в корневой морфеме, либо с помощью синтагматических партнеров, например, *праздничная служба*. Связь рефлексемы со словом *день* иллюстрируется такими примерами: *Все двери в соборе открыты, весь день входит и выходит простой народ, весь день службы...*/И. Бунин/, *Целый день мы на послушании, на службы не ходим* /М. Кучерская/, *В древних богослужебных книгах – минеях – праздничные церковные службы одного и того же дня записаны вместе* /В. Янин/.

3.5.2. Семантические ассоциации в пределах признака ‘состояние природы’. Не следует забывать, что в дневное время активизируется жизнедеятельность не только человека, но и большинства живых существ. Текстцентрический анализ показал, что потенциальная сема ‘активность’ может репрезентировать признак ‘состояние природы’ в составе кауземы. Данная сема актуализируется в словах *оживление, движение, активность* и т. п., используемых при описании природы: *День – сей блистательный покров, – День, земнородных оживленье, Душе болящей исцеленье, Друг человека и богов!* /Ф. Тютчев/, *О, как пронзительны и дики, Как ненавистны для меня Сей шум, движенье, говор, крики Младого, пламенного дня!.. О, как лучи его багровы, как жгут они мои глаза!..* /Ф. Тютчев/.

Дифференциальный семантический признак ‘состояние природы’ в значении слова *день* также представлен семами ‘восход солнца’ и ‘заход солнца’, которые эксплицированы в ЛСВ₁ (см. дефиницию выше). Ассоциативно-семантические связи упомянутых выше лексем описаны нами в статье «Квалитативно-предметные рефлексемы названий частей суток» [16].

3.6. Квалитативно-предметные рефлексемы второго уровня

АСГ₂ образуют квалитативно-предметные рефлексемы лексем *работа* и *учеба*. Прежде всего, это слово *работа* в его метонимическом значении ‘место службы’. Она образует отдельную денотативную зону в составе АСГ₁, обозначая место пребывания человека в дневное время. К этой же зоне относим и слово *служба* в том же локативном значении: *Анна весь день проводила на работе* /В. Токарева/, *А что женщина может поделатъ, если весь день она на работе и на дорогу уходит час пятнадцать!* /Л. Петрушевская/, *Все-таки в этот день я пошла на работу* /И. Грекова/, *Аня не каждый день на службу ходит* /Д. Донцова/, *В тот роковой день со службы он вернулся в ужасном настроении* /В. Львов/. Выделенные рефлексемы ассоциативно и семантически связаны как с непосредственной кауземой *работа*, так и с исходной кауземой *день*. Работа, служба – это место, где люди в большинстве случаев проводят бóльшую часть дня, то есть в семантической структуре слова может быть выделена периферийная сема ‘день’ в рамках признака ‘время пребывания’. Кроме того, подтверждением наличия как ассоциативной, так и семантической связи служат также приведенные выше примеры.

Семантическими ассоциатами слова *учеба* являются, прежде всего, названия учебных заведений – *школа, институт, университет* и т. п.: *Всего с лихвой дано мне было <...> И детской мстительной мечты, И дней, не высиженных в школе* /А. Твардовский/, *И вот, во второй половине дня я*

иду в школу /П. Мейлахс/, *К концу короткого дня*, в сумерках, *пришел из школы Гоша* /Л. Улицкая/, *Целые дни* я проводила в Суриковском институте /Л. Вертинская/, *Днем* она училась в педагогическом институте, а вечером работала /В. Войнович/.

Среди лексем, ассоциативно-семантически связанных со словом *учеба* и словом *день*, может быть представлена лексема *стационар* как обозначение формы очного (дневного) обучения в вузе. Следует отметить, что в современном русском языке данная лексема является коллоквиализмом и в упомянутом значении не представлена ни в одном из толковых словарей. Однако в словаре украинского языка у слова *стаціонар* выделяется оттенок значения «Форма очного навчання у вузі, технікумі. Вступати до стаціонару» [272, IX, с. 672]. В таком значении рефлексема используется в контексте: *Учѣба на стационаре, то есть дневном отделении высшего учебного заведения (техникума, училища, университета и т. д.) в страховой стаж засчитывается только до 1 января 2004 года на основании диплома* /Д. Юровская/.

Выводы к главе 3

Слово *день* наиболее частотно среди названий частей суток, что обусловлено многозначностью лексемы, объединяющей пять лексико-семантических вариантов. Все они относятся к семантическому полю времени, однако при формировании ассоциативно-семантической структуры учитывался ЛСВ₁, в котором лексема входит в состав ЛСГ «часть суток». Данный ЛСВ представляет как четырехчленную («часть суток между утром и вечером»), так и двухчленную («часть суток от восхода до заката») модели суточного времени.

Однако, несмотря на высокую частотность лексемы, которая способствует возникновению большего количества ассоциаций, АСС с

кауземой *день* в количественном отношении уступает рассмотренной выше АСС с кауземой *утро*.

В целом, АСС объединяет рефлексемы трех уровней.

Как и в семантической структуре названий других частей суток, в слове *день* выделяются признаки темпоральные ('часть суток', 'следование во времени', 'после утра', 'перед вечером'), квалитативно-темпоральные ('самая светлая часть суток', 'самая теплая часть суток'), квалитативно-предметные ('состояние природы', 'состояние человека').

Как и слово *утро*, в пределах темпорального признака лексема *день* ассоциативно-семантически связана с названиями других частей суток. Сема 'основная часть суток' связывает ее со словом *ночь*, а признак 'следование во времени' – с названиями предшествующей и последующей частей суток – лексемами *утро* и *вечер*. Кроме того, при совместном использовании лексем *день* и *ночь* в контексте, релевантными могут становиться также семы 'цикличность' и 'отрезок времени'.

Посредством признака 'отрезок времени' каузема вступает в ассоциативно-семантические отношения со своим холонимом *сутки* и партонимом *полдень*.

Квалитативно-темпоральный признак 'степень освещенности' в семантической структуре кауземы репрезентирует сема 'самая светлая часть суток', что обуславливает появление в составе АСГ₁ обозначений свечения, содержащих градуальные семы (*блеск, сияние, сверкание* и т. п.).

Признак 'температурный режим' в слове *день* также представлен не только гипосемой 'теплый', но и градуальной семой 'максимальная степень проявления признака' ('самый'). Таким образом, к денотативной зоне обозначений температуры воздуха относится не только лексема *тепло*, но и слова *жара, зной, жар* и т. п.

Как отмечалось в теоретической части работы, АСГ представляет собой парадигму, при формировании которой учитываются не только собственно лингвистические, но и экстралингвистические факторы.

Последние играют особую роль при отборе квалитативных рефлексем. Так, слова *жара, зной* и т. п. будут ассоциироваться с *днем*, если речь идет о теплом периоде (конец весны – лето – начало осени), что подтверждается многочисленными примерами.

На втором уровне АСС расположены рефлексемы слова *свет* – названия источников света и форм свечения. Кауземой второго уровня также выступает слово *полдень*, с которым ассоциативно-семантически связаны рефлексемы двух денотативных зон – *зенит* и *жара, зной*.

Третий уровень АСС представлен рефлексемами слова *солнце* (*восход, заход и луч*), которые также образуют две денотативные зоны.

Поскольку день традиционно считается периодом наибольшей активности, на языковом уровне в рамках признака ‘состояние человека’ выделяется сема ‘наивысшая степень активности’. Эта сема в качестве ядерной реализуется в рефлексемах *активность, оживление, работа, деятельность, служба* (в значении ‘работа, занятие’). Денотативная зона, представленная этими рефлексемами, имеет открытый характер, поскольку может быть дополнена целым рядом единиц, содержащих гиперсему ‘активная деятельность’. В контексте с лексемами *оживление, движение, активность* в слове *день* может также актуализироваться дифференциальный признак ‘состояние природы’.

Квалитативно-предметный компонент значения связывает с кауземой *день* слова *обед, полдник, обедня*, в семантической структуре которых выделяется дифференциальная сема ‘день’, репрезентирующая признак ‘время проведения’.

Квалитативно-предметными рефлексемами второго уровня выступают ассоциаты слов *работа* и *учеба*. Они покрывают две денотативные зоны: названия учреждений и учебных заведений (зона открытого характера), форма обучения в учебных заведениях (*стационар*).

В составе АСС выделяется ряд полиассоциативных рефлексем, например, слово *обедня*, связанное с названиями двух частей суток – *утром*

и *днем*; слово *солнце*, связанное с кауземой посредством двух семантических признаков – 'степень освещенности' и 'температура воздуха'; слова *жара* и *зной*, представленные на первом и на втором уровне структуры.

ГЛАВА 4

АССОЦИАТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА С КАУЗЕМОЙ *ВЕЧЕР*

4.1. Темпоральные рефлексемы кауземы *вечер*

4.1.1. Семантическая структура лексемы *вечер*. В традиционных системах исчисления вечер представляет собой промежуток времени с 18 до 24 часов. В обыденном представлении это период от захода солнца до 22–23 часов (в среднем с 16 до 23 часов). Лексема, обозначающая этот промежуток времени, является многозначной. Наряду с прямым, собственно темпоральным, значением «1. Часть суток от окончания дня до наступления ночи» [247, с. 123], в толковых словарях представлены семемы «2. *чего* и с *опр.* Вечернее общественное собрание, посвященное чему-либо; вечернее представление. 3. (с *опр.*) Встреча друзей, знакомых, близких в вечернее время для общения, развлечения, празднования чего-либо (обычно с угощением) [там же]. Следует отметить, что в БАС-1 зафиксирован еще один ЛСВ лексемы *вечер* – ‘состояние природы в это время’, который, однако, не представлен в более современных словарях (БАС-2, БТС).

Слово *вечерь* в темпоральном значении фиксируется в лексикографических источниках с XII века [269, II, с. 129], приблизительно в это же время формируется и метонимическое значение ‘вечернее общественное увеселение’ [там же].

В «Историко-этимологическом словаре ...» П. Я. Черных слово *вечер* определяется как «часть суток, предшествующая ночи» и как «время заката солнца» [278, I, с. 148]. Автор отмечает, что *вечер* «в этимологическом отношении не очень ясное слово», но «заслуживает внимания давно уже сделанное Беценбергом сопоставление с лит. *vokà* – «крышка», латыш. *vāks* – тж., лит. *vókas* – «веко», арв. *vakti* – «скрывать»... Т.о., корень о.-с. слова мог бы

быть *vek-; суф. -ero-, старшее знач. – «время заката солнца» [там же]. Подобной точки зрения придерживаются и составители «Етимологічного словника української мови», которые отмечают, что, исходя из праславянского *večerь* <*veker-, «всі індоєвропейські форми зводяться, очевидно, до двох основ: балтосл. *čekero і гр.-лат.кельт. *čespero; за Бругманом..., *čekero можна розуміти як «внизу (за обрієм) тремтячий промінь»; останнім часом слов'янські і балтійські форми зіставляються з лит. *úkti* «хмаритися», *úkanas* «хмарний» *úksna* «тінь».

Таким образом, дефиниционный анализ ЛСВ₁ позволяет вычленишь в семантической структуре ЛСВ₁ слова *вечер* денотативные признаки 'отрезок времени', 'часть суток', 'после дня', 'перед ночью'. Более того, приведенная в качестве примера в БАС-2 цитата из «Евгения Онегина» А.С. Пушкина – *Куда? Уж эти мне поэты! – Прощай, Онегин, мне пора. – Я не держу тебя; но где ты свои проводишь вечера?*, свидетельствует о наличии в данной семеме прагматического компонента 'время досуга', который оказался мотивационно активным на эпидигматическом уровне и обусловил появление ЛСВ₂ и ЛСВ₃.

С помощью компонентного и ремотивационного анализа в семантической структуре слова *вечер* наряду с перечисленными выше собственно темпоральными значениями Т.Г. Яременко выделяет квалитативно-темпоральные ('свет', 'света меньше, чем днем', 'темнота', 'тепла меньше, чем днем', 'тепла больше, чем ночью'), а также квалитативно-предметные ('праздность', 'легкая физическая работа') семантические признаки [241, с. 170–171] (см. Приложение Д). Все они определяют состав ассоциативно-семантической структуры, кауземой которой является анализируемая лексема.

4.1.2. Семантические ассоциации в пределах признаков 'часть суток' и 'следование во времени'. Как в описанных выше случаях, путем компонентного анализа в семантической структуре лексемы *вечер* выделяется архисема 'время',

гиперсема 'часть суток' и семы-дифференциаторы 'после дня' и 'перед ночью'.

Посредством гиперсемы 'часть суток' лексема *вечер* связана с членами ЛСГ «части суток» – лексемами *утро*, *день*, *ночь*, вступает в ассоциативно-семантическую связь с ними, выступая как в роли кауземы, так и в роли рефлексемы по отношению к остальным (см. пп. 2.1.2, 3.1.2).

Данные ассоциативных словарей свидетельствуют, что с вечером чаще всего ассоциируется другая промежуточная часть суток – утро [263, 267]. Из 220 реакций на слово *вечер*, согласно РАС, *утро* представлено 31 раз. В нашем АЭ данная лексема упоминается 68 респондентами, всего же обнаружено 202 реакции.

Лексемы *вечер* и *утро* образуют контрарную оппозицию и противопоставляются названиям основных частей суток – *день* и *ночь*. В тексте при совместном употреблении кауземы с рефлексемой *утро* сема 'часть суток' обычно актуализируется при противопоставлении данных лексем либо их синтаксических дериватов: *Утро вечера мудренее* /Нар. тв./, *Думай **ввечеру**, что делать **поутру*** /Нар. тв./.

О сочетании *с утра до вечера* в значении 'целый день' речь шла выше (см. п. 2.2.1). Словосочетание *с вечера до утра* по аналогии имеет значения 'ночью', 'всю ночь': *В течение всего процесса мы с Леной работали над расшифровкой Ларисиных записей каждую ночь напролет, с вечера до утра* /Н. Воронель/, *Однажды он простоял так в одном хитоне целую холодную ночь с вечера до утра* /М. Гаспаров/.

Совместное использование этих двух сочетаний выражает значение 'непрерывно', 'постоянно': *Город, в котором пытали и убивали с утра до вечера и с вечера до утра, ничего не должен был знать ни о палачах, ни о замученных и убиенных* /Л. Чуковская/, *С утра до вечера и с вечера до утра с нами что-то чрезвычайное происходит* /З. Ибрагимова/. Таким образом, при совместном использовании в контексте антонимичных лексем *утро* и *вечер* актуализируется семантический признак 'протяженность во времени'.

Следует отметить, что в некоторых случаях лексемы *вечер* и *утро* могут использоваться совместно для обозначения неопределенного временного периода: ...*Румяным **вечером** иль **утра** в час златой Из-под куста мне ландыш серебристый Приветливо кивает головой* /М. Лермонтов/.

Лексемы *вечер* и *утро* связаны семантически не только посредством гиперсемы 'часть суток', но посредством значения 'промежуточная часть суток', так, *вечер* является промежуточной частью суток наряду с *утром*. То есть сема 'утро' представлена как периферийная в структуре слова *вечер*. Ассоциативная связь данных лексем подтверждается всеми приведенными выше примерами.

Наряду с *утром* непосредственными рефлексемами слова *вечер* являются также названия предшествующей и следующей за *вечером* частей суток – *день* и *ночь*. Дифференциальные семы 'день' и 'ночь' эксплицированы в словарной дефиниции кауземы. Как отмечалось выше, при использовании в одном контексте лексем, обозначающих смежные части суток, в них, прежде всего, актуализируется семантический признак 'следование во времени'.

В нашем сознании зафиксировано, что *вечер* завершает *день* (согласно А.Д. Шмелеву, «когда дневная деятельность (работа) заканчивается, наступает *вечер*, который длится до тех пор, пока люди не ложатся спать (тогда наступает *ночь*)» [230, с. 20]). Обычно финитное значение реализуется в производном глаголе *вечереть*: *Но **день** багряный **вечерел*** /А. Пушкин/, ***День **вечереет**, ночь близка, Уж поздно. **Вечереет** **день***** /Ф. Тютчев/. Иными словами, *вечер* воспринимается как итог дня (вспомним пословицу ***Вечер покажет, каков был **день*****). Значение 'конец дня' становится релевантным и в художественных текстах: *Первое их свидание произошло **вечером** серого пасмурного **дня*** /Б. Пастернак/, *Как в мрак ночной бесплодный **вечер** канет, **Венец** **пустого дня!*** /Е. Баратынский/. В приведенных выше примерах слово *день* выступает в значении 'светлая часть суток' ('часть суток от восхода до захода солнца'). *Вечер* ассоциативно-семантически связан словом *день* и в

значении ‘сутки’: *А вечер, **вечер** дня предыдущего – сама любовь и нежность* /С. Солоух/. То есть вечер, с одной стороны, является продолжением дня (с учетом деления суток на 4 части), с другой – его завершением (при делении суток на светлый и темный периоды). Таким образом, в сочетании со словом *день* в лексеме *вечер* релевантными становятся значения и ‘часть суток’, и ‘часть дня (как светлого времени суток)’.

Кроме того, в семантической структуре слова *вечер* выделяется дифференциальная сема ‘предшествует ночи’. Согласно словарям ассоциативных норм, *ночь* является одним из наиболее часто встречаемых ассоциатов слова *вечер* [263, т. 1, с. 87, 267]. Более того, А.Д. Шмелев отмечает, что «‘вечер’ не вполне четко отделяется от ‘ночи’» [230, с. 20]). Его точка зрения подтверждается рядом примеров: *Дождь все время сеял и, в общем, мочил порядочно, сеял **вечер, ночь*** /П. Козлов/, *Вечер выдался теплый и тихий. Впрочем, **не вечер – ночь** уже* /И. Новиков/, *Настал **вечер, ночь*** /И. Гончаров/.

Различению этих частей суток чаще всего способствуют синтагматические партнеры с семантикой замены (***Вечер сменяет ночь** затихают звуки* /И. Вас/, *Теперь же на смену **вечеру** придет не дивная **ночь**...* /В. Платова/, *Как камыш, кирпич колыша, Дни несутся в вечера* /Б. Пастернак/, *День давно погас, и **вечер**, сперва весь огнистый, потом ясный и алый, потом бледный и смутный, тихо таял и переливался в ночь* /И. Тургенев/) либо исчезновения (...***в мрак ночной** бесплодный **вечер канет*** /Е. Баратынский/).

Все вышесказанное подтверждает наличие ассоциативно-семантической связи названий частей суток, а также правомерность включения лексем *утро*, *день* и *ночь* в состав АСГ₁ в пределах АСС с кауземой *вечер*.

4.1.3. Семантические ассоциации в пределах признака ‘отрезок времени’. Среди дополнительных условных

обозначений частей суток наряду со словом *рассвет* (рефлексемой кауземы *утро*) представлена лексема *закат*. Однако если в дефиниции слова *рассвет* сема 'утро' эксплицирована (*рассвет* – «Время суток перед восходом солнца, когда начинает светать; начало утра» [247, с. 1096]), в значении слова *закат* («1. Заход за линию горизонта (о солнце, реже о других светилах) [247, с. 325]) сема 'вечер' не эксплицируется, хотя темпоральный признак реализуется в оттенке значения 'время захода солнца' [там же].

Вспомним, что этимологически *вечер* – это и есть закат (см. п.4.1). Отсутствие отсыла непосредственно ко времени суток, когда происходит описываемое действие, может быть объяснено очевидностью, обычностью этого параметра. Как отмечает Ю. В. Казарин, «денотативная модель реального процессуально-событийного мира закреплена в сознании человека в качестве идеальной сущности, которая взаимосвязана с материальным воплощением ее структуры и компонентов в языке» [85, с. 110–112], но экспликация в языке и особенно в речи может не находить подтверждения в метаязыке.

Поскольку, согласно языковой картине мира, вечер начинается с заходом солнца, можно утверждать, что в лексеме *закат* темпоральный признак представлен как семой 'часть суток', так и семой 'часть вечера', то есть сема 'вечер' является дифференциальной.

Как и лексема *рассвет*, в темпоральном значении *закат* чаще всего выступает в форме предложного падежа с предлогом *на* (*Стол принимает на закате Вид постоянного двора* /Б. Пастернак/, *Любили они на закате под крики чаек и шум набегающих волн уйти далеко по берегу* /Г. Бакланов/) и творительного падежа с предлогом *перед* (*Мы приехали туда перед закатом* /В. Овчинников/, *Вспоминала мою владимирскую бабушку, как она молилась перед закатом* /А. Демидова/).

Данные ассоциативных словарей подтверждают наличие ассоциативной связи между словами *вечер* и *закат* [263, с. 87], при этом

закат является одной из наиболее частых реакций на слово *вечер*. Все вышесказанное позволяет включить слово *закат* в состав АСГ₁ с кауземой *вечер*. Ассоциативно-семантическая связь рефлексом подтверждается следующими контекстами: *Вечер, небо красивое – как всегда перед закатом* /В. Каганский/, *Закат окончил летний тёплый вечер* /С. Кузнецов/, *Летний вечер в час закатный одарит своим теплом* /И. Бутримова/.

Слово *закат* в контексте может выступать в локативном значении ‘место захода солнца’, также будучи связанным со словом *вечер* (*Закат был пламенем объят, С раздумьем вечером свиты...* /В. Хлебников/).

К этой же денотативной зоне относим синонимичное *закату* слово *заход* – «2. Закат (небесного светила)» [247, с. 355]. Как видим, в словарной дефиниции эксплицировано процессуальное значение. В контексте оно чаще всего реализуется в сочетании с глаголами зрительного восприятия: *В городе Пошехонье пожарник с каланчи увидал яркий заход солнца за лесом и принял за пожар в лесу* /С. Аверичева/, *Семен любил после обеда со своим другом посидеть на завалинке, где-нибудь на улице, так, чтоб был виден заход солнца* /Н. Гарин-Михайловский/. В этом значении лексема также входит в состав описываемой АСГ посредством квалитативно-предметного признака ‘состояние природы’, речь об этом пойдет ниже (см. п. 4.5.2). Однако, поскольку слова *закат* и *заход* являются абсолютными синонимами, можно говорить о наличии в семантической структуре последнего дифференциальной семы ‘вечер’, реализующей собственно темпоральный признак ‘время проявления’. Следовательно, данная лексема может рассматриваться как собственно темпоральная рефлексема слова *вечер* и, как и слово *закат*, обозначать часть суток и часть вечера.

Наличие ассоциативно-семантической связи ее с кауземой подтверждается следующими примерами: *Вечером считалось время захода солнца* /В. Хамидова/, *Я гулял и после завтрака и вечером. Заход солнца был великолепный* /П. Чайковский/. Дистрибутивный анализ показал, что

слово *закат* может использоваться без конкретизатора – названия светила (см. примеры выше), а *заход* всегда используется с уточняющим словом *солнце*. То есть в состав АСГ следует включать расчлененное наименование *заход солнца*.

Следует отметить, что в лексеме *заход* может актуализироваться и локативное значение ‘место захода солнца’, например, в тех случаях, когда ее синтагматическими партнерами выступают глаголы физической деятельности: *Тревога погоняла **на заход солнца**, к другому озеру – Гашун-нур* /В. Скворцов/, *Допхались до Крыма, натягали на возы чувалы с солью, помолились **на заход солнца** и – назад* /В. Лихоносков/. Однако в данном значении лексема не будет связана со словом *вечер* и, значит, не будет включена в состав соответствующей АСГ.

Еще одним членом того же синонимического ряда и представителем данной денотативной зоны является слово *заря* – «1. Яркое освещение горизонта перед восходом и после захода солнца. || Время появления на горизонте такого освещения» [247, с. 343]. В его значении также могут быть выделены семы ‘часть суток’ и ‘часть вечера’. Данная рефлексема является полиассоциативной, она входит в состав двух АСС – с кауземами *утро* и *вечер*, что обусловлено особенностями ее семантики (наличие сем ‘перед восходом’ и ‘после захода’). Кроме того, в пределах этих структур оно относится к двум денотативным зонам – обозначениям отрезков времени и степени освещенности.

Если темпоральное значение ‘часть утра’, ‘начало утра’ чаще всего актуализируется в форме предложного падежа (*на заре*), то значение ‘часть вечера’ становится релевантным в форме творительного падежа, причем в сочетании с конкретизатором *вечерний*: *Вечерней зарей они выехали из города по Киевской дороге* /Б. Васильев/, *Грачи вечерней зарей огромными стаями совершали свои стратегические упражнения* /М. Пришвин/, *Выходи вечерней зарей на мое на Ярилино поле* /П. Мельников-Печерский/, *Пред грядущую весною **В вечер**, тихую зарю, Столп толчется комаров*

/Г. Державин/. В представленных примерах также актуализируется ассоциативно-семантическая связь рефлексемы с каузой.

4.1.4. Семантические ассоциации в пределах значения 'завершающий этап'. Если утро в нашем сознании ассоциируется с началом – это начало дня, начало жизни или какого-либо периода, то вечер – это конец, завершение.

В отличие от слова *утро*, у которого значение 'начальный этап развития чего-либо' закреплено лексикографически, у слова *вечер* семема 'завершающий этап' / 'приближение старости' в современных толковых словарях не представлена, хотя в некоторых из них (БАС-2, словарь Д.Н. Ушакова) в иллюстративной зоне приводятся устойчивые сочетания *вечер жизни*, *вечер лет*. Данные перифразы достаточно широко представлены в литературных произведениях XIX – начала XX ст. *Вот и вечер жизни* /Д. Кедрин/, *Да будет, друже, и вечер жизни твоей подобен сему тихому свету вечернему!* /М. Салтыков-Щедрин/, *Под вечер лет с немym вниманьем В былое смутно погружен, Я буду жить воспоминаньем* /А. Блок/.

Однако в значении 'старость' слово *вечер* может использоваться и вне этих перифразов: *Я видел вечер твой. Он был прекрасен! В последний раз прощаясь с тобой, Я любовался им...* /Ф. Тютчев/. Кроме того, значение 'завершающий этап' может реализоваться и в сочетании с другими обозначениями временных периодов: *Приходит вечер года, и кажется, что всё – проводы, всё последнее* /А. Ливеровский/. Таким образом, посредством признака 'завершающий этап' слово *вечер* ассоциативно-семантически связано с лексемой *осень*: *Цветная осень – вечер года – Мне улыбается светло* /С. Маршак/.

Отметим также, что сема 'завершающий этап' стало доминантной при образовании переносного значения слова *вечереть* – 'подходить концу', что свидетельствует о ее значимости в семантической структуре генератива. Данное значение мотиванта не отражено в толковых словарях, однако

широко представлено в речи: *Твой **вечереет** век* /К. Батюшков/, ***Вечереет** жизни день* /Ф. Глинка/, *В жизни час **вечереющий** на небосклоне духовном тихо восходит «звезда светлая и утренняя», и дальний доносится благовест из храма Света Незаходимого* /С. Булгаков/.

В значении ‘завершающий этап’ слово *вечер* выступает синонимом ЛСВ₃ слова *закат* («Конец, исход, упадок» [247, с. 325]), который в контексте чаще встречается в сочетании с родительным определительным (*Для всех теперь только начало лета, а у нас **закат** года: деньки ведь уже убывают...* /М. Пришвин/, ***Закат** любви напоминает осень* /А. Мезенцев/), однако может использоваться и без конкретизатора: *Я ворвусь в твой **закат** – Коль врасплох он захватит* /А. Серый/, *Пусть будет светел твой **закат*** /М. Цветаева/. Вышесказанное служит еще одним подтверждением наличия семантической связи лексем *вечер* и *закат*.

В этом значении слово *закат* ассоциируется с другими лексемами, обозначающими завершающий этап чего-либо, например, со словом *осень*: *А ведь **осень** похожа на **закат**: те же теплые цвета, золотящие ажурные листья на верхушках деревьев, та же медленно разливающаяся свежая прохлада, то же чувство сладостной дремоты засыпающей природы* /А. Шавель/.

Собственно темпоральные рефлексемы названий частей суток рассмотрены в статье «Актуализация темпоральных семантических признаков в рефлексемах названий частей суток» [13].

4.2. Квалитативно-темпоральные рефлексемы кауземы *вечер*

4.2.1. Семантические ассоциации в пределах признака ‘степень освещенности’. Как и названия других частей суток, слово *вечер* в лексикографических источниках характеризуется прежде всего на основе темпоральных признаков, хотя не менее важными для его определения являются квалитативно-темпоральные значения, которые, по

сути, характеризуют непосредственно эту часть суток, а именно 'степень освещенности' и 'температура воздуха'.

Вечер и ночь являются темными частями суток, поэтому чаще всего с *вечером* ассоциируются лексемы, содержащие в своей семантической структуре семы 'мало света', 'отсутствие света': *темнота* – «1. Отсутствие света, освещения; мрак, тьма» [247, с. 1314], *тьма* – «1. Темнота, мрак» [247, с. 1356], *темень* – «разг. Темнота, мрак» [247, с. 1313], *мрак* – «1. Полное отсутствие света, освещения; тьма, темнота» [247, с. 561], *полумрак* – «неполный мрак, очень слабое освещение, едва рассеивающее темноту» [247, с. 909], *сумрак* – «Неполная темнота, полумрак» [247, с. 1290], *полутьма* – «Слабое, тусклое освещение; полумрак» [247, с. 910]. Они имеют синонимичные значения и образуют отдельную денотативную зону в составе АСГ₁ АСС с кауземой *вечер*. Их ассоциативная связь с кауземой подтверждается данными словарей [263, с. 87; 267], а также результатами проведенных нами направленных и ненаправленных ассоциативных экспериментов. Смысловая связь осуществляется посредством признака 'степень освещенности', который для кауземы является дифференциальным, а для рефлексем – ядерным интегральным. Актуализация данного признака происходит в следующих предложениях: *Вчера вечером, под покровом темноты, она переправилась на лодке через Дунай чуть повыше Зимницы* /Б. Акунин/, *Вообрази: поздний вечер, темень, дождь, фонари горят, как нарочно, через один* /В. Титов/, *Вагон не движется, вечер, тьма, дождик, холод* /М. Пришвин/, *Под свинец, наползающий к вечеру мраком, будет много еще мне отпущено в жизни грехов...* /А. Блок/, *Помню – долгий зимний вечер, Полумрак и тишина...* /И. Бунин/, *Вечер нежный. Сумрак важный* /О. Мандельштам/.

Следует отметить, что рефлексемы *темнота*, *тьма*, *темень*, *сумрак*, *мрак* являются полиассоциативными, поскольку также входят в состав АСГ₁ с кауземой *ночь* (см. п. 5.2.1).

Полиассоциативным является и слово *сумерки*, которое также относится к данной денотативной зоне и, кроме того, является членом АСГ₁ с кауземой *утро* (см. п. 2.3.1.). Оно характеризует вечернюю часть суток, но имеет больший семантический объем, нежели перечисленные выше рефлексемы («1. Полумрак перед заходом солнца и наступлением ночи, а также перед восходом солнца» [247, с. 1289]), и в отличие от них в контексте может выступать как в квалитативно-темпоральном ('мало света'), так и в собственно темпоральном значении ('часть вечера', 'часть суток'). Квалитативно-темпоральный признак актуализируется в следующих примерах: *Поздний вечер, созревают и уплотняются **сумерки**, но ещё не темно и видно хорошо, разборчиво.* /В. Распутин/, *Был уже **вечер, сумерки** за окном* /И. Крупник/, ***Вечер, сумерки**, ламп еще не зажигали* /С. Волконский/. Его актуализации способствуют синтагматические партнеры, в структуре которых представлена сема 'свет' (*темно, лампа*). Темпоральное значение становится релевантным, в случае использования рефлексемы в форме винительного падежа с предлогом *в* – *в сумерки: А было это время **перед вечером, в сумерки*** /Н. Лесков/, ***Вечером, в сумерки**, я, воспользовавшись отсутствием Оврова (приезжего из Москвы), прошла в библиотеку* /Ф. Достоевский/.

О наличии ассоциативно-семантической связи рефлексемы с кауземой, а также о значимости семы также свидетельствуют примеры, в которых происходит коммуникативная замена кауземы рефлексемой: *Утром – это голубой туман, днем – белесая мгла, и лишь **в сумерки** воздух над Прорвой делается прозрачным, как ключевая вода* /К. Паустовский/. В данном контексте актуализация потенциального значения 'часть вечера' происходит благодаря использованию в качестве синтагматических партнеров рефлексемы наречий времени, производных от названий частей суток (*утром, днем*), таким образом, предложно-падежная форма имени существительного *в сумерки* приобретает адвербиальное значение 'вечером'. Вышеперечисленное свидетельствует о том, что данная рефлексема может быть также отнесена к денотативной зоне

обозначений частей вечера с интегральным признаком ‘отрезок времени’ (п. 4.1.3).

Однако наряду с семой ‘мало света’ признак ‘степень освещенности’ в семантической структуре слова *вечер* также репрезентирован семой ‘свет менее яркий, чем днем’. Данное значение выделяется путем дистрибутивного анализа. Оно актуализируется, прежде всего, в словосочетании *вечерний свет*, чему способствует использование в качестве синтагматических партнеров прилагательных с градационным значением ‘не раздражающий, не резкий’ (например, *мягкий, нежный, бледный* и под.): *Ты водишь смычком по скрипке и стараешься, чтобы звуки из неё выходили такие же мягкие и тёплые, как этот **вечерний свет*** /И. Пивоварова/, *Мягкий вечерний свет падал на стол* /Г. Николаева/, *После подземной тьмы даже бледный **вечерний свет** с такой силой бьет в глаза, что некоторое время передо мной плавают только как бы тени предметов* /В. Катаев/. Наиболее ярко это проявляется в контекстах, где слово *вечерний* выступает в ряду однородных определений, приобретая при этом качественное значение ‘мягкий, неяркий’: *Солнце зашло за лес, но **нежный, вечерний свет** покрывал еще вершины дальних сосен* /Е. Гагарин/, *Свете **тихий, вечерний свет** моей родины, прими наши святые славы, – шепчет он* /С. Есенин/.

Кроме того, актуализации градационного значения способствуют глаголы (в разных своих формах) с семантикой прекращения действия /состояния: *И вместе с ними стал исчезать, гаснуть **вечерний свет*** /А. Проханов/, *Угасающий **вечерний свет** пробивался и все никак не мог пробиться сквозь толстые цветные стекла витражных окон* /Е. Хаецкая/, *Скупо цедится меркнувший **вечерний свет*** /К. Большаков/

Очевидна значимость в семантике слова *вечер* семы ‘закат’. Лексема, эксплицирующая данную сему, может выступать в процессуальном (‘заход солнца’), темпоральном (‘время захода солнца’), локативном (‘запад’), метафорическом (‘конец, исход, упадок’) значениях, речь об этом уже шла выше (см пп. 4.1.3., 4.1.4). Кроме того, данная лексема имеет качественное

значение, отраженное в ЛСВ₂ «Окраска, освещение неба над горизонтом при заходе солнца» [247, с. 325]. Данные ассоциативных экспериментов убедительно свидетельствуют об ассоциативной связи лексем *вечер* и *закат*. А текстоцентрический и ремотивационный анализы позволяют выделить сему 'закат' на периферии семантической структуры кауземы. Таким образом, данный ЛСВ может быть включен в состав анализируемой АСГ₁, в пределах которой будет образовывать отдельную денотативную зону названий освещения неба в вечернее время. Актуализации квалитативного значения рефлексемы способствуют синтагматические партнеры с семантикой света (*Впрочем, это мог быть и просто отблеск заката: небывалой красоты развернулся в тот **вечер закат** /В. Жаботинский/, *Семь часов **вечера**. Красный отблеск **заката** блестит на полу и освещает комнату красноватым светом /С. Найденов/, *Теперь – зачеркнут полосой, **закат** лишь брезжит еле-еле /Т. Благова/, *цвета (Гаснет **вечер**, скрылось солнце, Лишь **закат** краснеет /И. Бунин/, *Пригожий летний **вечер** и алый слоистый **закат** /М. Палей/ **Закат** в этот **вечер** над зелёными мелями Джидды был широкий и ярко-жёлтый с алым пятном солнца посредине /Н. Гумилев/, *Наверное, снаружи наступил **вечер**, и **закат** подкрасил облака /М. Тырин/).******

К этой же денотативной зоне с учетом времени появления можно отнести и слово *заря* («1. Яркое освещение горизонта перед восходом и после захода солнца» [247, с. 343]). Данная рефлексема является полиассоциативной, поскольку, во-первых, ассоциируется с другой частью суток – утром, во-вторых, связана ассоциативно-семантической связью с рефлексемой *закат* (*заход солнца*), то есть может быть расположена на втором уровне ассоциативно-семантической структуры с кауземой *вечер*.

Поскольку изначально в слове *заря* релевантной была сема 'свет', оно использовалось для обозначения освещения в любое «пограничное» время суток и было рассмотрено выше в составе АСС с кауземой *утро*. В языке поэзии данное слово очень часто встречается при описании вечера: *Это читает **вечер** красную книгу **зари** /С. Щипачев/; **Вечерняя заря** уже с час*

назад потухла... /М. Салтыков-Щедрин/. Как и упомянутое выше слово *закат*, *заря* реализует свое качественное значение в сочетании с лексемами с семантикой цвета либо свечения (чаще – его прекращения): *Где-то далеко за лесистыми холмами еще горела нежно-оранжевыми полосами **вечерняя заря*** /Ф. Кнорре/, *Золотилась паутина в жнивье и кустах, опять подолгу кровенела, а потом желтела, зеленела **вечерняя заря*** /Ю. Казаков/, *В тихий и богоспасаемый город на реке Трубеже прибыли, когда на снежные поля уже опустились голубые сумерки и **вечерняя заря** угасла за белыми дубами* /А. Ладинский/, *Сумерки опустились на землю, **вечерняя заря** потухла* /В. Михальский/

Значимость семы ‘свет’ в структуре слова *заря* подтверждается следующим примером – *Какая-то фигура выходит из нижнего этажа палаца и идет медленно, как призрак, по цветнику, залитому **вечерней зарей*** /А. Вербицкая/. В нем рефлексема используется в сочетании с причастием *залитый*, которое традиционно используется в значении ‘наполненный (светом)’, то есть *залитый зарей=залитый светом*.

Выше речь уже шла о том, что качественные характеристики части суток зависят от времени года. Поскольку зимой день короткий, мы говорим, что вечереет рано, то есть рано становится темно, поэтому при описании осенне-зимнего периода со словом *вечер* чаще встречаются рефлексемы со значением ‘отсутствие света’ (*тьма, темень, темнота, мрак*). И наоборот, в весенне-летний период день продолжается дольше. То есть фактически в конце весны, летом и в начале осени темнота наступает только ночью, так что в контексте со словом *вечер* в случае, если речь идет о названном периоде, могут быть представлены не только лексемы, обозначающие неполную темноту (*сумрак, полумрак, полутьма*), но и слова с ядерной семой ‘свет’: *Тем долгим майским **вечером** было еще **светло*** /Ч. Айтматов/, *Летним **вечером** **светло*** /П. Булычев/, ***Вечер** был настолько **светлый**, что фонари, горевшие в листве лип, были зажжены, очевидно, только для того, чтобы придать нарядность концерту* /К. Паустовский/,

Светлым сентябрьским вечером пришла подписанная соответствующими гетманскими властями бумага /М. Булгаков/; то есть в каузме актуализируется градуальное значение ‘менее светлый, чем день’.

4.2.2. Семантические ассоциации в пределах признака ‘температурный режим’. Вечер – время захода солнца и, соответственно, менее теплая часть суток, нежели день, поскольку источник тепла – солнце – скрывается за горизонтом. Как отмечалось выше, в ходе ремотивационного анализа Т.Г. Яременко выделила в семантической структуре слова *вечер* квалитативно-темпоральные признаки ‘тепла меньше, чем днем’, ‘тепла больше, чем ночью’. Посредством сем, формирующих данные признаки, в состав АСТ₁ с каузой *вечер* входят лексемы, обозначающие умеренный холод / тепло, а именно *прохлада* – «Умеренный холод, приятная свежесть воздуха» [247, с. 1037], *свежесть* – производное от слова *свежий* «11. Довольно холодный, прохладный» [БТС, с. 1154]. Данные лексемы формируют денотативную зону обозначений температуры воздуха, будучи также ассоциативно связанными с каузой [263; 267]. *Росистый вечер* дышал упоительной *прохладой* /М. Лермонтов/, *Вечер, прохлада, Стоит тишина. Поверь, так надо* /С. Ямпольская/, *Свежесть вечера* вливалась в открытые окна /Л. Толстой/.

Следует заметить, что, если Т. Г. Яременко выделяет значения ‘тепла меньше, чем днем’, ‘тепла больше, чем ночью’, согласно результатам нашего исследования, температурный признак в семантической структуре лексемы *вечер*, также может быть репрезентирован семами ‘более прохладный, чем день’, ‘менее холодный, чем ночь’. Градационный признак ‘умеренный холод’ эксплицирован в дефинициях рефлексем, а о его наличии в семантике каузмы свидетельствуют данные текстоцентрического и дистрибутивного анализов. С учетом грамматического плеоназма особенно ярко это проявляется в минимальных синтагмах типа *прохлада / свежесть вечера; вечерняя прохлада / свежесть: Дневной жар сменила прохлада вечера* /П. Краснов/, *Сергей выбежал из дому и вдохнул весеннюю свежесть вечера*

/В. Кетлинская/, *На дворе была тишь; солнце стояло низко; в воздухе чужась **вечерняя свежесть*** /М. Салтыков-Щедрин/, *Но я утешал себя тем, что часа через два наступит **вечерняя прохлада*** /В. Аничков/.

Однако не стоит забывать, что метеорологические показатели обусловлены не только частью суток, но и временем года. Если речь идет о весенне-летнем периоде, вечер может быть не только прохладным, но и достаточно теплым, а летом даже жарким (*В тихий **жаркий вечер** начинающегося **лета**, недели за две до сенокоса, надо послушать, притаившись неподалеку от лужи* /Е. Дубровский/). Таким образом, с учетом экстралингвистических особенностей, а также ассоциативных связей лексем (слово *теплый* является самым частым ассоциатом слова *вечер* – 67 реакций [263, с. 87]) в АСГ₁ могут быть включены рефлексемы *тепло*, репрезентирующие значения ‘тепла меньше, чем днем’, ‘тепла больше, чем ночью’. Градационный признак эксплицируется в словарных дефинициях рефлексемы «|| Содержащий в себе умеренное количество тепла, слегка нагретый (здесь и далее подчеркивание наше – И.А.)» [247, с. 1317], «имеющий относительно высокую температуру (воды, воздуха)» [252]. В контексте его актуализация происходит в сочетании, например, с лексемой *мягкий* (в значении ‘умеренно-теплый’): *Шло от него **мягкое вечернее тепло*** /Е. Лукин/, *Сюда <...> августовское закатное солнце дотянуться не могло, и Павел Николаевич с удовольствием вышел из кондиционированной прохлады своего «Рено» в **мягкое вечернее тепло*** /С. Таранов/. При этом в слове *вечер* релевантным становится качественное значение ‘теплое время суток’.

В холодное время года вечером могут случаться заморозки. Слово *заморозок*, ассоциативно-семантически связанное со словом *утро*, включено нами в состав соответствующей АСС (см. п. 2.2.2). Действительно, заморозок – явление характерное, прежде всего, для утра и ночи, о чем свидетельствует словарная дефиниция (*заморозок* – «Лёгкий утренний (ночной) мороз весной (осенью) (подчеркивание наше – И.А.)» [247, с. 334]), а также целый ряд примеров, в которых наряду с рефлексемой эксплицируются названия

соответствующих частей суток: *Заморозки ночью пришли* /А. Геласимов/, *Под утро врезали неожиданные заморозки* /Е. Прошкин/.

Среди ассоциатов слова *вечер* данная лексема не встречается, однако респонденты, принявшие участие в проведенном нами направленном ассоциативном эксперименте, отметили ассоциативную связь этих слов. Кроме того, как известно, фундаментом для ассоциирования является представленность ассоцианта и ассоциата в одном контексте: *Возвращаться нам было труднее: прихватил вечерний заморозок, ногу наст еще не держал, проваливалось, и ногу трудно было вытаскивать; Как хороши теперь эти заморозки утренние и вечерние, чувствуешь себя легко, как летом на крайнем севере* /М. Пришвин/.

4.3. Квалитативно-темпоральные рефлексемы второго уровня

4.3.1. Рефлексемы кауземы *темнота*. На втором уровне ассоциативно-семантической структуры с исходным словом *вечер* представлены лексемы, кауземами которых являются рефлексемы первого уровня. Они ассоциативно и по смыслу связаны как с непосредственной кауземой, так и с исходным словом *вечер*. Как уже неоднократно отмечалось, в обыденном сознании вечер воспринимается как период с 17–18 часов, независимо от захода солнца. Однако именно уменьшение степени освещенности является одним из основных квалитативных признаков данной части суток. С наступлением сумерек (и далее темноты) отсутствие света либо недостаточное его количество вызывает необходимость искусственного освещения.

Поэтому в АСГ₂ АСС с кауземой *вечер* представлен ряд слов с ядерной семой 'свет', которые включены в состав парадигмы на основе антонимических отношений: *вечером темно, поэтому требуется искусственное освещение*.

Они образуют три денотативные зоны. Первая – названия разновидностей освещения (естественных и искусственных): *свет* – «1. Лучистая энергия <...>, воспринимаемая глазом и делающая видимым окружающий мир» [247, с. 1157], *освещение* – «2. Свет от какого-либо источника» [247, с. 728], *огонь* – «3. Свет от осветительных приборов» [247, с. 698], *электричество* – «3. Освещение, получаемое от этой [электрической] энергии» [247, с. 1519]. Правомерность включения данных лексем в состав АСГ₂ подтверждается данными ассоциативных словарей, согласно которым гипероним *свет* является одним из наиболее регулярных ассоциатов слова *темнота* [263, с. 652]. Семантическая связь с непосредственной кауземой осуществляется в рамках признака ‘степень освещенности’. Релевантным данный признак становится в следующих примерах: *Она [Лидя] думала о машинах, день и ночь напрягающихся в своей силе, чтоб горел свет в темноте* /А. Платонов/, *Дома и заборы сбились в кучу в вечерней темноте; деревья подошли из глубины дворов к окнам, под огонь горящих ламп* /Б. Пастернак/, *В темноте он потерял ориентацию сразу же: освещения здесь никакого не было* /Б. Акунин/.

Поскольку основанием для включения лексем в состав ассоциативно-семантической структуры служит наличие ассоциативно-семантической связи и с исходной кауземой (в данном случае со словом *вечер*), приведенные ниже примеры могут быть экзemplификаторами такой связи: *Вечером я ложусь на подоконник и смотрю на огни домов и темные силуэты башен* /М. Цветаева/, *Следует сказать, что поздно вечером в отеле и номерах отключилось электричество* /Б. Акунин/, *Вечерние огни зажигаются в ранних сумерках оживленного парижского перекрестка* /Н. Берберова/, *Были пыльно-сиреневые сумерки, везде вечерние огни* /И. Бунин/.

В вечернее время источниками света являются появляющиеся на небе звезды и луна. Соответственно, в состав анализируемой АСГ₂ мы включаем лексемы *светило* – «1. Светящееся небесное тело; дневное светило – о

Солнце, ночное светило – о Луне» [247, с. 1158], *луна* – «Небесное тело, естественный спутник Земли, светящийся отраженным солнечным светом», [247, с. 507], *месяц* («2. Разг. О Луне» [247, с. 536]), *звезда* – «1. Самосветящееся небесное тело, сходное по своей природе с Солнцем и видимое на ночном небе как яркая точка» [247, с. 359].

Выше речь шла о том, что рефлексема *светило* имеет полиассоциативный характер, поскольку используется для обозначения как Солнца, так и Луны, то есть может быть включена в состав АСС с кауземами *утро, день, вечер и ночь* (см. п. 2.3.1). В контексте она часто используется с адъективами-конкретизаторами – *утреннее, вечернее, дневное, ночное*. Однако следует отметить, что несмотря на то, что вечером появляется на небе луна, перифраз *вечернее светило* обозначает заходящее солнце: *Вдалеке краснело море, медленно проглатывая **вечернее светило*** /Д. Сорокина/, *Багровое **вечернее светило** уже начало прятаться за горами* /А. Иванов/. В приведенных примерах метафорические конструкции *море проглотило светило, светило начало прятаться за горами* описывают именно закат солнца.

Значение ‘луна’ актуализируется только лишь в сочетании *ночное светило*, которое как раздельнооформленная рефлексема может быть включено и в состав АСС *ночь*, и в состав АСС *вечер*. Как и рефлексемы двух предыдущих денотативных зон, *звезда* и *луна* (в т. ч. и *ночное светило*) связаны со словом *темнота* посредством семы ‘свет’, ядерной в семантической структуре рефлексем и периферийной в структуре непосредственной кауземы. Отметим, что в роли кауземы также могут выступать и синонимы слова *темнота*, например, *тьма, темень, сумрак*. Ассоциативная связь подтверждается словарями ассоциативных норм [263, с. 185], а также рядом примеров из художественной литературы: *Звезды синеют <...>, **вечер** как вечер <...>, **тьма*** /Г. Иванов/, *Но память сохранила этот **вечер**: Лицо **Луны** за шторами в окне И в **темноте** мерцающие свечи...* /С. Танцура/, ***Вечер** был тихий и **темный**, с большими спокойными звездами*

на небе и в спящей воде залива /Л. Толстой/. Кроме того, на речевом уровне сема 'темнота' может актуализироваться и в исходной каузме *вечер*, как, например, в предложении *Прелестный **вечер** опустился над городом, и **месяц** томно глядел с высокого звездного неба* /К. Станюкович/: *опустился вечер* – то есть стемнело.

Как видим, в приведенных примерах рефлексемы представлены наряду как с непосредственной, так и с исходной каузами. С последней они семантически связаны посредством признака 'период видимости на небосклоне', который может быть реализован в том числе и семой 'вечер', при этом в слове *вечер* актуализируются значения 'время восхода луны', 'время появления звезд'. В контексте актуализации данного значения способствуют синтагматические партнеры с начинательной семантикой: *Росистый **вечер** дышал упоительной прохладой. **Луна** подымалась из-за темных вершин...* /М. Лермонтов/, *Сопровождают окна вас повсюду. Они, как **звезды**, незаметны днем, Но **вечером** они, подобно чуду, Внезапным озаряются огнем* /К. Ваншенкин/, *Но в этот **вечер** пятого дня, когда знакомое **ночное светило** стало выплывать на горизонте в семь часов сорок четыре минуты вечера, все увидели в нем что-то поистине устрашающее* /Н. Черепов/, *Такой дивный **вечер**, тепло, **звездочки** вон загораются* /П. Боборыкин/, *Уже лег на землю поздний **вечер**, и **месяц** стал серебрить ковыли степей* /В. Шишков/.

4.3.2. Рефлексемы каузы *прохлада*. Вечер, наряду с утром, является переходной частью суток и, соответственно, имеет аналогичные метеорологические особенности, в частности, температуру воздуха, которой во многом обусловлены и другие метеорологические показатели, например, вид осадков. На языковом уровне этот факт отражен следующим образом: на первом уровне анализируемой АСС представлены рефлексемы, обозначающие умеренно теплую / прохладную температуру, которые, в свою очередь, выступают каузами по отношению к названиям осадков, образующими АСГ₂.

Так, в утреннее и вечернее время вследствие снижения температуры воздуха, наступления прохлады, появляется роса. Данный экстралингвистический факт нашел отражение в словарной дефиниции лексемы, обозначающей это природное явление: *роса* – «Водяные капли, осаждающиеся из влажного воздуха на поверхность растений, почвы и различных предметов при их охлаждении в вечерние, ночные и ранние утренние часы» [247, с. 1127]. Сема 'прохлада' репрезентирует дифференциальный признак 'причина появления' в ее семантической структуре, кроме того, слово *прохлада* представлено среди ассоциатов слова *роса* [263, с. 561]. Все вышесказанное свидетельствует о правомерности включения слова *роса* в состав АСГ₂ с кауземой *прохлада*, выделяемой в пределах АСС с кауземой *вечер*. О наличии ассоциативной и семантической связи с последней свидетельствует целый ряд контекстов (см. примеры ниже). Семантическую связь также подтверждает эксплицированная в дефиниции рефлексемы дифференциальная сема 'вечер'. Более того, данная дефиниция свидетельствует о полиассоциативном характере рефлексемы, которая может быть также включена в состав АСС *утро* и *ночь*, поскольку роса – явление, характерное и для этих частей суток. Экземплификаторами ассоциативно-семантических связей упомянутых лексем являются следующие контексты: *За окнами роса, прохлада, над дальними полями и перелесками поднимается и тает туман* /А. Батюто/, *Благословенная прохлада! И долгожданная роса На всех цветах и листьях сада* /Н. Лешукова/, *Вот уж вечер. Роса блестит на крапиве* /С. Есенин/, *Когда росой обрызганный душистой, Румяным вечером иль утра в час златой, Из-под куста мне ландыш серебристый приветливо кивает головой* /М. Лермонтов/, *Он [Нехлюдов], острекав руки крапивой и омочив их уже павшей под вечер росой, упал* /Л. Толстой/.

Еще одним природным явлением, обусловленным снижением температуры воздуха, является туман. В отличие от слова *роса*, *туман* в лексикографических источниках определяется безотносительно ко времени

суток как «1. Скопление мелких водяных капелек или ледяных кристаллов в приземных слоях воздуха, делающее его непрозрачным» [247, с. 1352], то есть семантический признак 'время появления' является имплицитным. Однако, согласно энциклопедическим источникам, туман является результатом конденсации водяного пара, которая, как известно, происходит при охлаждении. И несмотря на то, что продолжаться туманы могут до нескольких суток, чаще всего, случаются они в утренние, вечерние либо ночные часы, то есть в прохладное время суток. Также отметим, что слово *туман* является достаточно регулярным ассоциатом слова *вечер*, что отражено в словарях ассоциативных норм [263, с. 87]. В контексте лексемы *вечер* и *туман* / *прохлада* и *туман* нередко представлены вместе: *За окнами роса, прохлада, над дальними полями и перелесками поднимается и тает туман* /А. Батюто/, *Поздний вечер, туман* /В. Лихоносов/.

Одной из разновидностей тумана является дымка. С учетом сходства семантики на основе вышесказанного, лексема *дымка* также может быть включена в состав анализируемой АСС. Подтверждение правомерности такого включения находим в следующих примерах: *Над окутанной зеленою дымкой березовой опушкой тихо спускается вечер* /И. Соколов-Микитов/. *Солнце было еще высоко, но в пасмурности дня уже накапливалась предвечерняя дымка* /В. Слипенчук/, *Легчайшая дымка висела над городом, смягчая сверканье окон, воспламененных вечерней зарей* /Е. Парнов/.

4.4. Качественно-временные рефлексемы третьего уровня

На третьем уровне анализируемой АСС представлены рефлексемы слов *свет*, *освещение*, обозначающие источники света: *свеча* – «1. Палочка из жирового вещества с фитилем внутри, служащая для освещения» [247, с. 1159], *фонарь* – «1. Осветительный прибор, в котором источник света окружен стеклом, слюдой и т.п.» [247, с. 1428], *лампа* – «1. Осветительный прибор (различного рода и устройства) [247, с. 486], *лампада* – «2. Трад.-

поэт. Светильник, лампа» [247, с. 486]. Они содержат в семантической структуре дифференциальную сему 'свет', а с исходной кауземой связаны посредством квалитативного признака 'степень освещенности'. Отметим, что в словарях ассоциативных норм чаще встречаются слова *темнота*, *свет* и *вечер* как ассоциаты названий осветительных приборов [263, с. 287, 704]. Однако, согласно результатам проведенного нами ассоциативного эксперимента, «обратная» ассоциация также возможна.

Связь рефлексом с кауземами всех уровней может быть проиллюстрирована следующими примерами: *Я писал, в паузах гасил лампу и без света отдыхал* /М. Елизаров/, *Был холодный, ветреный вечер, уже рано темнело, как обычно в конце ноября, и покрытые инеем лужи отражали свет фонарей* /Е. Афонина/, *Засвети же свечу на краю темноты* /И. Бродский/, *Не от свеч, от ламп темнота зажглась* /М. Цветаева/, *Поздним вечером писатель возвращался домой уже в крошечной темноте с фонарем в руках* /И. Дубинский/, *Проходит день, и вечер, наступая, Зажег везде лампы и свечи* /А. Пушкин/, *Зимний вечер лампу жжет, день от ночи стережет* /И. Бродский/.

4.5. Квалитативно-предметные рефлексемы первого уровня

4.5.1. Семантические ассоциации в пределах признака 'состояние человека'. Несмотря на то, что вечер – промежуточное время суток, абсолютная частотность употребления слов *вечер* и *ночь*, согласно «Частотному словарю русского языка», практически совпадает [276, с. 85, с. 390], что свидетельствует о значимости этого временного периода для человека.

Так, А.Д. Шмелев отмечает, что когда речь идет о членении суток, учитывается, прежде всего, отграничение рабочего дня и периода, предназначенного для отдыха и сна. Первая часть рабочего дня, то есть время до обеденного перерыва, определяется как утро, после обеда наступает

«послеполуденное время». По окончании рабочего дня наступает вечерне-ночной период. При этом ученый обращает внимание на тот факт, что вечер не вполне четко отделяется от ночи (некоторые западные словари определяют его как первую часть ночи). То есть «первая часть ‘ночи’ – ‘вечер’ – предназначен для развлечений, а вторая часть – собственно ‘ночь’ – для сна» [230, с. 20].

Кроме того, в нашем обыденном представлении утро противопоставляется вечеру как период начала рабочего дня периоду окончания рабочего дня. Соответственно, можно предположить, что на языковом уровне эта особенность определяет состав соответствующих АСС, то есть в АСС с кауземой *вечер* войдет ряд лексем, антонимичных тем словам, что образуют АСС с кауземой *утро*.

Действительно, для большинства людей вечер является периодом покоя либо, по крайней мере, периодом меньшей активности, нежели день или утро. И если среди ассоциатов лексемы *утро* представлены лексемы и сочетания с интегральным значением ‘активизация жизнедеятельности’ (в структуре кауземы он является дифференциальным) – *встать /вставать, конец сна, подъем, пробуждение, начало дня* (см. п. 2.5.1), то со словом *вечер* ассоциируются такие понятия, как *отдых, покой, гулять, спать, конец работы, тишина* и т.п. [263, с. 87].

Как отмечалось выше, Т.Г. Яременко путем ремотивационного анализа выделила семы ‘праздность’, ‘легкая физическая работа’ как репрезентанты квалитативно-предметного семантического признака ‘состояние человека’ в значении слова *вечер*. Дистрибутивный и текстоцентрический анализ позволяют выделить семы ‘конец рабочего дня’, ‘отдых’, ‘покой’, ‘тишина’. Эти семы становятся релевантными в следующих контекстах: *Уже и вечер: свежо; где-то мычит вол; откуда-то навеваются звуки, – верно, где-нибудь народ идет с работы и веселится... /Н. Гоголь/; ... а по вечерам, повертевшись около зеркала, отправлялся к*

заводу встречать Олю, **возвращавшуюся с работы** /Б. Полевой/; **Вечером, окончив работу**, они возвращались к станции /Н. Островский/.

Посредством данных значений в состав АСГ₁ входят раздельнооформленные рефлексемы *конец / завершение рабочего дня, возвращение с работы* и т.п., а также лексемы *отдых, покой* и др.

Согласно данным ассоциативных словарей, с *вечером* чаще всего ассоциируются *тишина* и *покой* [там же]. Соответственно, лексемы, эксплицирующие признаки ‘тишина’ и ‘покой’ либо содержащие их в качестве ядерных, могут быть включены в состав АСГ *вечер* (в семантической структуре кауземы эти семы представлены на периферии) и отнесены к денотативной зоне обозначений состояния человека. Ассоциативно-семантическая связь рефлексем с кауземой прослеживается в следующих контекстах: *Как я любил твои отзывы, Глухие звуки, бездны глас, И тишину в вечерний час, И своенравные порывы* /Ф. Тютчев/; *[Луч] Такой невинный и простой В вечерней тишине* /А. Ахматова/, *Затем молча пошли домой, – летний вечер, тишина и едва ощутимая, так легко оседающая в воздухе прохлада* /Г. Газданов/, *Гитара, голос молодой женщины, улыбка её, тихий вечер, покой, старый Петрович – всё было так близко сердцу, так мило* /Б. Екимов/, ***Вечер, покой*** *благостный в доме, а она, баба, побрякивает да позвякивает посудой, пошвыривает да побрасывает поленья* /В. Астафьев/.

К этой же денотативной зоне относится и слово *отдых*: *Сегодня день прошел не зря, **Окончена работа**, Так добрый вечер вам, друзья, На отдых тянет что-то!* /Т. Яковлева/

Следует отметить, что качественно-предметное значение ‘снижение активности’ способствовало возникновению метафорического значения глагола *вечереть* – ‘успокаиваться’. Данное значение, как и упомянутое выше ‘подходить к концу’, не закреплено лексикографически, однако реализуется в речи: *Мой отдыхает ум и сердце **вечереет**. И темы смертные снисходят на меня* /П. Вяземский/, *На сжигающем дне ночей Вижу профиль твой*

вечереющий *На чужом, на чужом плече* /А. Батюто/. Сердце становится спокойнее, человек начинает относиться к жизни менее активно, более созерцательно.

Однако не следует забывать, что для человека отдых не всегда связан с покоем. В последнее время все более популярным становится так называемый «активный отдых». На языковом уровне этот факт нашел отражение в ЛВС₂ и ЛСВ₃ слова *вечер* – «2. *чего* и с *опр.* Вечернее общественное собрание, посвященное чему-либо; вечернее представление. 3. (с *опр.*) Встреча друзей, знакомых, близких в вечернее время для общения, развлечения, празднования чего-либо (обычно с угощением» [247, с. 123]. В экзemplификативной части словарной статьи представлены следующие примеры: *Литературный вечер. Творческий вечер. Школьный выпускной вечер. Новогодний вечер. Танцевальные вечера. Вечер балета* [там же]. То есть в результате метонимического переноса словом *вечер* стали обозначать мероприятия, проводимые в вечернее время. В данном значении каузема регулярно встречается в художественных текстах: ***Вечер*** *Анны Павловны был пущен* /Л. Толстой/, *Они собирали у себя общество и устраивали вечера камерной музыки, на которых исполнялись фортепианные трио...* /Б. Пастернак/, *Давайте проведем вечер классической музыки: Бах, Моцарт, Чайковский* /С. Соловейчик/, *Кажется, в конце сорокового был вечер балета в зале Чайковского* /В. Катанян/, *Потом я ему дал 5 рублей, чтобы он смог пойти на вечер балета* /Г. Эфрон/.

Таким образом, на основе данных примеров в результате дистрибутивного анализа в семеме ЛСВ₁ слова *вечер* в рамках признака ‘состояние человека’ можно выделить сему ‘(культурные) мероприятия’. В свою очередь, в структуре слов типа *бал, театр, дискотека, вечеринка* и под. выделяется дифференциальная сема ‘вечер’, репрезентирующая признак ‘время проведения (посещения)’. Все вышесказанное подтверждает наличие семантической связи последних со словом *вечер*, таким образом, их следует включить в состав анализируемой АСГ при условии существования

ассоциативной связи между ними. Подтверждение находим в «Русском ассоциативном словаре» под редакцией Ю. Н. Караулова, где слово *вечер* является одним из наиболее частых ассоциатов слов *театр* [263, с. 650], *дискотека* [там же, с. 167], *вечеринка* [там же, с. 87], *бал* [там же, с. 42] и т. п. На уровне текста данные значения актуализируются в следующих примерах: *Я сидел во втором ряду, в этот **вечер театр** не был полон* /В. Вульф/, ***Вечером** исправник и Маша опять были в **театре*** /А. Чехов/, ***По вечерам дискотека**, играет вокально-инструментальный ансамбль* /Е. Зенина/. *Нам платил, смешно сказать сколько, поселил в сарае, и каждый **вечер – вечеринка***. /А. Найман, Г. Наринская/, *Лермонтов уже не стремился являться на **балах**, а проводил **вечера** у Карамзиных* /П. Киле/.

К данной денотативной зоне можно отнести и устаревшее, а также диалектное слово *вечёрка* ('вечеринка'): *К моему счастью, **вечером** Михаила не было дома, он ушел к кому-то на **вечёрку**, или девичью посиделку* /А. Черкасов/, ***Вечером**, когда Нюша возвращалась с конюшни, Антон обычно приглашал ее на **вечёрку** или в избу-читальню на танцы* /А. Мусатов/.

Как отмечалось выше, для большинства из нас вечер – это пора отдыха. Однако для некоторых категорий людей это время относительной, а иногда и наибольшей активности. К таким людям относится, например, *вечерник* – «Разг. Учащийся учебного заведения, работающий в вечернее время» [247, с. 123]. Семантическая связь кауземы с рефлексемой очевидна: дифференциальная сема 'вечер' эксплицирована в корне последней. Наличие ассоциативной связи подтверждается следующими примерами: ***Вечером** в нём [авиационном техникуме] обучались студенты-вечерники авиационного института* /А. Калмыков/, *А я **вечерник**. Это значит, до **вечера** я не человек. Вот вечером приезжай, можешь и очередь с собой прихватить* /Р. Крейси/. Вышеизложенное свидетельствует о том, что квалитативно-предметный признак 'состояние человека' в семантической структуре слова *вечер* наряду со значением 'снижение активности' может

быть представлен и семой 'активизация жизнедеятельности'. Посредством данной семы с кауземой могут коррелировать лексемы, обозначающие людей, деятельность которых активизируется в этот период; события, происходящие вечером, и т.п.

Так, например, отдельные денотативные зоны образуют коллоквиализм *вечёрка* («Вечерняя газета» [там же]) и жаргонизм *вечерка* (вечернее отделение высшего учебного заведения), в морфемной структуре которых также эксплицирована гипосема 'вечер'. За «**Вечёрку**», – так сокращенно называлась шумная и не очень уважаемая, но имевшая большой тиражный успех, особенно в годы войны, – ежедневная газетка «**Вечерние новости**» /Дон-Аминадо/.

Характерными для вечера событиями являются также вечерний прием пищи – *ужин* («1. Вечерняя еда, последний приём пищи перед ночным сном» [247, с. 1377]), *вечеря* (*Устар.* Вечерний приём пищи; ужин [там же, с. 123]), и вечерняя церковная служба – *вечёрня* («В православном религиозном обряде: церковная служба, совершаемая после полудня» [там же]) и *повечерие* – общественное богослужение, совершаемое вечером [<https://azbyka.ru/povecherie>]. В данных словах, как и в описанных выше рефлексемах, дифференциальная сема 'вечер' представляет семантический признак 'время проведения'. Более того, она эксплицирована в корневых морфемах трех последних лексем. *Вечер*, несомненно, ассоциируется со словом *ужин*, о чем свидетельствуют как данные ассоциативных словарей [263, с. 682], так и многочисленные примеры (*Каждый вечер ужин при свечах* /О. Павлов/, *Вечером ужин с чаем и ожидание проверки, что бывает в 10 часов* /М. Дмитриев/, *Два раза в день подавали чай, в полдень обед и поздно вечером ужин* /С. Петров/).

Подтверждением его ассоциативной связи со словами *вечеря*, *вечерня* и *повечерие* могут служить только литературные примеры, поскольку в словниках используемых нами словарей ассоциативных норм последние не представлены ввиду ограниченности сферы употребления: *Но каждое утро*

– Литургия с огромным – в сотни голосов – хором, а каждый **вечер** – **вечерня**, и все время, несмотря на отель и на суету, чувство Церкви /А. Шмеман/, Собираются **по вечерам**, молитвы поют и читают, **вечерню** служат /С. Голицын/, Внимательный прохожий, заглянув **под вечер** в любое окно, увидит скудную **вечерю** еврейской семьи – булку-халу, селедку и чай на столе /О. Мандельштам/.

Вследствие экспликации семы ‘вечер’ в морфемной структуре, в контекстах со словами *вечеря*, *вечерня*, *повечерие* каузема встречается редко во избежание тавтологии. Однако в таких случаях временной период дифференцируется с помощью синтагматических партнеров. Так, например, в предложении *Звон доносит по реке привал, **вечерю**, варится кулеши над костерком, дым тянется по кромке, дружит с паром: стелясь, пелена постигает теплое масло **заката*** /А. Иличевский/ часть суток определяем по слову *закат* (вечер – время заката).

Следует особо отметить ЛСВ₃ слова *ужин* – «3. Вечерний прием гостей с угощением» [247, с. 1377]. Как видим из определения, в процессе семантической деривации дифференциальная сема ‘вечер’ стала доминантой. В данном значении слово *ужин* также входит в состав анализируемой АСГ₁ и относится к денотативной зоне названий вечерних мероприятий, рассмотренной нами выше. Значение ‘вечернее мероприятие’ в рефлексеме актуализируется в следующих примерах: *Князь Менишиков делал **вечер**, **ужин**, а адмирал Апраксин – маскарад, на котором присутствовал государь* /Н. Костомаров/, *Мы были в числе тех пятнадцати человек, которых он пригласил в первый **вечер на ужин** в свою квартиру* /С. Спивакова/, *[Муж] **вечером** организовал праздничный **ужин** и выпил не один бокал крепкого коньяку...* /А. Изотов/, В первом предложении в значение ‘мероприятие’ выступает и слово *вечер*, о чем свидетельствует управляющий глагол созидательной деятельности *делать*. Во втором и третьем – каузема и ее синтаксический дериват выступают в своем

основном, темпоральном, значении, а глагол созидательной деятельности *организовал* управляет исключительно рефлексемой.

4.5.2. Семантические ассоциации в пределах признака ‘состояние природы’. Если в утреннее время жизнедеятельность большинства живых существ активизируется, вечер для представителей мира природы, как и для человека, является периодом снижения активности, покоя.

Т. Г. Яременко в результате ремотивационного анализа выделяет в семантической структуре слова *вечер* квалитативно-предметные значения (‘праздность’, ‘легкая физическая работа’ и т.п.) только в рамках признака ‘состояние человека’. Однако, на наш взгляд, значения ‘снижения активности’, ‘покой’ и т.п. могут также репрезентировать в составе кауземы признак ‘состояние природы’. Данные значения могут быть выделены в ходе дистрибутивного анализа с учетом грамматического плеоназма. Они актуализируются в выделенных ниже синтагмах: *Над Волгой разливалась светлая **вечерняя тишина**, какая бывает лишь в июне.* /В. Бурлак/, *Стояла ласковая **вечерняя тишина** – перед закатом; в воздухе остывал цветочный вишневый аромат* /С. Бабаян/, *И глубокая **тишина вечера**, степи, глухой Руси царила надо всем...* /И. Бунин/, *Фигуры женицин в огромных кринолинах; старухи, темные и недвижные, были похожи на больших сонных птиц, которые расположились **на вечерний покой*** /Г. Чулков/. Вечерняя тишина (покой) – это тишина, которая бывает вечером, значит, вечер – это время тишины, покоя в природе. Таким образом, лексемы, для которых признак ‘снижение активности’ / ‘покой’ является ядерным, полиассоциативны. В составе АСГ₁ с кауземой *вечер* они покрывают две денотативные зоны: обозначений состояния человека и состояния природы. И в том, и в другом случае, они коррелируют с кауземой посредством квалитативно-предметных признаков: ***Вечер** тёплый, и такая **тишина**, словно должно что-то в такой тишине случиться* /М. Пришвин/, *И жаждущих плит тротуарных Коснулся прохладный **покой**.* <...> *И **вечер** целует с улыбкой В глаза – проходящих*

гетер /В. Брюсов/, *Помню – долгий зимний вечер, Полумрак и тишина* /И. Бунин/, *Но вот настал вечер – тишина... духота... тьма...* /Г. Успенский/.

Снижение активности в мире природы связано, прежде всего, с заходом солнца. Так, Т. Г. Яременко, рассматривая дериват лексемы *вечер* *вечереть* («Приближаться к вечеру; наступать (о вечере)» [247, с. 123]: *День вечерееет, ночь близка, Длинней с горы ложится тень, На небе гаснут облака; Уж поздно. Вечереет день* /Ф. Тютчев/), отмечает, что в БАС-2 присутствует уточнение данного значения – «Приобретать вид, освещение, характерные для вечера. ... *И в легкой дымке вечерели дали* «Дворянское гнездо» [271, II, с. 165]. По мнению исследователя, такое словоупотребление стало возможным именно в силу наличия в семантической структуре генератива мотивационного признака 'состояние природы в это время' [241].

О наличии этого признака свидетельствуют данные, полученные в ходе текстоцентрического анализа, поскольку в семантической структуре глагола *вечереть* актуализируются, прежде всего, качественные признаки, так как речь идет о «качественных» изменениях в природе: *Уже **вечерело**, последние лучи солнца, еще желтее и гуще, уходили из лесу* /В. Короленко/; *Уж день прохладно **вечерел**, И свод лазоревый алел* /В. Жуковский/, *День уже **вечерел**; становилось темно* /Н. Бестужев/, *Но, улёгшись у ног и даже не глядя на своего хозяина, а глядя в **вечереющий сад**, пёс сразу понял, что хозяина его постигла беда* /М. Булгаков/, ***Вечереющий лес** был безмятежен* /В. Рыбаков/, *Сквозь красочное отражение синел и лиловел **вечереющий** зимний лес* /В. Конецкий/. Как видим, в контексте со словом *вечереть* представлены цветообозначения, характеризующие окраску неба (либо предметов, на которые падает свет) в это время суток, а также обозначения температуры воздуха (*прохладно*), степени освещенности (*темно*) и т.п.

Однако чаще всего наступление вечера связывают с заходом солнца: *День **вечерел**; последние лучи солнца освещали комнату* /Н. Полевой/, ***Вечереет**. Верхушки пихт загорелись красным огнем в последних лучах осеннего солнца*

/М. Сайтов/. Вслед за Т. Г. Яременко, отметим, что в толковых словарях украинского языка глагол *вечоріти* толкуется именно в этом плане: «Смеркати, смеркатися, сутеніти, поночіти. Наближатися, проявляти свої ознаки (про вечір)»: *День гасне потроху, кругом **вечоріє**, На захід зоря погоріла* /П. Грабовський/ [241].

Кроме того, в семантике деривата *вечереть* может актуализироваться и градационное значение ‘степень проявления признака’. Так, в предложениях *Оканчивался XVII век, и сквозь **вечереющий** сумрак его уже проглядывал век дивный, мощный, деятельный, XVIII век* /А. Герцен/, *Приближается навстречу Чухолка, увязавший наскоро свой узелок, нагоняет Дарьяльского; **в вечереющий мрак** несутся его возгласы; Так стоял одинокий колосс вдали, окутанный **вечереющим сумраком*** /А. Белый/, в сочетании со словами *сумрак* и *мрак* глагол *вечереть* выступает в значении ‘сгущаться’, то есть становится более интенсивным.

В целом же, слово *вечереть* позволяет создавать многогранные образы, например: *У ног моих лежит прекрасный **мир** – И вечно **вечереющий** смеется...* /Ф. Тютчев/, *Вернувшись по **вечереющим снегам** из села в свою мызу, Слепцов сел в угол* /В. Набоков/, *От ее прекрасного лица изливался... нежный свет, а глаза ее в этом свете сияли как два **вечереющие светила*** /А. Белый/.

Но если речь идет о состоянии природы, «по-настоящему» вечер наступает только с заходом солнца. *За спором не заметили, как **село солнце** красное, как **вечер наступил*** /А. Некрасов/. Значимость данного факта в приведенном примере проявляется благодаря использованию конструкции с однородным соподчинением.

Как и в каузме *утро*, в дефиниции которой эксплицирована сема ‘восход солнца’, в определении слова *вечер* отражено значение ‘время захода солнца’. Все вышеперечисленное также позволяет говорить о наличии соответствующего компонента значения в семантике последнего. Кроме того, слово *закат* является одним из наиболее частых ассоциатов слова *вечер* [263, с. 87]. В анализируемую АСГ слово входит в своем

темпоральном ('часть суток'), квалитативно-темпоральном ('окраска, освещение неба над горизонтом при заходе солнца') значении (см. пп. 4.1.3., 4.2.1). А в процессуальном ('заход солнца за линию горизонта') оно связано с кауземой посредством квалитативно-предметного признака 'состояние природы'. Кроме того, в структуре значения слова *закат* выделяется дифференциальная сема 'вечер' как репрезентант семантического признака 'время'. На уровне текста связь рефлексом с кауземой отражена в следующих примерах: *Вечером, перед закатом солнца, он достиг лесного мыса и предстал перед своим сувереном* /В. Быков/, *Вечером <...> в ветровых стёклах чуть отсвечивал запоздалый и медленный, будто вечный, закат* /В. Аксенов/.

К данной денотативной зоне относим и слово *заход*. Как обозначения процесса захода солнца лексемы *закат* и *заход* являются абсолютными синонимами, что отражается и в их ассоциативно-семантических связях: *Ван отправился спать сразу после <...> трапезы <...> являющейся для Марины событием столь же естественным и непреложным, как заход солнца в вечерний час* /В. Набоков/, *Конечно, бывают и такие, кому одинаково любо и утром, и вечером, и восходу они рады, и заходу тоже рады* /В. Ерофеев/.

При этом авторы «Нового объяснительного словаря синонимов русского языка» отмечают, что особенность, отличающей слово *закат* от слова *заход* является его тесная связь с состоянием природы. Так, слово *закат* может образовывать словосочетания со словами типа *душный* / *знойный* / *морозный* / *дождливый*, которые не могут быть образованы со словом *заход*. Вышесказанное подтверждает значимость квалитативно-предметного признака 'состояние природы' в семантической структуры как рефлексемы, так и ее непосредственной кауземы. Кроме того, в контексте названные адъективы способствуют актуализации данного признака: *Человека, который однажды в час небывало жаркого заката зашел в Яму, звали Слесарь Смирнов или, может быть, даже Сантехник Сидоров*

/В. Панюшкин/, *Ранняя весна, судари мои, глубокий морозный закат*
/В. Аксенов/.

В процессуальном значении может выступать и лексема *заря*, которую в таком случае также относим к рассматриваемой денотативной зоне: *Когда они пришли впервые, **вечерняя заря** только начиналась* /Г. Троепольский/, ***Вечерняя заря** начинается, когда солнце уже зайдет за край земли* /К. Паустовский/. Актуализация процессуального признака в приведенных примерах происходит благодаря глаголам начинательной семантики (выделены подчеркиванием), использованных в роли синтагматических партнеров.

Равно как и для людей, для представителей мира природы вечер является периодом снижения жизнедеятельности, успокоения, отхода ко сну. Однако для ряда растений и животных он, наоборот, является временем повышения активности. Лексемы, обозначающие представителей флоры и фауны, активизация жизнедеятельности которых приходится на вечерний период, образуют отдельную денотативную зону в пределах АСГ₂ в АСС с кауземой *вечер*. В данной АСГ можно выделить несколько денотативных зон: названия животных (*волк, летучая мышь* и т.п.), птиц (*сова, филин, сыч* и т.п.), растений (*маттиола, энотера, алиссум* и др.).

Семантическая связь представителей данной зоны с кауземой *вечер* осуществляется посредством дифференциального признака 'активизация жизнедеятельности', который в семантических структурах рефлексом репрезентируется семой 'вечер'. Эта сема может эксплицироваться в морфемной структуре или дефиниции рефлексемы (например, *вечерница* – «1. Растение семейства крестоцветных, цветки которого вечером приятно пахнут. 2. Млекопитающее семейства гладконосых летучих мышей, охотящееся в ночное время» [270]); может быть представлена имплицитно, как, например, у названий птиц *сова* – «Хищная птица с большими глазами и крючковатым клювом, ведущая сумеречный образ жизни» [247, с. 1225], *сыч* – «Ночная или сумеречная птица отряда сов» [247, с. 1300], *неясыть* – «Крупная птица отряда

сов» [247, с. 648], *сплюшка* – «Небольшая птица отряда сов рыжеватой или сероватой окраски; совка» [247, с. 1250] и т. п. Данные орнитонимы представляют собой названия птиц, ведущих сумеречный образ жизни. Поскольку сумерки являются одним из основных атрибутов вечера, можно сказать, что сема 'вечер' представлена в приведенных определениях имплицитно. Следует отметить, что в дефинициях большинства лексем, обозначающих «ночные» растения или животных, ведущих сумеречный и ночной образ жизни, данная особенность их жизнедеятельности не отражается, то есть такую информацию можно получить только из энциклопедических источников. Кроме того, ассоциативная связь рефлексом с кауземой подтверждается лишь результатами проведенного нами ассоциативного эксперимента, так как в словарях ассоциативных норм перечисленные выше лексемы не представлены. Отметим также, что данная зона имеет открытый характер, поскольку в нее могут быть включен еще целый ряд слов, обозначающих соответствующие растения или животные. Кроме того, большинство из них имеет полиассоциативный характер, поскольку могут также вступать в ассоциативно-семантические связи со словом *ночь* (см. п. 5.5.2). Ассоциативно-семантическая связь с кауземой *вечер* подтверждается следующими примерами: *Что за звук в полумраке вечернем? Бог весть, – <...> То кулик простонал или сыч* /А. Фет/, *А вечером совы – тоже друзья, ауканье их нежно* /Б. Зайцев/, *Вечером <...> стояла она до тех пор, пока не начинал скрипеть в лугах коростель, покрикивать с опушки леса козодой, тревожиться в чаще неясить* /В. Бурлак/, *По улицам, как только смеркнется, носятся летучие мыши, иволги кричат и поют на автобусной остановке в центре* /Ю. Домбровский/, *Вечером волки нападут...* /А. Неверов/, *Я о чем-то светлом думал, я о ком-то дальнем думал, и с востока незаметно подошел душистый вечер, нежно пахло маттиолой* /В. Катаев/, *Во время цветения цветки алиссума издают необыкновенно приятный аромат, который <...> особенно ощущается под вечер* /О. Ганичкина/.

О релевантности семантического признака 'активизация жизнедеятельности', характеризующего состояние природы в вечернее время, свидетельствует также профессионализм *вечерка* в значении 'охота на утку на вечернем перелете'. Данное слово также может быть включено в состав анализируемой АСС, поскольку налицо его семантическая и ассоциативная связь с кауземой: дифференциальная сема 'вечер' эксплицирована в корневой морфеме. В пределах АСГ₁ оно относится к денотативной зоне названий «вечерних» событий (мероприятий). В упомянутом значении слово *вечерка* представлена в художественных произведениях: *На утреннюю зорьку я не пошел, не мог очухаться, да и холодина собачий. Днем пил, а на **вечерку** потащился. И надо же – единственный из всех сшиб селезня в своем пере* /Ю. Нагибин/, ***Вечером** мы с Петей ходили на утиную **вечерку** возле Иванкова* /М. Пришвин/.

4.6. Квалитативно-предметные рефлексемы второго уровня

4.6.1. Рефлексемы слова *театр*. На первом уровне АСС с кауземой *вечер* представлены рефлексемы, обозначающие названия различных мероприятий, традиционно проводимых в вечернее время (*дисотека, вечеринка* и т. п.), либо заведений, посещаемых вечером (*театр* и т. п.). АСГ₂ в рамках данной ассоциативно-семантической структуры образуют слова, для которых упомянутые рефлексемы являются кауземами. Так, со словом *театр* («2. Учреждение, организация, занимающаяся устройством представлений» [247, с. 1309]) ассоциативно-семантически связаны названия проводимых в нем представлений – *спектакль, представление, драма, комедия, опера, балет* и т. п. Сема 'представление' является гипосемой для слова *театр* и гиперсемой для перечисленных выше слов, то есть связь между кауземой и рефлексемами осуществляется на уровне гипер- и гипосем, что является необходимым условием для включения тех или иных слов в состав АСГ. Их

ассоциативная связь подтверждается данными ассоциативных словарей [263, с. 650]. Кроме того, в ряде контекстов происходит актуализация ассоциативно-семантических связей рефлексом как с непосредственной каузой *театр*, так и с исходной каузой *вечер*: *В России, в дореволюционное время, дети приходили в большом количестве в театр (драма, опера, балет) в любые дни, с родителями, с дядями, с тетями* /Ю. Анненков/; *Вечер, спектакль в графском саду* /И. Бабель/, *Вечером была в опере «Садко»* /С. Толстая/, *Ему сегодня еще предстояло побывать <...> вечером на балете «Копеллия»* /В. Ломов/,

4.6.2. Рефлексы слова *закат*. Слово *закат* может выступать каузой второго уровня, прежде всего, для слова *солнце*, поскольку в контексте чаще всего слово *закат* используется в сочетании с последним (*закат солнца*). О значимости семы ‘солнце’ в семантической структуре каузы свидетельствуют также примеры типа *Совсем уж окосев, последние лучи заката светили слабо в тощего протоиерея* /Ю. Давыдов/, *Действительно, едва угасли последние лучи заката и под высоким потолком автоматически включилось освещение, как настала полнейшая тишина* /И. Ефремов/. В данных примерах слово *закат* используется как коммуникативная замена слова *солнце*: лучи заката, то есть лучи заходящего солнца.

Слово *солнце* семантически связано и со словом *вечер*. Чаще всего в контексте можно встретить его в сочетании с синтаксическим дериватом *вечерний*. Однако следует отметить, что в таких словосочетаниях в рефлексеме актуализируются не только квалитативно-предметное значение ‘заходящее’, как, например, в предложениях *Вечернее солнце посылает прощальные лучи на землю* /А. Львов/, *Уходить надо величественно и спокойно, как уходит вечернее солнце, оставляя после себя долгий закат* /А. Проханов/, *Вечернее солнце косо падало в окна, и в его тихом и густом свете была какая-то грустная и зрелая улыбка прощания* /А. Фадеев/, но и квалитативно-темпоральные ‘менее яркое, чем днем’, ‘менее теплое, чем

днем': *Вечернее солнце* кажется сизым и негорячим /В. Песков/, Он перешел на солнечную сторону улицы. Но *вечернее солнце* не грело его /М. Веллер/, За занавесками уже красновато желтело *вечернее солнце* /И. Бунин/. Синтагматические партнеры, способствующие актуализации тех или иных признаков, выделены подчеркиванием. В первом случае это слова с семантикой завершения либо прощания, во втором – с семантикой цвета и значением 'нежаркий', 'не согревающий'.

Выводы к главе 4

Вечер является промежуточной частью суток наряду с утром. Лексема, обозначающая данную часть суток, объединяет три ЛСВ.

Состав АСГ с кауземой *вечер* достаточно многочисленный, что обусловлено большей, по сравнению с названиями других частей суток, сложностью семантической структуры исходного слова. В ней выделяются собственно темпоральные семы ('время', 'отрезок времени', 'часть суток', 'после дня', 'перед ночью'), квалитативно-темпоральные ('менее светлая, чем день, часть суток', 'более светлая, чем ночь, часть суток', 'тепла меньше, чем днем', 'тепла больше, чем ночью'), квалитативно-предметные ('тишина', 'покой', 'конец рабочего дня', 'праздность', 'легкая физическая работа' и др.) и коннотативные 'заключительный этап чего-либо'.

Как и описанные в предыдущих главах названия частей суток, посредством темпорального признака лексема *вечер*, прежде всего, ассоциативно-семантически связана с названиями других частей суток. Согласно данным ассоциативных словарей, с вечером чаще всего ассоциируется другая промежуточная часть суток – утро. Каузема с рефлексемой образуют контрарную оппозицию, противопоставляются при этом названиям основных частей суток – лексемам *день* и *ночь*. Таким образом, посредством семы 'промежуточная часть суток' *вечер* связан со словом *утро*,

посредством значения 'следование во времени' – с названиями предшествующей и последующей частей суток.

Признак 'отрезок времени' является интегральным для рефлексем *закат*, *заход* и *заря*, в случае использования их в темпоральном значении 'часть вечера'.

Посредством коннотативной семы 'завершающий этап' слово *вечер* ассоциативно-семантически связано с лексемами *старость*, *осень*. Но если у слова *утро* метафорическое значение 'начальный этап развития чего-либо' закреплено лексикографически, у слова *вечер* семема 'завершающий этап' в современных толковых словарях не представлена, несмотря на то, что в речи перифразы *вечер жизни*, *вечер года* и под. встречаются достаточно часто. Следовательно, можно говорить о необходимости выделения соответствующего ЛСВ в лексеме *вечер*.

Квалитативно-темпоральный признак 'степень освещенности' является интегральным для рефлексем, обозначающих отсутствие света либо его малое количество (*темнота*, *мрак*, *сумрак*, *полумрак*, *сумерки* и т. п.). Кроме того, данный семантический признак может быть представлен семой 'свет менее яркий, чем днем', которая выделяется путем дистрибутивного анализа. Отдельную денотативную зону в составе АСГ₁ образуют лексемы *заря* и *закат*, обозначающие освещение неба в вечернее время.

В ходе ремотивационного анализа в семантической структуре слова *вечер* выделяются семы 'тепла меньше, чем днем', 'тепла больше, чем ночью', таким образом, в состав АСГ с кауземой *вечер* включены лексемы, обозначающие умеренный холод либо тепло, каковыми являются *прохлада*, *свежесть* и *заморозок*.

Кауземой второго уровня выступает слово *темнота*. Поскольку вечером наступают сумерки и далее темнота, возникает необходимость использования искусственного освещения. Таким образом, вследствие экстралингвистических причин, в состав парадигмы мы включаем лексемы с гиперсемой 'свет'. На языковом уровне семантическая связь кауземы с

рефлексемами устанавливается на основе антонимических отношений ('темнота' – 'свет'). Такие рефлексемы образуют в пределах АСГ₂ отдельную денотативную зону названий различных типов освещения (*свет, освещение, огонь, электричество*). Вторую денотативную зону образуют названия естественных источников света (*луна, месяц, звезды*), которые связаны с непосредственной кауземой как посредством семы 'свет', так и посредством семы 'темнота'. Последняя выделяется на основе причинно-следственных связей явлений окружающего мира: темнота (отсутствие солнечного света) ночью делают видимыми на небосклоне ночные светила.

С кауземой *прохлада* ассоциативно-семантически связаны названия метеорологических явлений, вызываемые понижением температуры воздуха (*роса, туман, дымка*).

Квалитативно-предметный признак 'состояние человека' объединяет каузему с рефлексемами *конец рабочего дня, отдых, покой* (две последние рефлексемы также реализуют признак 'состояние природы'). Посредством данного признака в состав АГС₁ входят рефлексемы еще трех денотативных зон: названия характерных для вечера событий и мероприятий (*ужин, вечерня, вечеринка, дискотека* и др.), название человека, активная деятельность которого приходится на вечерний период (*вечерник*), обозначение газеты, выходящей в вечернее время (*вечерка*).

Признак 'состояние природы' выступает интегральным, прежде всего, для названий растений и животных, жизнедеятельность которых активизируется в вечернее время. Кроме того, состояние природы в вечернее время могут характеризовать рефлексемы *закат, заход* и *заря* в их процессуальном значении.

Кауземами для рефлексем второго уровня являются лексемы *театр* (с ним ассоциируются названия театральных представлений) и *закат* (его рефлексема – *солнце*).

На третьем уровне АСС представлены названия источников искусственного освещения (*свеча, фонарь, лампа* и т.п.) – рефлексемы кауземы *свет*.

Многие рефлексемы АСС *вечер* имеют полиассоциативный характер, что обусловлено экстралингвистическими особенностями данной промежуточной части суток. Полиассоциативны лексемы, репрезентирующие качественно-темпоральные (*заря, темнота, тишина, роса*) и качественно-предметные признаков (*отдых, покой, свет, фонарь, лампа и др.*). Они обозначают явления, характерные для другой переходной части суток – утра (*заря, роса* и др.), а также для смежной с вечером темной части суток – ночи (*темнота, тишина, лампа, фонарь* и др.), то есть представлены в составе АСС с кауземами *утро* и *ночь* соответственно. В пределах АСС с кауземой *вечер* полиассоциативность характерна для лексем *закат* и *восход*, которые связаны с исходной кауземой посредством темпорального признака (обозначают часть вечера), качественно-предметного (обозначают явление, характерное для вечера).

ГЛАВА 5

АССОЦИАТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА С КАУЗЕМОЙ *НОЧЬ*

5.1. Темпоральные рефлексемы кауземы *ночь*

5.1.1. Семантическая структура лексемы *ночь*. Среди современных толковых словарей БТС дает наиболее объемное определение слова *ночь* – «Часть суток от захода до восхода солнца, от вечера до утра // Темнота, мрак во время этой части суток | Эта часть суток как время сна, отдыха» [247, с. 658].

Слово *ночь* существует в древнерусском языке с XI в. [278, II, с. 579]), однако его семантический объем к настоящему времени уменьшился. Прежде всего, утрачен ЛСВ в значении наречия (вспомним *Нам бы день простоять, да ночь продержаться*, а также фразеологическое сочетание *день и ночь* – ‘постоянно’). Также вышли из употребления семемы «2. Ночь как один производственный цикл при ловле рыбы, а также улов, получаемый за одну ночь, и право на ловлю в течение одной ночи, на улов одной ночи. 3. Один производственный цикл в солеварении (в солеварнях Соли Камской он длился сутки, но, видимо, мог иметь неодинаковую продолжительность в разных местах). *Ночь росолу* – доля в соляном колодце, соляной варнице» и пространственное значение «5. Север» [269, XI, с. 433–434]. А вот квалитативное значение ‘тьма, мрак’ выделялось еще у старославянской формы *ношть* (*нощъ*) наряду с темпоральным и пространственным значением [там же].

В. И. Даль у слова *ночь* также выделяет темпоральное (‘время, когда солнце бывает под закроем (горизонтом)’); пространственное (‘север’) и квалитативное (‘тьма, потемки, темь, темень, темнота, мрак’) значения, однако наряду с ними он приводит и переносное (метафорическое) значение – ‘невежество, незнание истин и добра; мрак духовный’ [249, II, с. 463].

МАС и «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова представляют единственный ЛСВ – «Часть суток от захода до восхода солнца, от вечера до утра» [270] / «Часть суток, промежуток времени от вечера до утра» [273].

Таким образом, путем дефиниционного анализа в семантической структуре слова *ночь* выделяются семы 'время', 'промежуток времени', 'часть суток', 'от захода до восхода солнца', 'от вечера до утра', 'темнота', 'сон', 'отдых'. Уточнить структуру значения позволяет ремотивационный анализ. В результате в семантической структуре лексемы *ночь* отмечаем те же семантические признаки, что и у описанных выше каузем: темпоральные (репрезентируются семами 'отрезок времени', 'часть суток', 'после вечера', 'перед утром'), квалитативно-темпоральные ('самая темная часть суток', 'самая холодная часть суток'), квалитативно-предметные ('состояние природы', 'деятельность человека') [192; 241] (см. Приложение Ж).

5.1.2. Семантические ассоциации в пределах признака 'часть суток'. Как неоднократно отмечалось выше, ядро семантической структуры слов-названий частей суток образуют темпоральные признаки, в первую очередь 'часть суток'. Не составляет исключения и слово *ночь* (см. дефиницию выше). Признак 'часть суток' в семантической структуре слова *ночь* более значим, чем, например, для слов *вечер* и *утро*, поскольку ночь наряду с днем традиционно считаются основными частями суток (вспомним двучленную модель суточного времени) и в совокупности осмысливаются как сутки: *День и ночь – сутки прочь* /Нар. тв./. Более того, в XII-XIII вв. в русском языке существовали слова *нощѣдень*, *нощѣденница* / *нощѣдница* и *нощѣденство* в значении 'сутки', а также слово *нощѣдение* (*нощѣденье*) – «ночь и следующий за ней день, сутки (считая с вечера)» [269, XI, с.435–436].

Что же касается ассоциативных связей кауземы, АП со словом-стимулом *ночь*, согласно РАС, объединяет 195 слов-реакций. Респонденты, принявшие участие в проведенном нами АЭ, назвали 136 слов (см.

Приложение 3). В обоих случаях наиболее частым парадигматическим ассоциатом выступает слово *день*: 63 и 196 реакций соответственно.

В Главе 3 слово *ночь* рассматривалось как рефлексема кауземы *день*. Аналогичным образом слово *день* может быть охарактеризовано как рефлексема кауземы *ночь*: поскольку *ночь* представляет собой основную часть суток наряду с днем, сема 'день' может быть представлена на периферии семантической структуры данного слова. Актуализация семы 'основная часть суток' осуществляется путем:

1) против- либо сопоставления дня и ночи: *День тоскую, ночь горюю* /Нар. тв/, *Убить бы день, а ночь и так пройдет*/Нар. тв./, *Отнят день, осталась ночь, брошенная убийцами за ненужность из-за официального статуса своего* /Ф. Горенштейн/, *Нам только жалуются, и то днём, а не по ночам* /В. Аксенов/;

2) использования их в сочетании *день и ночь*, *день с ночью* и т. п. в значении 'сутки': *День с ночью думали, ещё день с ночью, да ещё третьи сутки прихватили* /М. Сергеев/, *И бомбежка – весь день, И всю ночь, до рассвета* /К. Симонов/, *Ослепленные соловьи В них поют целый день и ночь* /В. Лебедев/;

3) использования их в сочетании *день и ночь* в значении 'непрерывно', 'постоянно': *В кругу кровавом день и ночь долит жестокая истома* /А. Ахматова/, *Мне очень здесь хорошо... только немного раздражает, что день и ночь горит синенькая лампочка...* /С. Есенин/;

Кроме того, лексемы *день* и *ночь*, согласно данным ассоциативных словарей, являются наиболее частыми ассоциатами друг друга [263, с. 161, 384].

5.1.3. Семантическая ассоциация в пределах признака 'следование во времени'. В соответствии со словарной дефиницией, дифференциальный семантический признак 'следование во времени' в структуре лексемы *ночь* реализуется семами 'перед утром' и 'после вечера'. Таким образом, в пределах данного

признака рефлексемами кауземы *ночь* выступают названия промежуточных частей суток – *вечер* и *утро*. Ассоциативная связь названий смежных частей суток подтверждается ассоциативными словарями, а их семантическая связь проявляется в ряде примеров, где актуализации значения ‘следование во времени’ способствуют синтагматические партнеры (в приведенных примерах выделены подчеркиванием) с семантикой начала / окончания (*Так **вечер** кончался, **ночь** начиналась* /А. Ремизов/, *Но нужно ещё прожить **ночь**, чтобы наступило **утро*** /Б. Окуджава/, *Город плыл снулой рыбой сквозь гаснущую уже **ночь**, к новому **утру*** /М. Кучерская/), следования (*Ох, как помню я эту **ночь** и следующее за ней **утро!*** /Ю. Домбровский/, *Город плыл снулой рыбой сквозь гаснущую уже **ночь**, к новому **утру*** /М. Кучерская/) либо изменения признака (*Летний **вечер** тихо тает и переходит в **ночь*** /И. Тургенев/).

В рамках двучленной модели суточного времени семантический признак ‘следование во времени’ может также быть интегральным для лексем *ночь* и *день*. Восприятие дня и ночи как двух взаимодополняющих частей суток нашло отражение и в литературе. Как и в приведенных выше примерах, актуализации данного признака способствуют лексемы с семантикой начала / окончания, изменения: *Усталый **день** склонился к **ночи...*** /С. Есенин/, *Но меркнет **день** – настал **ночь**;* /Ф. Тютчев/, *Что бы ни случилось – **день** проходит, наступает **ночь*** /И. Грекова/, *Минул тяжелый **день** – и **ночь** сошла с небес...* /И. Тургенев/, *Тень переходит в темь. **День** переходит в **ночь*** /Б. Слуцкий/, *И дух свой к тем странам вперн, где всходит **день** по темной **нощи*** /М. Ломоносов/.

При совместном использовании кауземы и анализируемой рефлексемы также может актуализироваться значение ‘цикличность’: *Но **день** и **ночь** – одно. За их чередованьем Разгадка истины...* /Г. Голохвастов/, *В эти дни в атмосферу Земли вторглось облако космической пыли, которое и нарушило чередование **дня** и **ночи*** /В. Мезенцев/, *Внутренние часы помогают любому организму предвидеть чередование **дня** и **ночи***

/А. Грудинкин/, *Идут тысячелетия мимо. Свет солнца прогоняет тень, И над землей неутомимо Уходит **ночь**, приходит **день***. /С. Аксаков/.

5.1.4. Семантические ассоциации в пределах признака ‘отрезок времени’. Любой отрезок времени имеет свое начало и свой конец. Условными границами между основными и переходными частями суток являются рассвет и закат. Лексемы, обозначающие эти периоды, были уже описаны выше как члены АСС с кауземами *утро* и *вечер* соответственно. Они являются также меронимами своих каузем, будучи связаны с ними посредством сем ‘часть суток’ и ‘часть утра / вечера’ (рассвет является началом утра, а закат – концом вечера). Наряду с этим, лексемы *закат* и *рассвет* также ассоциативно [263, с. 384] и семантически связаны с кауземой *ночь*, поскольку обозначают границы этой части суток: начинается она после заката, а заканчивается с рассветом. Кроме того, в дефиниции кауземы эксплицированы семы ‘от захода солнца’ (= ‘от заката’) и ‘до восхода солнца’ (= ‘до рассвета’), таким образом, в контексте с рефлексемами *закат* и *рассвет* в кауземе актуализируется, наряду с признаком ‘отрезок времени’, признак ‘относительность временных границ’: *Маяк светил кораблям в **ночи** от заката до рассвета* /С. Аксентьев/, ***Ночь** быстро шла к рассвету* /М. Булгаков/, ***Ночь** до рассвета просижена* /Б. Пастернак/, *Ты сегодня всю **ночь** молчаливо До рассвета сидишь у окна?* /Н. Заболоцкий/, *Волибная тропическая **ночь**, вслед за закатом солнца, почти внезапно опустилась над Батавией* /К. Станюкович/, *А той **ночью** волки были с заката* /Г. Садулаев/.

В таких контекстах рефлексемы выступают преимущественно в своем процессуальном и темпоральном значении – ‘заход / восход солнца’, ‘время захода / восхода солнца’, тогда как в контекстах с кауземами *утро* и *вечер* они часто используются в квалитативном значении ‘окраска, освещение неба при заходе / восходе солнца’.

Лексемы *закат* и *рассвет* могут употребляться со словом *ночь* и в квалитативном значении, но в таком случае и в каузме актуализируется не темпоральное, а квалитативное значение ‘темнота’: *Ночь* уже спустилась на землю, *закат догорел* /П. Краснов/, *Высоко в ночи закат пылал*, *Там на лыжах ангел пробегал* /Б. Поплавский/, *Тем строже ночь, чем ярче был закат* /С. Парнок/, *Мутно бледнеет ночь*, *Тонет в крови рассвет* /В. Иевлева/, *В глухой ночи, в зеленоватом Рассвете, истончившем мрак* /К. Бальмонт/. В приведенных примерах об актуализации значений ‘темнота’ и ‘освещенность’ свидетельствуют синтагматические партнеры с семантикой света: глаголы (*гореть, пылать, бледнеть*); прилагательные (*яркий*), существительные (*мрак*).

Синонимами слов *закат* и *рассвет* выступают соответственно *заход* и *восход*. Последние чаще функционируют в составе словосочетаний *заход солнца, восход солнца*. Данные словосочетания также целесообразно включить в состав анализируемой АСС (как раздельнооформленные рефлексемы), тем более что именно они отражены в дефиниции слова *ночь*. Обнаруживаем их совместно с каузой в следующих контекстах: *В это время она [планета] всего ближе (8, 6 астр. единиц) к Земле и видна всю ночь, от захода Солнца до восхода* /И. Полак/, *Иду сзади с захода солнца, – всю ночь, до восхода солнца* /А. Сорокин/. Однако возможно и «самостоятельное» функционирование рефлексем *закат* («Заход за линию горизонта (о солнце, реже о других светилах» [247, с. 325]) и *восход* («Появление над горизонтом небесного светила» [247, с. 153]), при этом сема ‘солнце’ становится релевантной в их семантической структуре: *Как-то мы шли по тундре всю ночь от заката до восхода* /В. Голованов/, *Ни восходов, ни заходов, одна ночь длинной в девять месяцев* /Г. Шергова/.

Кроме переходных периодов, в пределах суток выделяются также конкретные моменты времени, входящие в систему времяисчисления. На ночное время приходится один из таких моментов – полночь. Как и упомянутые выше лексемы, слово *полночь* («1. Середина ночи; время

соответствующее 24 часам» [247, с. 904]) содержит интегральные семы ‘часть суток’ и ‘часть ночи’, посредством которых оно связано с кауземой *ночь*, и, таким образом, входит в состав анализируемой АСС. Обнаруживается также ассоциативная связь лексем, причем *полночь* является достаточно частым ассоциатом слова *ночь* [263, с. 385]. Равно как и описанные выше рефлексемы, слово *полночь* вступает с кауземой также в меронимические отношения. В своем темпоральном значении каузема и рефлексемы выступают в следующих контекстах: *Ночь валится за полночь* /М. Булгаков/, *В ту ночь, спустя час после полуночи, Евграф проводил отца к берегу реки* /А. Рекемчук/, *В конце июля ночи уже становятся темными около полуночи* /Ф. Булгарин/.

О семантической связи лексем свидетельствует также тот факт, что у слова *полночь* произошло расширение значения и оно в ряде случаев может выступать в функции своего холонима в значении ‘ночная пора’, например в словосочетании *глухая полночь*, приведенном в экзепмплификативной части словарной статьи [247, с. 904], а также в следующих предложениях: *Сова, шнырявшая глухой полночью над речкой <...> уставилась на наш табор* /В. Астафьев/, *Глухая полночь. Строем длинным, Осеребренные луной, Стоят кареты на Тверской* /Е. Баратынский/, *Светлорогая полночь висит над землей* /Д. Самойлов/, *Я вышел на улицу в снег, в полночь* /Ю. Трифонов/. В таких примерах в рефлексеме наряду с упомянутым темпоральным значением актуализируется и квалитативное – ‘темнота’.

5.2. Квалитативно-темпоральные рефлексемы кауземы *ночь*

5.2.1. Семантическая ассоциация в пределах признака ‘степень освещенности’. Путем ремотивационного анализа в семантической структуре слова *ночь* вычленяется квалитативный признак ‘степень освещенности’, реализуемый в семах ‘темнота (отсутствие света)’ (на основании этого признака возник ЛСВ₃ – «темнота, мрак во

время этой части суток» [247, с. 658]), ‘отсутствие яркого естественного освещения’.

Наличие семантического компонента ‘темнота’ в слове *ночь* подтверждается этимологическими данными. П. Я Черных отмечает, что «в и.-е. языках представлены разные основы или остатки разных основ этого слова (на -й-, на -и-, на согласный). Ср. лит. *naktis* (но род. мн. *naktū*), латыш. *nakts*, ... латин. *nox* (им. мн. *noctes*, но род. мн. *noctium*, прилаг. *nocturnus*); ... греч. *νύξ* («предрассветный сумрак»); ... особо хетт. *nekut* («вечер»))» [278, II, с. 579–580].

Поскольку в семантической структуре кауземы *ночь* сема ‘отсутствие света’ является дифференциальной (гипосемой), в состав АСС следует включить лексемы, для которых данная сема является гиперсемой. К таким относятся, прежде всего, синонимы *темнота* – «1. Отсутствие света, освещения; мрак, тьма» [247, с. 1314], *тьма* – «1. Темнота, мрак» [247, с. 1356] и *мрак* – «1. Полное отсутствие света, освещения; тьма, темнота» [247, с. 561]. Все они, естественно, ассоциируются с *ночью*. Находим множество примеров, подтверждающих наличие ассоциативно-семантической связи рефлексом с кауземой: ... *страшные рассказы Зимой в темноте ночей* /Пленяли больше сердце ей /А. Пушкин/, *Ночь, темнота, Ничто не давало ответа* /В. Скрипкин/, *Тьма* теплой августовской *ночи*, еле видны тусклые звезды, кое-где мерцающие в облачном небе /И. Бунин/, *Помедли, ночь! Густою тьмою* /Покрой волшебный мир любви! /Я. Полонский/, *Скажи мне, ночь, зачем твой тихий мрак* /К. Паустовский/, *У ночи – мрак, У листьев – шум, У ветра – свист, У капли – дробность* /Л. Мартынов/.

Выше неоднократно отмечалось, что качественные характеристики (температура, степень освещенности и т.п.) той или иной части суток зависят от разных факторов: географического положения той или иной местности (вспомним «белые» ночи в Санкт-Петербурге), времени года (зимой ночи более длинные и холодные, летом – наоборот), погодных условий (в безоблачные ночи источником света являются луна и звезды) и

т. п. Все это обуславливает на языковом уровне наличие семы 'отсутствие яркого естественного освещения' в семантической структуре слова *ночь*. В качестве гиперсемы ее содержат слова, обозначающие неполную темноту: *сумрак* – «Неполная темнота, полумрак» [247, с. 1290], *полумрак* – «Неполный мрак, очень слабое освещение, едва рассеивающее темноту» [247, с. 909], *мгла* – «2. Сумрак, темнота» [247, с. 527], *полумгла* – «...неполная мгла» [247, с. 909]. В ассоциативных словарях отражена ассоциативная связь слов *мрак* и *ночь* (частота реакции максимальная – 10) [263, с. 333]. Однако вспомним, что представленность лексем в одном контексте также служит основанием для возникновения ассоциативных связей. Таким образом, следующие примеры иллюстрируют наличие как семантической, так и ассоциативной связи рефлексом данной денотативной зоны с кауземой: *О ночь, **ночь**, где твои покровы, Твой тихий **сумрак** и роса!..* /Ф. Тютчев/, *Твоих задумчивых **ночей** Прозрачный **сумрак**, блеск безлунный* /А. Пушкин/, *Люблю я тишину весенней теплой **ночи**, И **полумрак** ее, и звезды* /Н. Греков/, *Здесь никого нет, стоит сонный, уютный для **ночи полумрак*** /В. Распутин/, *На холмах Грузии лежит **ночная мгла*** /А. Пушкин/, *Земли, полуднем раскаленной, не освежила **ночи мгла*** /Я. Полонский/, *Где, скажите мне, та высь небес лазурная, **Ночь** – объявляя Татьяну **полумглой*** /К. Случевский/, *В чутком **сумраке ночи**, В **полумгле**, в тишине, Их пытливые очи В душу просятся мне...* /В. Гофман/.

По нашему мнению, к данной денотативной зоне следует отнести и слово *тень*, ЛСВ₂ которого определяется как: «2. только ед. Пространство, защищенное чем-л. от лучей солнца. ... *Ночная, вечерняя **тень**; т. **ночи** (сумрак)*» [247, с. 1315]. В сочетании со словом *ночь* в данном ЛСВ актуализируется признак 'отсутствие света': *Пришли и стали **тени ночи** На страже у моих дверей!* /Я. Полонский/, *Я мчал, отпугивая **ночи **тень***** /Е. Евтушенко/, *Поля покрыла мрачна **ночь**, Взошла на горы черна **тень*** /Б. Шергин/.

О значимости дифференциального значения ‘отсутствие света’ в семантической структуре слова *ночь* свидетельствует тот факт, что на его основе у слова развился оттенок значения «темнота, мрак во время этой части суток» [247, с. 658]. Данный оттенок реализуется в следующих примерах: *Ночь за окном, дождь за окном* /М. Айзенберг/, *Ночь нежданно надвинулась* /С. Липкин/, *На небе зарница мигала, В окне то ли день, то ли ночь* /В. Кузнецов/, *Он <...> попал в коридор, где газовые рожки делали белый день среди ночи* /А. Грин/. В двух последних примерах при противопоставлении антонимов *день* и *ночь* в обеих лексемах актуализируется качественный признак ‘степень освещенности’: *день* выступает в значении ‘свет’, а *ночь* – в значении ‘темнота’. И если в словарной дефиниции слова *ночь* данное значение эксплицировано, то у слова *день* качественный признак лексикографически не закреплен, хотя на уровне речи оно актуализируется достаточно часто. Вспомним, например, известное выражение *белый день на дворе*, а также примеры, представленные выше.

В ночной темноте на небосклоне различимы так называемые ночные светила – луна и звезды. Обозначающие их лексемы входят в состав АСГ₁, будучи связаны с кауземой посредством признака ‘период видимости на небосклоне’, репрезентируемого в их семантических структурах дифференциальной семой ‘ночь’. Соответственно, в семантической структуре слова *ночь* можно выделить периферийные семы ‘луна’, ‘звезды’, поскольку *ночь* можно определить как время суток, когда на небосклоне видны луна и звезды. Таким образом, лексемы *луна* («Небесное тело, естественный спутник Земли, светящийся отражённым солнечным светом» [247, с. 507]), ее стилистический синоним *месяц* («2. Разг. О Луне» [247, с. 536]), а также слово *звезда* («1. Самосветящееся небесное тело, сходное по своей природе с Солнцем и видимое на ночном небе как яркая точка» [247, с. 359]) образуют отдельную денотативную зону в составе анализируемой АСС. Согласно «Русскому ассоциативному словарю», все

эти лексемы ассоциируются с кауземой, более того, *звезды* и *луна* являются одними из наиболее частых ее ассоциатов (частота встречаемости – 17 и 9 соответственно). К этой же денотативной зоне мы относим и раздельнооформленную рефлексему *ночное светило* – перифраз, используемый для обозначения естественного спутника Земли.

Примеры совместного использования кауземы и рефлексем находим в многочисленных контекстах: *Придёт **ночь**, загорятся **звёзды*** /А. Ремизов/, *В узкое окно он всю **ночь** видел роскошь природы – **звёзды*** /А. Платонов/, ***Ночь** слабо светилась поздней луной* /В. Отрошенко/, ***По ночам** будет луна* /М. Булгаков/, *В одну из **ночей** сияла на небе какая-то уж особо круглая луна* /Л. Иванова/, *И волосы твоих красавиц – как **ночь** без **месяца** и **звезд*** /Я. Смеляков/, *В ту **ночь** был **месяц** чист и тонок, Как на лице влюбленном бровь...* /С. Клычков/.

Отметим, что в контексте с данными рефлексемами слово *ночь* может выступать не только в темпоральном (см. приведенные выше примеры), но и в качественном значении ‘темнота’, при этом особое значение приобретают синтагматические партнеры. Прежде всего, это глаголы проявления качества со значением ‘излучать свет’ (выделены подчеркиванием): *И **ночь** вокруг, но **месяц** ясный Сияет в темных небесах* /Н. Тuroверов/, *Ранняя тропическая **ночь** засияла луной* /И. Ефремов/, *В окно глядела тихая **ночь**, сияли **звезды*** /В. Короленко/, *Сверкали **звезды** в **ночи*** /В. Шишков/; существительные с семантикой света: *Словно в театре, в этот миг показалась из-за снеговых туч и наполнила **ночь** зеленым светом луна* /А. Кабаков/ и т. п.

Все рефлексемы данной денотативной зоны являются полиассоциативными: они также входят в состав АСС с кауземой *вечер* (см. п. 4.3.1), поскольку вечер – это время суток, когда луна и звезды появляются на небосклоне.

5.2.2. Семантическая ассоциация в пределах признака ‘температурный режим’. Поскольку ночью на

небосклоне отсутствует источник света и тепла – солнце, в это время суток происходит понижение температуры воздуха. В связи с этим ночь является наиболее прохладной частью суток. Но поскольку температура воздуха в любое время суток также зависит от сезона, на языковом и на речевом уровне в семантической структуре слова *ночь* дифференциальный признак ‘температурный режим’ может репрезентироваться семами с разной степенью градации – ‘холод’, ‘мороз’, ‘прохлада’, ‘свежесть’ и даже ‘тепло’. Соответственно, рефлексемами кауземы *ночь* могут выступать лексемы, в которых данные семы эксплицированы либо представлены как ядерные. Что же касается ассоциативных связей, то, согласно данным «Русского ассоциативного словаря», среди ассоциатов представлены прилагательные *теплый* и *холодный*, синтаксическими дериватами которых выступают слова *тепло* и *холод*. Лексемы *мороз* и *прохлада* были отмечены как ассоциаты слова *ночь* большинством респондентов, участвовавших в проведенном нами направленном ассоциативном эксперименте.

Квалитативно-темпоральные значения ‘более холодный, чем вечер’, ‘более холодный, чем утро’ чаще всего актуализируются в рефлексемах *свежесть* < *свежий* – «11. Довольно холодный, прохладный. *С-ая ночь*» [247, с. 1154] и *прохлада* «Умеренный холод, приятная свежесть воздуха» [247, с. 1037], в семантической структуре которых признак ‘степень проявления квалитативного признака’ реализуется семами ‘довольно’, ‘умеренный’. *Солнечный жар и блеск уже сменились прохладой ночи и неярким светом молодого месяца* /Л. Толстой/, *Запах подсохшего готового для сгребания сена – в полдень и пополудни, в свежести вечера, в росистой свежести и прохладе ночи* /А. Твардовский/, *...сияла яркая, благоухающая дождевой свежестью одна из тех летних ночей, ради которых стоило родиться и жить* /В. Липатов/, *Сильнее стала чувствоваться свежесть осенней ночи* /В. Каверин/. Как видим, значение ‘прохладный’ становится релевантным в кауземе в контекстах, где речь идет о теплом периоде. При этом название времени года может быть эксплицировано в тексте (*летний*,

осенний) либо представлено имплицитно: *солнечный жар* характеризует лето, *сгребание сена* происходит в конце лета – начале осени.

Наряду с этим, при описании теплого периода признак ‘температурный режим’ в каузме может быть также репрезентирован потенциальной семой ‘теплая часть суток’, которая актуализируется в словосочетании *тепло ночи*: *Тепло ночи с шарканьем чьих-то ног по асфальту вошло в комнату* /Ю. Трифонов/, *В парном тепле этой ночи наконец-то все березовые почки открылись* /М. Пришвин/. При этом следует обратить внимание, что слово *тепло* используется в значении ‘более теплый по сравнению с зимой’.

Если речь идет о лете, качественной характеристикой ночи могут стать даже *жара* и *зной*: *Да и жара стояла – даже сейчас, ночью* /А. Грачев/, *Запах пыли <...> настаивал духотой звенящие последним эхом зноя ночи* /А. Черчесов/. Однако следует заметить, что лексемы, обозначающие высокую температуру воздуха, будут находиться на дальней периферии анализируемой АСС, поскольку сема ‘тепло’ является для каузмы потенциальной и актуализируется лишь в тех случаях, когда речь идет о разгаре лета.

Признак ‘температурный режим’ в семантической структуре каузмы может быть также репрезентирован семой ‘самая холодная часть суток’. Посредством градуального значения ‘самый холодный’ *ночь* коррелирует с такими лексемами, как *мороз*, *стужа*. Однако следует учитывать тот факт, что, как и в случае с лексемами *жара* и *зной*, сема становится релевантной лишь в отдельных контекстах, когда речь идет о самом холодном – зимнем – периоде.

Весной и осенью характерным для ночи явлением являются заморозки. Как видно из определения, лексема *заморозки (заморозок)* – «Лёгкий утренний (ночной) мороз весной (осенью)» [247, с. 334] – содержит дифференциальную сему ‘ночной’, посредством которой оно связано с каузой. В контексте в сочетании с данной рефлексемой в каузме наряду

с темпоральным значением также актуализируется градуальный квалитативный признак ‘более холодный, чем день’: *Ночью были заморозки, и по утрам на застекленной лоджии повисали сосульки* /В. Емец/, *По ночам уже начинались заморозки на почве* /Е. Хаецкая/, *Той самой ночью по ступи простелились первые заморозки* /О. Павлов/, *Темнота уходящей ночи и голубое оцепенение заморозка окружили его* /В. Дудинцев/, *За ночь ударили заморозки* /А. Гайдар/.

Независимо от времени года с ночью ассоциируется холод. При этом в каузме реализуется значение ‘самая холодная часть суток’, а слово *холод* характеризует более холодный по сравнению с днем период. То есть в таких контекстах признак ‘температурный режим’ в каузме представлен как семой ‘самый холодный’, так и семой ‘более холодный, чем день’: *Холод ясной студеной ночи подступил вплотную* /Н. Дежнев/, *Просто идти втроем в холоде августовской ночи – этого было достаточно* /П. Мейлахс/, *Одиночество в холоде, слякоти и мгле осенней ночи* /В. Конецкий/, *Быстро овевая горячее лицо весенним холодом ночи, посвистывая, неслась американская машина мимо огней, огней, огней* /Б. Поплавский/.

5.3. Квалитативно-темпоральные рефлексемы второго уровня

5.3.1. Рефлексемы каузмы *темнота*. Второй уровень ассоциативно-семантической структуры с каузой *ночь* образуют лексемы, ассоциативно-семантически связанные с рефлексемами первого уровня и с исходной каузой. В пределах анализируемой АСС АСГ₂ образует слово *темнота*. О его семантической связи с ночью, а также о значимости квалитативной семы ‘темнота’ в структуре каузмы речь шла в предыдущем параграфе.

Отсутствие естественного освещения вызывает необходимость использования дополнительного, искусственного освещения. Данный факт

обусловил необходимость включения в состав рассматриваемой АСГ₂ лексем, содержащих в своей структуре гиперсему 'свет', посредством которой они связаны с непосредственной кауземой на основе антонимических отношений: ночью темно, следовательно, нужен свет. В пределах парадигмы такие лексемы образуют две денотативные зоны.

Первая зона объединяет обозначения света, освещения: слово *свет* в значении «Лучистая энергия..., воспринимаемая глазом и делающая видимым окружающий мир» [247, с. 1157]; ЛСВ₃ слова *огонь* – «Свет от осветительных приборов» [247, с. 698] и ЛСВ₃ слова *электричество* – «Освещение, получаемое от этой [электрической] энергии» [247, с. 1519]. Слово *свет* ассоциативно связано как со словом *темнота* / *темень* / *тьма* (ассоциации по противоположности являются одними из наиболее регулярных), так и со словом *ночь* [263, с. 384, 652]. Приведенные ниже примеры иллюстрируют ассоциативную и семантическую связь рефлексемы с исходной кауземой *ночь*: *Ремонтники мёрзли и для обогрева, а ночью и для света раскладывали костры* /А. Солженицын/, *Быстро спускается ночь, сразу везде зажигается само собой электричество, так день проходит за днем* /Б. Пастернак/, *Мы посылаем вызов ночи своим электричеством* /М. Пришвин/, *Огни в домах везде были потушены; глухая осенняя ночь точно проглотила весь город* /Д. Мамин-Сибиряк/, *За окнами сразу сгустилась снежная ночь; огни пустились мелькать там и сям* /А. Макушинский/. Однако данные примеры могут также служить подтверждением наличия ассоциативно-семантической связи рефлексем и с непосредственной кауземой, поскольку во всех представленных контекстах (кроме первого предложения) слово *ночь* употреблено в значении 'темнота'.

На втором уровне могут быть представлены отдельной денотативной зоной названия естественных источников света, характерных для ночного периода, – лексемы *луна* (*месяц*) и *звезда*. Данные рефлексемы также имеют полиассоциативный характер, поскольку в пределах анализируемой АСС входят в состав АСГ₁ как непосредственные рефлексемы кауземы *ночь* (они

были описаны в п. 5.2.1) и АСГ₂ как рефлексемы кауземы *темнота*: *Луна скрылась за облаками, ночная темнота опять разостлалась по воздуху* /А. Погорельский/, *Сияние звезд только усиливало темноту* /Л. Синицына/, *Месяц сиял в небесной темноте, как серебряный парус* /А. Берсенева/.

5.3.2. Рефлексемы каузем *луна* и *звезды*. Как уже неоднократно отмечалось, для лексемы *ночь* особенно значимой является сема ‘темнота’. При этом в состав АСС с кауземой *ночь* входит целый ряд слов с ядерной семой ‘свет’. Такие лексемы связаны с исходным словом на основе антонимических отношений, о чем также шла речь выше. Однако целый ряд примеров позволяет сделать вывод о том, что сема ‘свет’ также является значимой для кауземы. Выделяется она путем дистрибутивного анализа на уровне минимальных синтагм, например, тех, что выделены в следующих примерах: *Яркая и прозрачная ночь сияла над Гляденом* /А. Иванов/, *Экая сверкающая ночь! – шепнул он* /И. Гончаров/, *Буду в ярком сиянии ночи Также холодно яркое над всем* /Б. Поплавский/, *Есть таинство в сиянии ночи южной* /В. Брюсов/, *Село беззвучно засыпает В сиянии ночи голубой* /С. Надсон/, *Я с корабля сошел при блеске ночи* /Н. Щербина/ и др. Возможность сочетания слова *ночь* с глаголами и отглагольными существительными, содержащими сему ‘излучение света’, позволяет сделать вывод о том, что в его семантической структуре также должна быть представлена сема ‘свет’ (вспомним об обязательном грамматическом плеоназме). Эта сема является релевантной во всех представленных примерах, поскольку в них происходит коммуникативная замена рефлексем *луна* и *звезда* кауземой, при этом слово *ночь* выступает в метонимическом значении: сияет, сверкает, блестит не сама ночь, а луна и звезды в темноте ночи.

Таким образом, все вышесказанное позволяет говорить о том, что названия небесных светил (*луна, месяц, звезда*) в составе АСС с кауземой *ночь* выступают кауземами второго уровня для лексем, обозначающих разные виды свечения: *сверкание* (от глагола *сверкать* – «1. Яркое блестеть,

сиять переливчатым светом» [247, с. 1155]), *сияние* («1. Ровный яркий свет, излучаемый чем-либо» [247, с. 1190]) и *блеск* – «1. Яркий, искрящийся, сияющий свет, отсвет» [247, с. 83]. Все приведенные выше примеры подтверждают наличие семантической связи с исходной кауземой. Следующие контексты демонстрируют связь с кауземами и первого, и второго уровней: *Когда ракеты гасли, в парк возвращалась летняя **ночь** с ее отдаленным криком лягушек, **блеском звезд** и запахом цветущих лип* /К. Паустовский/, *Кто знает, какая сила скрыта в этой поляне, впитавшей в себя и **ночное сияние звезд**, и первый свет рождающегося дня?* /И. Ефремов/, *В безмолвной **ночи** при бледном **сиянии месяца** он приблизился к дому* /В. Ян/, ***Луна** сияла во всем **блеске**, а тишина, а ароматы от цветов, а эти чудные, неопределенные звуки **ночи**...* /П. Чайковский/.

5.3.3. Рефлексы каузем *холод, прохлада*. Снижение в ночное время температуры воздуха обуславливает возникновение определенных метеорологических явлений. Для ночного времени таковыми, в первую очередь, являются роса и туман. Сема ‘холод (прохлада)’ репрезентирует дифференциальный признак ‘причина появления’ в их семантической структуре. О семантической связи с исходной кауземой свидетельствует дефиниция (так, *роса* – «Водяные капли, осаждающиеся из влажного воздуха на поверхность растений, почвы и различных предметов при их охлаждении в вечерние, ночные и ранние утренние часы (*подчеркивание наше* – И. А.)» [247, с. 1127]. Ассоциативная связь как с непосредственной, так и с исходной кауземой отражена в ассоциативных словарях [263, с. 561]. Подтверждается она также целым рядом контекстов: *Но в лесу еще **по ночам роса*** /А. Эппель/, *Свежее становятся **ночи**, выпадает холодная роса* /Н. Плавильщиков/, *Течет над пустыней высокая **ночь**, Роняет прохладные росы* /А. Ахматова/, ***Ночь** уж ложилась на горы, и **туман** начинал бродить по ущельям* /М. Лермонтов/, ***По ночам** над рекой стелется белый, словно молоко, **туман*** /Н. Дежнев/, *А*

*там, над Байкалом, промозглый холод **ночи**, ледяющий **туман** и ветер*
/М. Зуев-Ордынец/.

В работе неоднократно шла речь о том, что состав АСГ определяется не только смысловыми отношениями между словами, но и взаимообусловленностью реалий окружающего мира. Роса – вид осадков, характерный для теплого времени года. В холодный сезон снижение температуры воздуха ночью вызывает появление инея. Этот факт находит отражение в целом ряде примеров, которые отражают ассоциативную связь выделенных лексем и служат подтверждением правомерности включения слова *иней* в состав анализируемой АСС: *Празднично сверкала луна, была тихая морозная **ночь**, густейший **иней** висел на деревьях* /В. Вересаев/, ***Ночь** очень прохладная, ясная, к утру **иней** посеребрил земную поверхность* /П. Козлов/, ***По** **ночам** давили морозы, трава обрастала **инеем*** /М. Шолохов/, *Безмолвным светом **ночь** полна, Студеный воздух сжат морозом; Иглистый **иней** по березам Повис недвижно и блестит* /Н. Огарев/, *Каждую **ночь** были морозы, **туман**, **иней*** /В. Обручев/. Что касается семантической связи, она обнаруживается в ходе дефиниционного анализа рефлексемы. Так, согласно БТС, *иней* – «Вид атмосферных осадков – ледяные кристаллы, по форме напоминающие снежинки, оседающие тонким слоем на поверхности охлажденных предметов (*подчеркивание наше* – И. А.)» [247, с. 392]. Интегральная сема ‘холод’ эксплицирована в корневой морфеме выделенного прилагательного. Она связывает лексему и с непосредственной кауземой *холод*, и с исходной кауземой *ночь* (ночь – самая холодная часть суток). В приведенных выше примерах она репрезентируется лексемами *мороз*, *морозный*, *прохладный*.

5.4. Квалитативно-темпоральные рефлексемы третьего уровня

На третьем уровне АСС с кауземой *ночь* представлены названия различных осветительных приборов и других предметов, используемых для

освещения (то есть источников света): *свеча* – «1. Палочка из жирового вещества с фитилем внутри, служащая для освещения» [247, с. 1159], *лучина* – «Тонкая щепка сухого дерева. || Такая щепка, укреплявшаяся в светце и употреблявшаяся в старину для освещения крестьянской избы» [247, с. 508], *фонарь* – «1. Осветительный прибор, в котором источник света окружен стеклом, слюдой и т.п.» [247, с. 1428], *лампа* – «1. Осветительный прибор (различного рода и устройства) [247, с. 486], *лампада* – «2. *Трад.-поэт.* Светильник, лампа» [247, с. 486], *ночник* – «Маленький светильник, дающий слабое освещение и зажигаемый на ночь» [247, с. 658]. Данная зона имеет открытый характер, поскольку в нее могут быть включены и другие когипонимы-названия осветительных приборов.

Перечисленные слова являются рефлексемами каузем *свет*, *освещение*, будучи также связаны ассоциативно и семантически с исходной кауземой *ночь*: *Ночь, улица, фонарь, аптека, Бессмысленный и тусклый свет* /А. Блок/, ...*ночь, наклонясь над светом тихой лампы, не знала, как быть* /В. Казаков/, *Горит ночник, и в его синем свете ночь кажется длиннее, а утро – невозможней* /А. Волос/ и т. п. Отметим также, что в контексте с кауземой *ночь* данные лексемы часто используются в сочетании со словами, обозначающими свечение: *И это все после памятного их разговора рождественскою ночью, при горящей свече!* /Б. Пастернак/, ...*Зимних друг ночей, Трещит лучинка перед ней* /А. Пушкин/, ...*и здесь при свете лампы ночью в глуши я понял, что значит настоящее знание* /М. Булгаков/, *Вы подумайте, как мы будем ночью в темноте и без ночника!* /А. Приставкин/, *Мало что блаженнее этих ночей; в комнатке горит лампада* /Н. Пунин/, *Ночью я выхожу погулять. В сыром, смазанном черным салом, берлинском асфальте, текут отблески фонарей* /В. Набоков/.

Среди рефлексем третьего уровня представлено также слово *костер* [263, с. 385]. Помимо всего прочего, костер используется в темное время суток либо в холодный период как источник тепла и света. Многочисленные

примеры демонстрируют семантическую связь рефлексемы с кауземой посредством сем 'свет' и 'тепло' (также на основе антонимических отношений: костер зажигают, чтобы было светло и тепло, поскольку ночью на улице темно и холодно): *Ремонтники мёрзли и для обогрева, а **ночью** и для света раскладывали **костры** из даровых досок* /А. Солженицын/, *Точно так же в холодную ночь грелся у **костра** апостол Петр* /В. Баевский/, *Уже в **ночи** не светит мне **костер*** /В. Блаженный/, *Нам уж давно, кореец, Поговорить пора, Зимнею **ночью** греясь Рядышком у **костра*** /М. Светлов/.

Дефиниционный анализ не позволяет выделить в семантической структуре слова ни сему 'свет', ни тем более сему 'ночь' (согласно БТС, *костер* – «Горящая куча дров, хвороста, сучьев и т.п.» [247, с. 462]), однако значения 'для освещения', 'для обогрева' могут быть выделены путем компонентного и текстоцентрического анализов, о чем свидетельствуют приведенные выше примеры. Таким образом, лексема *костер* также может быть включена в состав АСГ₂ как полиассоциативная рефлексема каузем *свет* и *холод*.

Квалитативные рефлексемы слова *ночь* описаны нами в статье «Актуализация квалитативных семантических признаков в рефлексемах названий частей суток» [14].

5.5. Квалитативно-предметные рефлексемы слова *ночь*

5.5.1. Семантические ассоциации в пределах признака 'человек'. Для большинства людей ночь является периодом покоя, отдыха; в ночное время жизнь затихает, активная деятельность прекращается. Данный экстралингвистический факт находит отражение и на языковом уровне: в семантической структуре лексемы *ночь* в пределах квалитативно-предметных признаков 'состояние природы' и 'человек' выделяются семы 'покой', 'отдых'.

В словарной дефиниции ЛСВ₃ лексемы *ночь* («Эта часть суток как время сна, отдыха» [247, с. 658]) эксплицированы семы 'отдых', 'сон'. Кроме того, среди ассоциатов слова *ночь* представлена лексема *сон*, а также словосочетание *отдых от рабочего дня* [263, с. 384–385]. Следовательно, лексемы, эксплицирующие данные семы либо содержащие их в качестве ядерных, должны быть включены в состав АСГ с кауземой *ночь*. Таковыми являются *отдых* («Перерыв в занятиях, в работе и т. п. для восстановления сил» [247, с. 745]), *сон* («1. ... физиологическое состояние покоя и отдыха...» [247, с. 1234]), *сонливость* (от *сонливый* – «Любящий поспать; хотящий спать» [247, с. 1235]), *дремота* (*дрема*) («1. Состояние, когда клонит ко сну; полусон» [247, с. 284]). Все они относятся к одной денотативной зоне и встречаются совместно с кауземой в художественных текстах, что подтверждает наличие ассоциативно-семантической связи между ними: *Но и ночью отдых краток: Только, кажется, прилег В мерзлом холоде палаток – Уж опять гудит гудок* /Н. Гаген-Торн/, *И после, ночью, так сладок бывал отдых победителя* /Н. Гумилев/, *То ли дело, братцы, дома, ночью сон, поутру чай* /Ю. Давыдов/, *В ту ночь я провалился в тяжелый сон* /Г. Садулаев/, *Была поздняя ночь. Юрия Андреевича одолевала страшная сонливость* /Б. Пастернак/, *Базаров уже не вставал в тот день и всю ночь провел в тяжелой, полузабывчивой дремоте* /И. Тургенев/, *Но ночами, в чуткой материнской дреме, княгиню навещали иные мысли* /Б. Васильев/.

Однако определенные особенности организма либо образа жизни некоторых людей, наоборот, способствуют активизации их жизнедеятельности в ночное время. Лексемы, обозначающие таких людей, а также события, мероприятия, характерные для ночного времени, включены в состав АСС с кауземой *ночь*.

Людей, основная деятельность которых приходится на ночное время, традиционно называют «ночниками». Согласно БТС, *ночник* – «1. Человек, выполняющий какой-л. вид работы в ночное время» [247, с. 658].

Т.Ф. Ефремова в толково-словообразовательном словаре также выделяет два лексико-сематических варианта данной лексики: «1. Тот, кто, работает ночью, ведет ночной образ жизни. 2. Летчик, специалист по ночным полетам [251]». Оба представленные ЛСВ находятся в пределах АСГ с кауземой *ночь*. Об их непосредственной смысловой связи с кауземой свидетельствует экспликация в семемах дифференциальной семы 'ночь'. Экспликация данной семы в корневой морфеме служит также основанием для ассоциирования лексем.

На вечернее и ночное время приходится период наибольшей активности так называемых «сов» (*сова* – «3. Психол. Организация психики человека, период активности которого приходится на ночное время; человек такого типа» [247, с. 1225]). Данная рефлексема образует отдельную денотативную зону, будучи связанной с рефлексемой посредством дифференциальной семы 'ночь', отраженной в представленном выше определении. Примеры совместного функционирования рефлексемы и кауземы в контексте: *Существует некая общность между творческими работниками и всеми кошками: и те и другие – так называемые «совы», чья активность смещена к **ночи*** /М. Валеева/, *Совы и жаворонки – распространенное деление типов людей на бодрствующих утром и днем (жаворонок) и вечером и **ночью** (сова)* /Н. Козлов/, *Совы могут ходить в спортзал **вечером**, а работать – **ночью*** /Байдан/.

Денотативную зону ночных мероприятий представляет рефлексема *всенощная*. Так православная церковь ежедневно совершает в храмах вечерние, утренние и дневные службы, в совокупности объединенные в суточный круг богослужений (лексемы, обозначающие эти богослужения, были рассмотрены нами ранее). Наряду с ежедневными, в церкви проводится праздничное богослужение – *всенощная* – «В православной церкви: праздничное богослужение в канун воскресенья и больших христианских праздников (Рождества и Пасхи), длящееся всю ночь» [247, с. 159]. С кауземой выделенное слово связывает сема 'ночь', которая

эксплицирована и в корневой морфеме (что является основой для взаимного ассоциирования кауземы и рефлексемы), и в дефиниции. С другой стороны, в слове *ночь* в рамках признака ‘деятельность человека’ может быть выделена дифференциальная сема ‘богослужение’. Таким образом, есть все основания для включения данного слова в состав описываемой АСГ. Ассоциативно-семантическая связь рефлексемы *всенощная* с кауземой *ночь* отражена в таких примерах: *Каждую **ночь** между **всенощной** и ранней обедней оставался при лампаде монах на череду...* /С. Клычков/, *Оттого церкви, обыкновенно пустые в летние праздники, в тот день полнехоньки народом, <...> чуть не всю **ночь** напролет **всенощные** поют да часы читают* /П. Мельников-Печерский/.

К данной денотативной зоне, по нашему мнению, следует отнести и название мероприятия светского характера – *афтенпати (афтерпати)*. Данная лексема относится к неологизмам и не зафиксирована в основных толковых словарях. Однако она представлена в «Самом новейшем толковом словаре русского языка XXI века» Е. Н. Шагаловой как «Мероприятие, которое начинается сразу после завершения основного события (выставки, концерта и т. п.) и является его логическим продолжением» [279, с. 63]. Время проведения в дефиниции не отражено, поскольку данное мероприятие может иметь место в любое время суток (и вечером, и ночью, и даже утром). Но чаще всего это мероприятие приходится на ночное время поскольку служит, продолжением вечерних событий. Подтверждение этому находим в иллюстративной части той же словарной статьи: *Ближе к **ночи** гости разбрелись по **афтенпати*** [там же]. Таким образом, можно говорить о том, что в семантической структуре слова *афтенпати* выделяется дифференциальная сема ‘ночь’ как репрезентант признака ‘время проведения’. Косвенное подтверждение наличия данной семы находим в этимологии слова: оно заимствовано из английского языка, где *after* означает «после», а *party* – «вечеринка».

5.5.2. Семантические ассоциации в пределах признака ‘состояние природы’. Не только для человека ночь является периодом покоя и отдыха. В мире природы в это время суток также все затихает, что находит отражение и на языковом уровне: признак ‘состояние природы’, как и признак ‘состояние человека’, в семантической структуре кауземы реализуется семами ‘тишина’, ‘покой’. Последние выделяются, прежде всего, путем дистрибутивного анализа. Так, например, они актуализируются в элементарных словосочетаниях типа *ночная тишина* / *тишина ночи*, *ночной покой* / *покой ночи* и т. п.: ***Ночная тишина*** спускалась с гор на Ялту /К. Паустовский/, ***Тишина*** ночи, сияние неба, подобные зеркалам озера в белых мхах /Б. Шергин/, ***В неподвижном ночном покое*** сияли и мерцали далекие миры /П. Романов/, *Одни цикады своим однообразным монотонным трещанием нарушали **покой** ночи* /П. Козлов/.

Таким образом, в состав АСГ будут входить лексемы, репрезентирующие названные семы либо содержащие их в качестве гиперсем, например, *тишина*, *покой*, а также их синонимы *дремота* («Трад.-поэт. Покой, оцепенение, неподвижность (о природе)» [247, с. 284]) и *сон* в значении «О состоянии полного покоя и тишины в природе (обычно ночью)» [247, с. 1234]. Дифференциальная сема ‘ночь’ (она эксплицирована в дефиниции последнего слова) в их семантических структурах представляет признак ‘время / период проявления’. Особенности их использования в контексте наряду с кауземой иллюстрируют следующие примеры: *Была тёплая лунная **ночь**, и **тишина**, глубокая, полная, лесная* /Э. Казакевич/, ***Ночь*** морозная, тих **покой** перекрестка, *Я один у окошка – ни врага, ни друга не жду* /С. Есенин/, ***Каждую ночь*** непреклонный ***Сон*** Растений вновь заставлял цветочные кусты выбрасывать побеги и растить листья /О. Онойко/, *Гудели **ночью** тополя, В **дремоте** море бушевало* /И. Бунин/, *Всё было тихо, как луна и **ночь**, И ветер не мог **дремоты** превозмочь* /М. Лермонтов/.

К этой же денотативной зоне мы относим и слово *нега* в значении «книжн. 2. Состояние успокоенности...» [247, с. 616]: *Здесь ночью нега и покой, А днем и шум и пированье* /А. Пушкин/, *Какая ночь! На всем какая нега!* /А. Фет/.

Как и среди людей, среди представителей флоры и фауны есть такие, для которых ночь является периодом активизации жизнедеятельности. К ним относятся: *сова* – «1. Хищная птица с большими глазами и крючковатым клювом, ведущая сумеречный образ жизни» [247, с. 1225], *филин* – «Хищная ночная птица отряда сов» [247, с. 1423], *сыч* – «Ночная или сумеречная птица отряда сов» [247, с. 1300], *ночница₁* – «1. Ночная бабочка; совка» [247, с. 658], *ночница₂* – «мелкая летучая мышь» [247, с. 658] и др. Как видим, в большинстве определений эксплицирована дифференциальная сема 'ночь', репрезентирующая признак 'активизация жизнедеятельности'.

Анализируемая денотативная зона имеет открытый характер. Ряд лексем, обозначающих представителей животного мира, ведущих ночной образ жизни, можно продолжить. Более того, в него можно включить и раздельнооформленные рефлексемы, например, *ночной мотылек*, *летучая мышь* и др. Правомерность включения таких лексем в состав АСГ подтверждается данными ассоциативных словарей, а также рядом примеров, в которых каузема и рефлексемы выступают синтагматическими партнерами: *...и соловей Уж пел в безмолвии ночей* /А. Пушкин/; *Сыч разлетается к ночи* /Н. Некрасов/, *Но есть хищные совы, которые убивают ночью сонных птиц* /И. Соколов-Микитов/, *Совы и филины ловят по ночам зайцев* /С. Аксаков/, *Мотылька полет незримый слышен в воздухе ночном* /Ф. Тютчев/, *Лишь филин на утесе И в ночь осенню гладный волк Там воют в черном лесе* /В. Жуковский/, *С вечера летали ночницы и всю ночь комары* /П. Козлов/, *Зачем как шальные свистят соловьи Всю южную ночь до рассвета?* /Г. Иванов/.

Отдельную денотативную зону в составе АСГ образуют названия ассоциирующихся с ночью представителей флоры. Такие ассоциации обусловлены экстралингвистическими факторами, поскольку речь идет о растениях, которые открываются с наступлением сумерек либо характеризуются особенно ярким вечерним и ночным ароматом. К таким растениям относятся *маттиола*, *энотера*, *душистый табак*, *резеда*, *мирабилис* и др. (то есть зона имеет открытый характер). В словарных толкованиях рефлексом не упоминаются данные особенности: в них преимущественно отражается принадлежность растения к определенному семейству (например, *маттиола* – садовое травянистое растение из сем. крестоцветных с душистыми цветками различной окраски» [251]). Однако ассоциации с ночью проявляются в народных названиях этих растений: например, *маттиола* – «ночная фиалка», *энотера* – «ночная свеча», «королева ночи», *душистый табак* – «ночной костер», *мирабилис* – «ночная красавица» и т. п. Такая связь наблюдается и в контекстах: *Была теплая **ночь**. Откуда-то пахло цветущей **маттиолой*** /К. Паустовский/, *А цветники дышали **резедою**, И **ночь** была прозрачна и светла* /С. Соловьев/, ***Ночью** <...> из крошечного палисадника под окнами пахло **маттиолой** и **душистым табаком*** /И. Ратушинская/, *Каждый **вечер** цветы **энотеры** обязательно распускаются и стоят открытыми всю **ночь**, а рано утром закрываются снова* /Я. Ларри/.

Подавляющее большинство рефлексом данной зоны имеет полиассоциативный характер. Они также ассоциируются с вечером, а значит, входят в состав АСГ с соответствующей кауземой, поскольку в это время суток цветы начинают распускаться (источать особый аромат). То есть сема 'вечер' в их семантической структуре также может представлять признак 'активизация жизнедеятельности'. О наличии ассоциативно-семантической связи рефлексом с кауземой *вечер* свидетельствует последний пример из приведенных выше, а также следующие предложения: *Вспомните, как сильно пахнут **по вечерам** цветы **душистого табака**,*

метиолы, ночной фиалки-любки /Р. Фридман/, *В палисадниках, навстречу сумеркам, распускались маттиолы* – цветы, которые пахнут только *вечером*, цветы рабочих людей /Б. Горбатов/, *В это время как раз цвела ночная фиалка и наша комната по вечерам* наполнялась томительно-сладостным ее ароматом /Н. Гершензон-Чегодаева/.

Следует отметить, что сема 'активизация жизнедеятельности' в пределах признака 'состояние живых существ' в семантической структуре кауземы не выделяется ни путем дефиниционного, ни путем компонентного либо ремотивационного анализов. Однако ассоциативно-семантическая связь со словами, в семантической структуре которых признак 'активизация жизнедеятельности' репрезентирован семой 'ночь', позволяет говорить о необходимости выделения потенциальной семы 'период активизации жизнедеятельности' в семантической структуре кауземы. Случаи актуализации данной семы иллюстрируют приведенные выше примеры.

5.6. Квалитативно-предметные рефлексемы второго уровня

Среди квалитативно-предметных рефлексем первого уровня в пределах АСС с исходным словом *ночь* кауземами второго уровня выступают лексемы *сон* и *отдых*. С ними обоими вступает в ассоциативно-семантическую связь девербатив *ночевка* – «Остановка где-л. на ночь для сна, ночной отдых, сон» [247, с. 658]. Как показывает дефиниционный анализ, в структуре данного слова выделяются не только дифференциальные семы 'сон' и 'отдых', но и сема 'ночь', что свидетельствует также о его семантической связи с исходной кауземой. В контекстах рефлексемы функционируют наряду как с непосредственными, так и с исходной кауземами, например: *С первых месяцев нашего пути, на ночевках, перед сном мне постоянно казалось: что-то еще* /А. Терехов/, *Они [казаки] нуждаются в более продолжительном отдыхе, чем обыкновенная ночёвка* /В. Арсеньев/, *Кроме того, ефрейтор каждую ночь*

*выбирает новое место **ночевки** /Ю. Бондарев/, Это прислушивание к лифту происходило каждую **ночь**, вне зависимости от наших **ночевок** /Н. Мандельштам/.*

Следует отметить, что в некоторых русских говорах семантический объем слова *ночевка* шире, поскольку включает также значение «ночной отдых, сон животных, птиц»; «посиделки». Таким образом, данная рефлексема связана с кауземами не только в рамках признака ‘состояние человека’, но и признака ‘состояние природы’, о чем свидетельствуют следующие примеры: *Гусиная стая* <...> **ночью**, *возвращается с полей на **ночевку*** /С. Аксаков/, *На вторую **ночь** на **ночѣвку** отправлялись чѣрный **петух** и **курица*** /С. Еремеева/.

С лексемой *сон* ассоциативно и семантически связаны слово *бессонница* – «болезненное отсутствие или нарушение ночного сна; постоянное недосыпание» [247, с. 75], а также стилистические синонимы *сомнамбулизм* и *лунализм*, обозначающие «расстройство сознания, при котором автоматически во сне совершаются привычные действия (ходьба, перекладывание вещей и т.д.)» [247, с. 1234]. Они образуют денотативную зону обозначений болезненных состояний, проявляющихся ночью. Семантическая связь с непосредственной кауземой налицо (см. представленные дефиниции). Возникновению ассоциативной связи способствует экспликация семы ‘сон’ в корневой морфеме первой кауземы, а также совместная встречаемость лексем в одном контексте: **Ночью** – **бессонница**, *днём – гололедица, Жёлтый ледок* /И. Лиснянская/, **Ночью**, *когда томит бессонница, у изголовья толпятся люди, когда-то задевшие твою жизнь* /Л. Зорин/, *Арсен в эту **ночь** тоже мучился бессонницей* /А. Маринина/, **Ночи** *снов мучительных И бессонниц черных* /П. Якубович/.

Отметим, что сема ‘ночь’, эксплицированная в дефиниции двух последних слов, репрезентирует семантический признак ‘период проявления / обострения заболевания’, что свидетельствует о

необходимости выделения признака ‘характерные заболевания’ в семантической структуре кауземы.

В связи с этим в состав исследуемой АСГ₂ можно включить и абсолютные синонимы *сомнамбула* и *лунарик*, обозначающие человека, страдающего *сомнамбулизмом*. Более того, данные рефлексемы могут быть расположены и на первом уровне АСС по аналогии со словом *ночник* (в значении «человек, работающий ночью»): последнее связано с кауземой посредством признака ‘активизация жизнедеятельности’, а слова *сомнамбула* и *лунарик* – посредством признака ‘обострение заболевания’: *Стал гордиться: рассказывал всем в школе, что ходил **ночью** по квартире как настоящий **лунарик** /Ю. Трифонов/, Вообще-то я не **лунарик** и не имею привычки **ночами** гулять по городу /Л. Юзефович/, Эта **ночь** создана для **сомнамбул** /К. Комаров/, Вставала **ночью** и ходила **во сне сомнамбулой** /Ю. Трифонов/.*

С ЛСВ₁ лексемы *сон* в значении ‘состояние покоя и отдыха’ ассоциативно-семантически связано слово *сновидение* – «Образы, возникающие во время сна; то, что снится» [247, с. 1223], а также его абсолютные синонимы – ЛСВ₂ слова *сон* («То, что снится спящему, сновидение» [247, с. 1234]) и ЛВС₂ слова *греза* («Сновидение» [247, с. 227]), образующие отдельную денотативную зону в пределах АСГ₂. Связь с исходной кауземой осуществляется в пределах признака ‘время возникновения’, который в их семантической структуре представлен дифференциальной семой ‘ночь’: *На другую **ночь сновидение** повторяется /В. Мезенцев/, Вся **ночь** прошла в самых заманчивых **мечтах и сновидениях** /В. Вонлярлярский/, Каждую **ночь** человеку снится **сон**, которого он совсем не помнит /В. Пелевин/, На следующую **ночь сон** повторился с небольшой вариацией /Я. Кудлак/, Известно, что некоторые лица то, что они видят и слышат днем, переживают **ночью** во время сна в виде сонных **грез** или **сновидений** /В. Бехтерев/.*

Слово *сон* является кауземой для названий целого ряда артефактов, связанных со сном либо предназначенных для сна. Они представляют три денотативные зоны в составе АСГ₂. Первая объединяет названия мебели, предназначенной для сна. Ядерное положение в этой зоне занимает слово *кровать* – «Предмет домашней обстановки, служащий для сна» [247, с. 471], в семантической структуре которого сема 'сон' является ядерной (*кровать* – это мебель, предназначенная именно для сна), а также слово *раскладушка* – «Легкая раскладная кровать» [247, с. 1087]. Сюда же можно отнести и названия ряда других предметов мебели, предназначенных для лежания (*диван, кушетка, тахта, софа* и т.п.), в дефинициях которых данная сема не эксплицируется, но выделяется в ходе компонентного анализа: мебель может использоваться для лежания, а соответственно, и для сна. Что же касается ассоциативной связи данных лексем с кауземой *сон*, она обусловлена, в первую очередь, экстралингвистическими факторами, а именно личным опытом респондентов: *Снова ночью в своей кровати слушать знакомый бой часов* /В. Гроссман/, *Он провел эту ночь на раскладушке – его кровать в комнате не поместилась, – родители спали на диване совсем рядом* /Р. Сенчин/, *Спать он уходил два раза на свою кровать, а одну белую яркую ночь пролежал в раздумье на софе* /Е. Салиас/.

Вторую денотативную зону образуют слово *постель* («1. Место для сна с постланными спальными принадлежностями; сами такие принадлежности (белье, одеяло, подушка)» [247, с. 937]), а также его меронимы – *белье, одеяло, подушка, простынь* и т.п.. В приведенных ниже примерах они представлены наряду с непосредственной и исходной кауземами: *Во втором часу ночи утомленный хлопотами Семен лег в постель, но сон не шел* /Н. Троицкий/, *Ночью уже лежал в чистой постели, где, блаженствуя, отходил ко сну* /М. Палей/, *Наконец-то я понял природу этих едва уловимых обрывков, посещавших меня иногда глухими ночами, когда, уткнувшись носом в подушку, я ждал сна.* /О. Гладов/, *Мир*

одеял разрушен сном. Но в чьем-то напряженном взоре маячит в сумраке ночном окном разрезанное море /И. Бродский/.

К третьей денотативной зоне относятся названия одежды, предназначенной для сна: *пижама* («Спальная, домашняя или больничная одежда из мягкой ткани, состоящая из куртки свободного покроя и брюк» [247, с. 831]), раздельнооформленная рефлексема *ночная рубашка (сорочка)* и коллоквиализм *ночнушка* (то же, что и ночная рубашка). В их семантической структуре выделяется дифференциальная сема ‘сон’, репрезентирующая, как и в семантической структуре членов описанных выше денотативных зон, признак ‘предназначение’. Связь слова *пижама* с исходной кауземой имплицированная, а в двух других рефлексемах находит материальное выражение: сема ‘ночь’ эксплицирована в корневых морфемах. Эта связь проявляется себя и на уровне текста: *Ночь у Фазанов начинается с девяти часов, и к этому времени все должны лежать в постелях, облаченные в пижамы и готовые отойти ко сну* /М. Петросян/, *Принарядившись перед сном в новую ночную сорочку с кружевом, все таблетки разом и приняла* /В. Рецепттер/

Выводы к главе 5

Путем дефиниционного анализа в семантической структуре слова *ночь* выделяются семы ‘время’, ‘промежуток времени’, ‘часть суток’, ‘от захода до восхода солнца’, ‘от вечера до утра’, ‘темнота’, ‘сон’, ‘отдых’. Уточнить значение позволяет ремотивационный анализ. В результате в структуре значения кауземы выделяются те же признаки, что и в значении других вершин АСС: темпоральные (‘отрезок времени’, ‘часть суток’, ‘после вечера’, ‘перед утром’), квалитативно-темпоральные (‘самая темная часть суток’, ‘самая холодная часть суток’), квалитативно-предметные (‘состояние природы’, ‘деятельность человека’).

Поскольку ночь и день являются основными частями суток, и, кроме того, в совокупности осмысливаются как сутки, сема 'часть суток' в семантике слова *ночь* более значима, чем, например, в лексемах *вечер* и *утро*. Вышесказанное обуславливает взаимное ассоциирование лексем *ночь* и *день*, таким образом, данные лексемы выступают одновременно кауземой и рефлексемой по отношению друг к другу. Интегральными семами при этом выступают 'основная часть суток' и 'цикличность'. Сема 'следование во времени' связывает каузему с названиями предыдущей (*вечер*) и последующей (*утро*) частей суток.

Каждый отрезок времени имеет свои границы. Для ночи таковыми являются закат и рассвет. Рефлексемы *закат* и *рассвет* связаны с кауземой посредством признака 'отрезок времени' и 'относительность временных границ'. Признак 'отрезок времени' связывает с кауземой и рефлексему-мероним *полночь*.

Квалитативно-темпоральный признак 'степень освещенности', реализуемый семами 'темнота' и 'отсутствие яркого естественного освещения', обуславливает появление в составе АСС лексем *темнота*, *мгла*, *мрак*, *тень*, а также *сумрак*, *полумрак* и т. п. Посредством данного признака в состав парадигмы также входят лексемы *луна*, *месяц* и *звезды*, поскольку видимыми эти небесные светила становятся только в темноте ночи.

Признак 'температурный режим' в семантической структуре кауземы репрезентирован семами, выражающими разную степень градации ('холод', 'мороз', 'прохлада', 'свежесть' и т. п.), что обусловлено экстралингвистическими причинами: ночь – самая холодная часть суток, однако степень холода зависит от времени года. Таким образом, в состав АСС включаются лексемы, эксплицирующие эти семы.

Кауземами второго уровня выступают лексемы *темнота*, *луна*, *звезды*, а также *холод* и *прохлада*. Слово *темнота* ассоциативно-семантически связано с лексемами *свет*, *освещение*, *огонь*, *электричество*.

Посредством слов *луна* и *звезды* в состав АСС включаются лексемы, обозначающие разные виды свечения (*сияние, блеск, сверкание* и т. п.), а лексемы *свет* и *освещение* выступают кауземами для названия осветительных приборов (*лампа, фонарь, ночник* и т.п.). Лексемы *холод* и *прохлада* обуславливают появление в составе парадигмы названий метеорологических явлений, связанных с понижением температуры воздуха (*роса, туман, иней* и т. п.).

Квалитативно-предметный признак ‘состояние человека’ представлен семами ‘отдых’ и ‘сон’, что позволяет включить в состав АСГ₁ лексемы *отдых, сон, дремота* и др. Поскольку особенности психики, состояния здоровья, внешние обстоятельства накладывают отпечаток на образ жизни некоторых людей, ночь для них становится не периодом отдыха, а, наоборот, временем активизации жизнедеятельности. В силу таких причин на семантическом уровне в пределах признака ‘состояние человека’ следует выделять не только сему ‘отдых’ (эксплицированная в дефиниции), но и сему ‘активизация жизнедеятельности’, что подтверждается путем анализа ассоциативно-семантических связей слова *ночь* с лексемами-актуализаторами последней. Они распределяется по трем денотативным зонам: обозначения людей, работающих ночью (*ночник*); людей, наиболее активных в ночное время (*сова*); мероприятий, проводимых ночью (*всенощная, афтепати*).

Сема ‘активизация жизнедеятельности’ также должна быть выделена и в рамках признака ‘состояние природы’, поскольку данная сема реализуется в целом ряде названий животных и растений, которые наиболее активно проявляют себя в ночное время (*сова, филин, сыч, ночница, маттиола* и др.). Денотативные зоны, к которым относятся эти рефлексемы, имеют открытый характер.

Достаточно широко, по сравнению с другими АСС, в АСС с кауземой *ночь* представлен второй уровень квалитативно-предметных рефлексем. Большинство из них связано со словом *сон*. Это лексемы *ночевка*

(‘остановка для сна’), *бессонница* (‘отсутствие сна’), *сомнамбулизм*, *лунатизм* (‘нарушение сна’), *сон* (‘образы, возникающие во время сна’), а также названия целого ряда артефактов, предназначенных для сна: мебели (*кровать, раскладушка* и др.), спальных принадлежностей (*постель, белье* и др.), одежды для сна (*пижама, ночная рубашка* и др.).

Полиассоциативность рефлексом проявляется, прежде всего, на межструктурном уровне. Так, рефлексемы *восход* и *закат* являются членами АСС с кауземами *утро* и *вечер* соответственно. Слова *темнота, сумрак, холод (прохлада), луна, звезды, отдых, лампа, фонарь* и др. ассоциативно-семантически связаны также со словом *вечер*, поскольку являются атрибутами темного времени суток.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение системно-структурной организации словарного состава национальных языков с опорой на семные связи лексем, получившее широкое распространение во второй половине XX в., не утратило своей актуальности и на современном этапе развития лингвистики. В рамках такого подхода слово изучается не изолированно, само по себе, а в его отношениях с другими словами. Формирование антропоцентрической парадигмы в языкознании стало одним из главных факторов, способствующих появлению новых методов и методик исследования языка, разработке новых подходов к структурированию его лексического состава. Одной из них является заимствованная лингвистами у психологов методика свободного ассоциирования. С ее помощью изучается глубинная семантика языковых единиц, анализируются семантические процессы, исследуются системные связи лексем.

Анализ многочисленных теоретических работ отечественных и зарубежных ученых показал, что разного рода ассоциации лежат в основе парадигматических отношений лексем. Основными типами вербальных ассоциаций являются ассоциации по сходству и по смежности. Первые определяют парадигматические отношения лексем, вторые – синтагматические. Разного рода семантические ассоциации лежат в основе полисемии; ассоциациями по сходству связаны члены синонимической парадигмы, а ассоциациями по противоположности – антонимической. На уровне формы ассоциируются омонимы. Взаимоассоциируются члены тематической, гиперо-гипонимической, лексико-семантической групп. Это значит, что семантическая связь является одной из основных предпосылок для ассоциирования слов.

Изучение семантических составляющих вербальных ассоциаций является актуальным в современной лингвистике. Классификации ассоциативно связанных слов, смысловые отношения между словом-

стимулом и ассоциатами исследуются в рамках когнитивной и психолингвистики, лингвостилистики, коммуникативной семантики, лингвистики текста и других отраслей языкознания. В семасиологии при изучении смысловых отношений ассоциативно связанных слов была выделена особая лексико-семантическая парадигма – *ассоциативно-семантическая группа*. Ее специфика состоит в том, что, являясь частью ассоциативного поля, она объединяет грамматически однородные лексемы, в семантической структуре которых представлены одинаковые элементы: исходное слово-каузема коррелирует с ассоциатами-рефлексемами на уровне гипер- и гипосем.

В настоящей работе выделены и исследованы ассоциативно-семантические структуры с кауземами-членами лексико-семантической группы «части суток». Использование в качестве исходных слов членов закрытой лексико-семантической группы, имеющих сходную семантическую структуру, определяющую состав ассоциативно-семантических групп, дает возможность построить типовую парадигму, выявить характерные семантические признаки, посредством которых рефлексемы коррелируют с кауземами.

Семантическая структура названий частей суток – *утро, день, вечер и ночь* – определялась с помощью дефиниционного, компонентного, ремотивационного и дистрибутивного видов анализа. В результате были выделены темпоральные ('часть суток', 'следование во времени', 'цикличность', 'относительность временных границ'), качественно-темпоральные ('температурный режим', 'степень освещенности') и качественно-предметные ('состояние природы', 'деятельность человека') признаки.

Путем сплошной выборки из толковых словарей была выделена группа слов, содержащих перечисленные признаки как ядерные. С учетом данных «Русского ассоциативного словаря» и результатов проведенного ассоциативного эксперимента были сформированы ассоциативно-

семантические группы, в которые включены семантически связанные с вершинами парадигм ассоциаты.

В семантической структуре членов парадигм были выявлены конкретные семы, репрезентирующие перечисленные признаки. Посредством этих сем рефлексемы объединяются в денотативные зоны: каждая такая зона объединяет слова на основе сходства номинируемых реалий.

Наряду с исходными каузами, в ассоциативно-семантические отношения в свою очередь вступают и их рефлексемы, образуя собственные ассоциативно-семантические группы. В совокупности рефлексемы разных уровней, связанные ассоциативно и семантически с исходным словом (названием части суток), формируют парадигму, определяемую как *ассоциативно-семантическая структура*.

Был определен состав и структура четырех ассоциативно-семантических структур, вершинами которых выступают названия частей суток.

В толковых словарях проанализированные кауземы как члены семантического поля времени определяются в первую очередь по темпоральным признакам. Парадигматически организующей для них является гиперсема 'часть суток', посредством которой они объединяются в лексико-семантическую группу. Однако, несмотря то, что временные признаки занимают ядерное положение в семантической структуре исходных слов, рефлексемы, реализующие эти значения, в количественном отношении значительно уступают качественным. Более того, они пассивны в плане образования ассоциативно-семантических групп следующих уровней.

Денотативные зоны, образованные собственно темпоральными рефлексемами, в составе всех рассмотренных ассоциативно-семантических групп имеют идентичный состав: в них входят названия противоположных и смежных частей суток, а также лексемы-меронимы, обозначающие

переходные периоды либо определенные моменты в середине основных отрезков времени. Сема 'основной / переходный сезон' выступает в качестве интегральной при сопоставлении противоположных частей суток (*день – ночь, утро – вечер*), сема 'следование во времени' – при ассоциировании названий смежных отрезков времени.

Темпоральный признак 'цикличность' актуализируется лишь в названиях основных частей суток – *день* и *ночь* – в рамках двучленной модели суточного времени; а признак 'относительность временных границ' становится релевантным, если ассоциатами названий частей суток выступают обозначения переходных периодов – *рассвет, восход, закат, заход*.

Гораздо шире представлены рефлексемы с качественно-темпоральными гиперсемами, репрезентирующими семантические признаки 'степень освещенности' и 'температурный режим'. Признак 'степень освещенности' реализуется в названиях разных типов свечения (*свет, блеск, сияние* и т. п.). В ассоциативно-семантических структурах с кауземами-названиями светлых частей суток (*утро, день*) они расположены на первом уровне, будучи связанными с исходным словом посредством гиперсемы 'свет'. В ассоциативно-семантическую структуру с кауземой *ночь* они входят опосредованно – как рефлексемы слов *луна, месяц, звезды*. Их ассоциативная связь с кауземами обусловлена как собственно лингвистическими (наличие интегральной семы 'свет'), так и экстралингвистическими факторами: свет небесных тел, обозначаемых лексемами, виден лишь в ночное время.

Данный признак также репрезентирован лексемами с градуальной семантикой ('меньше света, чем днем', 'больше света, чем ночью') – *сумрак, полумрак, полутьма*. Они представлены в составе ассоциативно-семантических структур, с кауземами *утро* и *вечер*. Рефлексемы *мрак* и *темнота* ассоциативно-семантически связаны со словами *вечер* и *ночь*.

Наряду со степенью освещенности одним из факторов, характеризующих части суток, является температурный режим. Несомненно, температура воздуха зависит, прежде всего, от времени года, однако в любом случае для основных частей суток характерно максимальное проявление температурного признака (что находит отражение в семантической структуре лексем). Поэтому наряду с «нейтральными» рефлексемами *тепло* и *холод* в ассоциативно-семантические группы с кауземами *день* и *ночь* вошли рефлексемы, содержащие градуальные семы 'самый', 'очень' (соответственно *зной*, *жара*, *жар* и *мороз*, *стужа*). Названия переходных частей суток ассоциируются с лексемами, выражающими неполноту признака (*прохлада*, *свежесть*, *заморозок*, *утренник*).

Значимость качественных лексем в составе ассоциативно-семантических структур обусловлена их способностью выступать в роли каузем для рефлексем второго уровня. Наиболее регулярными и продуктивными в этом отношении являются лексемы *свет* и *прохлада*. Так, в состав ассоциативно-семантических структур посредством слова *свет* входят обозначения источников естественного (*солнце*, *светило*) и искусственного (*лампа*, *фонарь*, *свеча* и т.п.) освещения, лексема *луч* ('полоска света'), лексемы *восход*, *заря*, *зарница*, *рассвет*, *закат* в качественном значении 'окраска, освещение неба'. Слово *прохлада* вводит в ассоциативно-семантические структуры названия метеорологических явлений, вызванных понижением температуры воздуха и характерных для соответствующих частей суток – *роса*, *туман*, *дымка*.

Кауземой второго уровня в пределах ассоциативно-семантической структуры с исходным словом *ночь* выступает слово *темнота*, с которым ассоциативно-семантически связаны названия видов освещения (*огонь*, *электричество* и т.п.), ночных светил (*луна*, *месяц*, *звезды*), искусственных источников света (*лампа*, *фонарь*, *свеча* и т.п.).

Квалитативно-темпоральные лексемы формируют ассоциативно-семантические группы третьего уровня. В составе ассоциативно-семантических структур с исходными каузами *утро* и *день* это лексема *солнце*, которое обуславливает включение в парадигмы лексем *восход*, *рассвет*, *заход*, *закат* в их процессуальном значении. В ассоциативно-семантических структурах с вершинными лексемами *вечер* и *ночь* аналогичную позицию занимают слова *луна* и *звезды*, с которыми ассоциативно-семантически связаны процессуальные рефлексемы *блеск*, *сверкание*, *сияние* и т. п.

Как и другие отрезки времени, части суток, имея определенную протяжённость, характеризуются заполненностью теми или иными событиями. Проводя границы между частями суток, человек часто руководствуется экстралингвистическими факторами: временем восхода и захода солнца, трудовой деятельностью, приёмом пищи, пробуждением и отходом ко сну, соблюдением религиозных обрядов и т. п.

На языковом уровне состояние окружающего мира в то или иное время суток отражают квалитативно-предметные признаки ‘состояние природы’ и ‘деятельность человека’. В составе рассмотренных ассоциативно-семантических структур денотативные зоны, объединяющие квалитативно-предметные рефлексемы, часто имеют открытый характер.

Семантический признак ‘деятельность человека’ является интегральным для рефлексем, обозначающих виды деятельности (*пробуждение*, *работа*, *служба*, *учеба* / *отдых*, *сон* и т. п.), характерные события, среди которых прием пищи (*завтрак*, *обед*, *ужин*), церковные богослужения (*утреня*, *вечерня*, *всенощная*), мероприятия (*вечеринка*, *дисотека*, *спектакль* и т.п.), характерные для соответствующего времени суток. Среди них выделяются лексемы *вечерник* и *ночник*, обозначающие людей, активная деятельность которых приходится на вечернее и ночное время – период снижения активности, покоя, отдыха для большинства людей. Данный факт свидетельствует о том, что упомянутый признак может

реализоваться семьей 'период активности' не только в лексемах *утро* и *день*, но и в лексемах *вечер* и *ночь*.

Семьи 'активизация / снижение активности', 'наибольшая активность / покой' также репрезентируют в составе каузем признак 'состояние природы'. Особые денотативные зоны в составе ассоциативно-семантических групп *вечер* и *ночь* образуют названия представителей флоры и фауны, активность которых приходится на темное время суток (*сова, филин, сыч; ночница, вечерница* и др.). Эти зоны не имеют соответствий в ассоциативно-семантических группах с кауземами *утро* и *день*, поскольку признак 'период активности' в их семантической структуре не является дифференциальным, таким образом, можно говорить о наличии лакун в составе данных парадигм.

Второй уровень представлен рефлексемами слов *пробуждение, работа, учеба, театр*. В тематическом плане наибольшим разнообразием отличается ассоциативно-семантическая структура с кауземой *ночь*, в пределах которой рефлексемы второго уровня, непосредственно связанные с кауземами *сон* и *отдых*, образуют такие денотативные зоны: названия болезненных состояний, проявляющихся в ночное время (*бессонница, сомнамбулизм*), людей, страдающих от этих заболеваний (*лунатик, сомнамбула*), обозначения сновидений (*сон, греза*), названия предметов (*кровать; постель* и т. п.) и одежды для сна (*пижама, ночная сорочка*), обозначение остановки для сна (*ночевка*).

Как и в любую другую парадигму, в ассоциативно-семантическую группу и ассоциативно-семантическую структуру многозначные лексемы могут входить в разных значениях. Например, лексемы *восход* и *заход* входят в состав ассоциативно-семантических структур в процессуальном и темпоральном значениях и не входят в значении локативном. Разные лексико-семантические варианты лексем могут быть представлены в разных денотативных зонах и на разных уровнях парадигм: слова *рассвет* и *закат* в разных значениях представлены среди темпоральных (как обозначения

начала утра и конца вечера соответственно) и квалитативно-темпоральных рефлексом (обозначая освещение неба в утренние и вечерние часы). Такие рефлексемы мы определяем как полиассоциативные.

Полиассоциативность может проявляться в пределах одной ассоциативно-семантической структуры (как в описанном выше случае) и на межструктурном уровне. В пределах одной ассоциативно-семантической структуры она обусловлена семантикой рефлексом (например, в разные денотативные зоны лексема *солнце* входит посредством сем 'источник света' и 'источник тепла'). На межструктурном уровне полиассоциативность объясняется внеязыковыми причинами, например, соположенностью частей суток (рефлексемы *сияние*, *блеск*, *сверкание* входят в состав ассоциативно-семантических структур *утро* и *день*) либо подобными их характеристиками (лексемы *заморозок*, *прохлада*, *роса*, *туман* являются членами ассоциативно-семантических структур с кауземами *утро* и *вечер*).

Присутствие в семантической структуре исходных слов одинаковых семантических признаков обуславливает наличие в ассоциативно-семантических структурах типовых денотативных зон, члены которых реализуют данные признаки. Максимальное расстояние между исходной кауземой и членами ассоциативно-семантической структуры – три шага (при этом для большинства лексем оно не превышает двух шагов).

На основе данных, полученных в результате исследования, была разработана типовая ассоциативно-семантическая структура, с названием части суток в роли кауземы.

Если сходство рассмотренных ассоциативно-семантических структур обусловлено подобием семантики исходных слов, то различия между ними – количество, состав и объем денотативных зон – определяется в первую очередь экстралингвистическими факторами: порядком следования во времени, метеорологическими особенностями частей суток, спецификой жизнедеятельности человека и т. п.

Проведенное исследование расширяет представление о таких парадигмах, как ассоциативно-семантическая группа и ассоциативно-семантическая структура, а также о принципах систематизации лексики в целом. Кроме того, подобный подход к изучению ассоциативно и семантически связанных слов представляется перспективным, поскольку он способствует усовершенствованию методологии семантического анализа вербальных ассоциаций и дальнейшему развитию теории лексико-семантических парадигм. В будущем возможно исследование ассоциативно-семантических связей членов различных лексико-семантических парадигм, слов разных лексико-грамматических классов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

I. Теоретические работы

1. Абрамов В. П. Теория ассоциативного поля URL: www.philol.msu.ru/~rlc2001/abstract/files/lex_fraz.doc (дата обращения 23.02.2018).
2. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурологический аспект когнитивной семантики. Русистика. 2002. Вып.2. С.16–22.
3. Алефиренко Н. Ф. Методологические проблемы современного языкознания. Современные проблемы науки о языке. М.: Флинта : Наука, 2009. С. 314–397.
4. Андрамонова Н. А., Усманова Л. А. Синтагматические постулаты Казанской лингвистической школы. Филология и культура. 2013. №1(31). С. 7–11.
5. Апресян Ю. Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М.: Наука, 1967. 256 с.
6. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. Апресян Ю. Д. Избранные труды, том I. Лексическая семантика. М.: Школа «Языки русской культуры», Издательская фирма «Восточная литература» РАН , 1995. VIII с., 472 с.
7. Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. Минск: Литература, 1998. 550 с.
8. Арнольд И. В. Метаязык и концептуальный аппарат компонентного анализа // Слово и предложение в структурно-семантическом аспекте. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та. 1985. С. 110–116.
9. Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1999. 444 с.
10. Аскарова А. Х. Семантические процессы в рамках лексико-семантического макрополя времени: автореф. дис... канд. филол. наук. Саратов, 1992. 20 с.

11. Ахмад И. М. Ассоциативно-семантические связи многозначных лексем // Межкультурная коммуникация: теория и практика. Лингвистические и культурологические традиции и инновации. Томск, 2014. С. 10–17.
12. Ахмад И. М. К вопросу об изучении ассоциативно связанных слов в лингвистике // Матеріали IV Міжнародної науково-практичної конференції «Іншомовна освіта у вищій технічній школі: методи, підходи, технології». К.: НТУУ «КПІ», 2014. С. 8–11.
13. Ахмад И. М. Актуализация темпоральных семантических признаков в рефлексемах названий частей суток // Наукові записки Ніжинського державного університету імені М. Гоголя. Серія «Філологічні науки». – Ніжин, 2015. №1. С. 12–17.
14. Ахмад И. М. Актуализация качественных семантических признаков в рефлексемах названий частей суток // Наукові записки Національного університету «Острозька академія». Серія «Філологічна». Острог, 2016. С. 24–26.
15. Ахмад И. М. Ассоциативно-семантические корреляции лексемы *утро* // Наукові праці Кам'янець-Подільського національного університету імені Івана Огієнка: Філологічні науки. 2017. № 44. С. 33–37.
16. Ахмад И. М. Качественно-предметные рефлексемы названий частей суток // Система і структура східнослов'янських мов. Вип. 12. К.: Вид-во НПУ імені М. П. Драгоманова, 2017. С. 106–115.
17. Ахмад И. М. Качественно-предметные рефлексемы слова *утро* // Світ мови – світ у мові: матеріали IV Міжнародної наукової конференції / За заг. ред. Ю. В. Кравцової. – К.: Вид-во НПУ імені М. П. Драгоманова, 2017. С. 11–13.
18. Ахмад И. М. Циклические темпорлексемы в их ассоциативно-семантических связях. Теоретичні й прикладні проблеми сучасної філології: збірник наукових праць [за заг. ред. проф. В. А. Глуценка]. Слов'янськ: Вид-во Б. І. Маторіна, 2018. Вип. 6. С. 112–118.

19. Ахмад И. М. Рефлексе́мы названий частей суток в их полиассоциативных связях // Материалы IV Международной научной конференции «Язык и литература в контексте межкультурной коммуникации» / Редколлегия Г. К. Хачатрян и др. Ванадзор: Ванадзорский госуниверситет, 2016. С. 40–46.
20. Ахмад И. М. Ассоциативно-семантические объединения слов: их специфика и сферы исследования. Духоўная спадчына Усходняга Палесся : зборнік навуковых артыкулаў / рэдкал.: А. М. Воінава (гал. рэд.) [і інш.]; М-ва адукацыі Рэспублікі Беларусь, Гомельскі дзярж. ун-т імя Ф. Скарыны. Гомель: ГДУ імя Ф. Скарыны, 2018. С. 153–157.
21. Ахманова О. С., Мельчук И. А., Глушко М. М. Основы компонентного анализа. М.: Изд-во МГУ, 1969. 34 с.
22. Ахмерова Л. Р. К вопросу о русской языковой картине времени Русская и сопоставительная филология: Лингвокультурологический аспект. Казань: Казан. гос. ун-т, 2004. 348 с.,
23. Бабенко И. И. Об ассоциативности как универсальном коммуникативном свойстве слова // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2004. Выпуск 1 (38). С. 25–28.
24. Бабурина М. А. Концепт «Муза» и его ассоциативное поле в русской поэзии Серебряного века : автореф. дис. ... канд. филол. наук. : спец. 10.02.01 «Русский язык». СПб, 1998. 20 с.
25. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М. : УРСС, 2001. 415 с.
26. Белецкий А. А. Лексикология и теория языкознания. К.: Изд-во Киевского ун-та, 1972. 209 с.
27. Белоусова А. С., Сафонова Ю. А. К вопросу о соотношении лексических множеств // Словарь. Грамматика. Текст. М., 1996. С. 180–185.

28. Бодуэн де Куртенэ И. А.. Избранные работы по общему языкознанию. М.: Издательство АН СССР, 1963. Т.1. 384 с.
29. Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. М.: Издательство АН СССР, 1963. Т. 2. 391 с.
30. Болотнова Н. С. Об изучении ассоциативно-смысловых полей слов в художественном тексте // Русистика: Лингвистическая парадигма конца XX века: Сб. статей в честь проф. С.Г. Ильенко. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1998. С. 242–247.
31. Болотнова Н. С. Филологический анализ текста: пособие для филологов: в 4-х ч. Ч. IV: Методы исследования. Томск, ТГПУ, 2003. 119 с.
32. Болотнова Н. С. Ассоциативное поле художественного текста как отражение поэтической картины мира автора // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2004. Вып. 1 (38). С. 20–25.
33. Болотнова Н. С. О методике изучения ассоциативного слоя художественного концепта в тексте // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2007. Выпуск 2 (65). . 74–79.
34. Бондарко А. В. Понятийные категории и языковые семантические функции в грамматике // Универсалии и типологические исследования / Отв. ред. В. Н. Ярцева. М.: Наука, 1974. С. 54–79.
35. Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 208 с.
36. Буряковская В. А. Признак этничности в семантике языка : На материале русского и английского языков : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2000. 209 с.
37. Буслаев Д. А. Компонентный анализ многозначных прилагательных при семантическом согласовании с существительными (изучение

- сочетаемости прилагательных). // Проблемы компонентного анализа. М., 1973. С. 10–12.
38. Вайсгербер Й. Л. Родной язык и формирование духа [Пер. с нем., вступ. ст. и коммент. О. А. Радченко]. М.: Едиториал УРСС, 2004. 232 с.
 39. Вардуль И. Ф. О семантике и ее месте в лингвистическом описании // Вопросы семантики. М., 1971. с. 38–42.
 40. Варламова В.В. Функционально-семантическое поле темпоральности в современном русском языке: Дис. . канд. филол. наук. Краснодар, 2005.
 41. Варшавская А. И. О семантической и синтаксических функциях слов, обозначающих время. // Вопросы структуры английского языка в синхронии и диахронии. Вып. 3. ЛГУ, 1973. С. 68–73.
 42. Васильев Л. М. Теория семантических полей // Вопросы языкознания. М.: Наука, 1971. №5. С. 105–113.
 43. Васильев Л. М. Современная лингвистическая семантика. М.: Высшая школа, 1990. 176 с.
 44. Васильев Л. М. Методы современной лингвистики. Уфа: Изд-во БГУ, 1997. 180 с.
 45. Ващенко В. С. Українська семасіологія. Типологія лексичних значень. Дніпропетровськ: ДДУ, 1981. 67 с.
 46. Ващенко В. С. Фрагменти з українського мовознавства: Пропедевтичний посібник молодого науковця. Дніпропетровськ: ДДУ, 1989. 80 с.
 47. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М.: «Русский язык». 1983. 269 с.
 48. Виноградов В. В. Пушкин и русский литературный язык XIX века // Пушкин – родоначальник новой русской литературы : сборник научно-исследовательских работ / АН СССР, Ин-т мировой лит.

- им. А. М. Горького ; под ред. Д. Д. Благого, В. Я. Кирпотина. М.; Л. : Изд-во Академии наук СССР 1941. С. 543–605.
49. Виноградов В. В. Лексикология и лексикография. М., 1977. 536 с.
 50. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. М.: Высшая школа, 1982. 528 с.
 51. Волянская И. В. Лексико-семантические особенности существительных, обозначающих единицы измерения времени в английском и русском языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: 1973. 24 с.
 52. Волянская И. В. Сочетаемость как показатель компонентов семантики слова // Вопросы романо-германской филологии. М., 1973. Вып. 74. С. 5–25.
 53. Всеволодова М. В. Временные конструкции современного польского языка (прямое время) // Исследования по польскому языку. М.: Наука, 1969. С. 134–174.
 54. Всеволодова М. В. Способы выражения временных отношений в современном русском языке. М.: Из-во Моск. ун-та, 1975. 281 с.
 55. Вундт В. Введение в психологию. М.: КомКнига, 2007. 168 с.
 56. Гак В. Г. К проблеме гносеологических аспектов семантики слова. // Вопросы описания лексико-семантической системы языка. М., 1971, с. 95–98.
 57. Гак В. Г. Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания. // Семантическая структура слова. М., 1971, с. 78–96.
 58. Гак В. Г. К проблеме семантической синтагматики. // Проблемы структурной лингвистики. М., 1972, с. 367–395.
 59. Герасимов В. И. История выражения временных отношений предложно-падежными и падежными формами: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1978. 21 с.

60. Голев Н. Д. Динамический аспект лексической мотивации. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1989. – 252 с.
61. Гольдин В. Е., Сдобнова А. П. Ассоциативный словарь как особый источник данных о внутренней семантической сети // Вопросы искусственного интеллекта. 2010. №2. С. 89–97.
62. Горбатенко О. А. Система и функционирование лексем русского языка со значением единиц измерения времени в свете учения о языковой картине мира: автореф. дис... канд. филол. наук. Таганрог, 2001. 20 с.
63. Городецкий Б. Ю. К проблеме семантической типологии. М.: Изд-во Московского ун-та, 1969. 564 с.
64. Горошко Е. И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента. URL: <http://www.textology.ru/razdel.aspx?id=38> (дата обращения 20.03.2018).
65. Гоцинець І. Асоціативність та образність у семантичній структурі слова. URL: http://nbuv.gov.ua/UJRN/rsev_2013_2013_12 (дата обращения 15.02.2018).
66. Гоцинець І. Поняття «асоціативно-семантичне поле» у різних галузях лінгвостилістики. URL: http://nbuv.gov.ua/UJRN/rsev_2016_2016_28 (дата обращения 15.02.2018).
67. Гудавичюс А. Использование метода компонентного анализа в исследовании семантической структуры слова. // Проблемы лексикологии. Минск, 1973. С. 20–29.
68. Денисова С. П. Типологія категорій лексичної семантики. К., 1996. 294 с.
69. Доценко Т. И. Экстрасигнальные ассоциативные связи как структурная основа коммуникативного и семантического пространства // Вопросы социо- и психолінгвістики. Вып. 7. Динамика языковых ситуаций. Пермь, 2005. С. 192–197.

70. Доценко Т. Н. Динамика представлений о словесной ассоциации в лингвистике XX века // Словесность и современность. 4.2. Лингвистика. Пермь, 2000. С. 9–15.
71. Живо В. М., Успенский В. А. Центр и периферия в свете языковых универсалий // Вопросы языкознания. 1973. №5. С. 24–35.
72. Залевская А. А. Психолингвистические проблемы семантики слова : [учебное пособие]. Калинин: Калининский гос. ун-т, 1982. 80 с.
73. Залевская А. А. Слово в лексиконе человека: Психолингвистические исследования. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1990. 208 с.
74. Залевская А. А. Психолингвистика: пути, итоги, перспективы // Вопросы языкознания. 1998. №6. С. 81–93.
75. Залевская А. А. Психолингвистический подход к анализу языковых явлений // Вопросы языкознания. 1999. №6. С. 31–42.
76. Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005. 544 с.
77. Звегинцев В. А. Семасиология. М.: Изд-во МГУ, 1957. 323 с.
78. Звездова Г. В. Русская именная темпоральность в историческом и функциональном аспектах: Автореф. дис. . д. филол. наук. Воронеж, 1996. 144 с.
79. Зевахина Т. С. Компонентный анализ как метод выявления семантической структуры слова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М.: МГУ. 1979. 29 с.
80. Золотова Н. О. К проблеме «ядра» лексикона человека // Психолингвистические исследования в области лексики и фонетики : [межвузовский тематический сборник / редкол.: А. А. Залевская (отв. ред.) и др.]. Калинин : Калининский гос. ун-т, 1981. С. 45–48.
81. Иванова Л. П. Методы лингвистических исследований. Киев: ИСПО, 1995. 138 с.

- 82.Ивашина Н. В. Семантическая микросистема обозначений времени в праславянском языке. Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Минск, 1978. 17 с.
83. Илюхина Н. А. Метафорический образ в семасиологической интерпретации. М.: Флинта, 2010. 320 с.
84. Ищук Д. Г. Лексико-семантическое поле как выражение концептуальной модели времени в языке: (На русско-славянском материале): Автореф. дис. . канд. филол. наук. СПб, 1995. 16 с.
- 85.Казарин Ю.В. Денотативное пространство русского глагола как объект лингвистического описания. Русский язык и русистика в современном культурном пространстве: тез. докл. и сообщ. международн. научн. конф., 13–16 окт. 1999 г., Екатеринбург, Россия; под ред. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. С. 110–112.
- 86.Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. М.: Наука. 1976. 354 с.
- 87.Караулов Ю. Н. Национальные образы сознания в ассоциативной структуре слова // Национальный менталитет и языковая личность: Межвуз. сб. науч. тр. Пермь, 2002. С. 3–17.
88. Караулов Ю. Н. Типы коммуникативного поведения носителя языка в ситуации лингвистического эксперимента // Этнокультурная специфика языкового сознания : [сборник статей / отв. ред. Н. В. Уфимцева]. М., 2003. С. 67–97.
- 89.Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 264 с.
90. Караулов Ю. Н., Коробова М. М. Индивидуальный ассоциативный словарь // Вопросы языкознания. 1993. № 5. С. 5–15.
- 91.Карпенко О. Ю. Спільне і відмінне в асоціативному осмисленні різних розрядів онімів // Записки з ономастики : зб. наук. праць / [ред. Ю. О. Карпенко]. Одеса: Астропринт, 2005. Вип. 9. С. 47–55.
- 92.Кацнельсон С. Д. Содержание слова, значение и обозначение. М.; Л.: Наука, 1965. 110 с.

93. Клименко А. П. Существительные со значением времени в современном русском языке: (Опыт психолингвистического описания одной семантической микросистемы): Автореф. дис. . канд. филол. наук. Минск, 1965. 19 с.
94. Клименко А. П. Третий тип словесных ассоциаций и виды семантической связи между словами в системе // Романское и германское языкознание. Вып. 5. Минск, 1975. С. 42–55.
95. Клименко Н. Ф., Пещак М. М., Савченко І. Ф. Формалізовані основи семантичної класифікації лексики. К.: Наукова думка, 1982. 250 с.
96. Кнорина Л. В. Грамматика. Семантика. Стилистика. М., 1996. 239 с.
97. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика: [учебное пособие]. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.
98. Ковина Н. Г. О структурной обусловленности синтаксических отношений в словосочетании. // Исследование по славянской филологии. М.: Изд-во МГУ, 1974, с. 147–151.
99. Кодильяк Э. Б. О языке и методе: пер. с фр. М.: Эдиториал УРСС, 2007. 269 с.
100. Кодухов В. И. Контекст как лингвистическое понятие. // Языковые единицы и контекст. / Под ред. проф. В. И. Кодухова. Л., 1973, с. 7–32.
101. Комлев Н. Г. Компоненты содержательной структуры слова. М.: КомКнига, 2006 . 192 с .
102. Конецкая В. П. Смысловые отношения в лексико-семантических группах. // Вопросы описания лексико-семантической системы языка. Часть I, М., 1971, с. 206–210.
103. Конецкая В. П. О системности лексики // Вопросы языкознания. 1984. №1. С.58–61.
104. Коротич К. В. Асоціативно-семантичне макрополе «безпека» / небезпека” в дискурсі української преси ХХ–ХХІ століть. Харків : Харківське історико-філологічне товариство, 2017. – 255 с.

105. Кочерган М. П. До питання зіставного вивчення семантичних асоціацій // Взаимодействие украинского и русского языков на территории Украины и актуальные проблемы их исследования и преподавания. Материалы докладов Первых Ганичевских чтений 13–14 октября 1993 г. Полтава, 1993. Том I. С. 160–162.
106. Кочерган М. П. Лексико-семантична система // Українська мова: Енциклопедія / голова редкол. В. М. Русанівський. К.: «Українська енциклопедія ім. М.П. Бажана», 2007. С. 282–284.
107. Кривченко Е. Л. Классификация предметного мира, отраженная в свойствах лексики. Саратов: ГосУНЦ «Колледж», 1998. 56 с.
108. Кронгауз М. А. Время как семантическая категория имени // Вопросы кибернетики. Семиотические исследования. Вып. 159. М., 1989. С. 4–18.
109. Кронгауз М. А. Структура времени и значение слов. // Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста. М.: Наука, 1990. С. 45–52.
110. Кронгауз М. А. Семантика. М.: Академия, 2005. 352 с.
111. Крушевский Н. В. Очерк науки о языке. М.: «Книга по Требованию», 2011. 173 с.
112. Крыга Т. И. Лексика с семантикой времени в разных лингвокультурах и ее отражение в ассоциативных словарях // Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск: Магнитогорский государственный технический университет имени Г. И. Носова, 2009. №24. С. 399–403.
113. Кубрякова Е. С. Парадигма // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. С. 366.
114. Кубрякова Е. С. Парадигматика // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. С.366–367.

115. Кузнецов А. М. О применении метода компонентного анализа в лексике. // Синхронно-сопоставительный анализ языков разных систем. М., 1971. с. 257–268.
116. Кузнецов А. М. Структурно-семантические параметры в лексике. М.: Наука, 1980. 160 с.
117. Кузнецов А. М. Поле // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. С.380–381.
118. Кузнецова А. И. Понятие семантической системы языка и методы его исследования. М.: Изд-во Московского ун-та, 1963. 58 с.
119. Кузнецова Э. В. Русская лексика как система. Свердловск: УрГУ, 1980. 89 с.
120. Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка. М.: Высшая школа, 1989. 216 с.
121. Кучер І. А. Принципи організації лексичних одиниць у польові моделі // Вісник Київського національного лінгвістичного університету. Сер. : Філологія. 2013. Т. 16, №1. С. 71–78.
122. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику [пер. с англ., ред. и предисл. В. А. Звегинцева]. М.: Прогресс, 1978. 544 с.
123. Левицкий В. В. Семасиология: монография для молодых исследователей. Винница: Нова книга, 2012. 680 с.
124. Левицкий В. В. Типы лексических микросистем и критерии их различия // Науч. докл. высш. школы. Филологические науки. 1989. №1. С. 14–18.
125. Леонтьев А. А. Психологическая структура значения // Семантическая структура слова. М.: Наука, 1971, с. 7–19.
126. Леонтьев А. А. Общие сведения об ассоциативных нормах // Словарь ассоциативных норм русского языка. М., 1977. С. 5–16.
127. Леонтьев А. А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М., 2014. 312 с.

128. Леонтьева Н. Н. Описание слов со значением времени // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 8, М., 1964, с. 33–49.
129. Лисицына Т. А. Формирование системы временных обозначений в русском литературном языке XII в.: Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1979. 249 с.
130. Лисиченко Л. А. Лексико-семантична структура української мови. Х.: ХДПУ, 1997. 131 с.
131. Лукашевич Е. В. Когнитивная семантика. Москва – Барнаул, 2002. 234 с.
132. Лурия А. Р. Язык и сознание. М.: Изд-во МГУ, 1998. 336 с.
133. Лысякова М. В. Гипонимия в русском языке (Теория. Анализ. Типы гипонимов). Автореферат... канд. филол. наук. М., 1986. 17 с.
134. Малаховский Л. В. Теория лексической и грамматической омонимии. Л.: Наука, Ленинград. отд., 1990. 239 с.
135. Маркус С. Логический аспект лингвистических оппозиций // Проблемы структурной лингвистики. М., 1963, с. 47–73.
136. Мартинович Г. А. Вербальные ассоциации и организация лексикона человека // Филологические науки. 1989. №3. С. 39–45.
137. Мартинович Г. А. Типы вербальных связей и отношений в ассоциативном поле // Вопросы психологии. 1990. № 2. С. 143–146.
138. Мартинович Г. А. Вербальные ассоциации в ассоциативном эксперименте. СПб, 1997. 72 с.
139. Мартинович Г. А. Текст и эксперимент: исследование коммуникативно-тематического поля русского языка: монография. СПб.: СПбГУП, 2008. 255 с.
140. Марфіна Ж. В. Асоціативно-образне поле назв спорідненості в мові поезії ХХ століття : дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.01 «Українська мова». К., 2004. 370 с.
141. Маслов Ю. С. Введение в языкознание. СПб: Филологический факультет СПбГУ. М.: Издательский центр «Академия», 2006. 304 с.

142. Мауро Т. де. Введение в семантику [Б. Наумов (пер. с ит.)]. М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. 234 с.
143. Медникова Э. М. Значение слова и методы его описания. М., 1974. 202 с.
144. Мельчук И. А. Русский язык в модели «Смысл – текст». М., 1995. 682 с.
145. Мусиенко В. П. Введение в психолингвистику: Учебное пособие для студентов филологических факультетов. К.: ИСИО, 1996. 120 с.
146. Недашківська Т. Є. Семантична конструкція асоціативного поля (на матеріалі асоціативного експерименту) // Психолінгвістика. №7. 2011. С. 126–134.
147. Никитевич В. М. Основы номинативной деривации. Минск: Вышэйшая школа. 1985. 157 с.
148. Никитин М. В. О предмете и понятиях комбинаторной семантики (взаимодействие лексических значений слов в словосочетаниях). // Проблемы лексической и грамматической семасиологии. Владимир, 1974, с. 35–83.
149. Никитин М. В. Основы лингвистической теории значения. М.: Высшая школа, 1988. 168 с.
150. Никитин М. В. Курс лингвистической семантики. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2007. 819 с.
151. Новиков Л. А. Семантика русского языка // Новиков Л. А. Избранные труды. Том I. Проблемы языкового значения. М.: Изд-во РУДН. 2001. 672 с.
152. Новикова Н. С. Ассоциативный эксперимент как метод изучения семантических отношений в лексике // Вопросы семантики. – Калининград: Изд-во КГУ, 1983. С. 8–13.
153. Новикова Н. С. Тематическая группа как семантический компонент текста // Русский язык в национальной школе. 1985. №5. С.8–13.

154. Овчинникова И. Г. Текстобразующая роль вербальных ассоциативных структур. Автореферат дисс... канд. филол. наук. Л., 1986. 36 с.
155. Овчинникова И. Г., Штерн А. С. Ассоциативная сила русского слова // Психолингвистические проблемы фонетики и лексики. Калинин: Калинин, гос. ун-т, 1989. С. 110–117.
156. Овчинникова И. Г. Ассоциация и высказывание: структура и семантика. Пермь: Изд-во ПГУ, 1994. 398 с.
157. Овчинникова И. Г. Ассоциативный механизм в речемыслительной деятельности: автореф. дис. . д-ра филол. наук. СПб, 2002. 30 с.
158. Плужникова Т. И. Ассоциативно-тематические группы как элемент языковой картины мира // Национально-культурный компонент в тексте и языке: Материалы II Междунар. науч. конф. 7–9 апр. 1999 г., Минск: в 3 ч. Ч.1 / Отв ред. М. Прохорова. Минск: БГУ, 1999. С. 165–166.
159. Покровский М. М. Избранные работы по языкознанию. М., 1959. 381 с.
160. Полевые структуры в системе языка / Под. ред. З. Д. Поповой. Воронеж : Изд-во Воронежского ун-та, 1989. 198 с.
161. Попова З. Д. Семантическая общность национальных языковых систем. Воронеж, 1986. 184 с.
162. Попова З. Д. Полевые структуры в системе языка. Воронеж, 1989. 122 с.
163. Попова З. Д., Стернин И. А. Лексическая система языка: Внутренняя организация, категориальный аппарат и приемы описания. М.: УРСС, 2014. 176 с.
164. Попова Н. П. Ассоциативно-семантическое поле «немец» в русском языке: Дисс. . канд. филол. наук. СПб., 2008. 233 с.

165. Попова Н. С. Прототипические образы частей суток в поэзии пушкинской поры // Вестник Московского государственного областного университета, Серия «Лингвистика» №4 2008. С. 46–51
166. Попова Н. С. Прототипические образы частей суток в русской поэзии второй половины XIX века // Вестник Московского государственного областного университета, Серия «Лингвистика» №4 2008. С. 39–46
167. Потаенко Н. А. Категория времени и ее выражение в лексико-семантической системе языка: Автореф. дис. . канд. филол. наук. М., 1981. 25 с.
168. Потебня А. А. Мысль и язык. М.: Лабиринт. 1999. 300 с.
169. Пьянкова Т. В. Лексическое представление ассоциативно-семантического поля «Семья» в современной женской прозе (на материале произведений Л. Улицкой и Л. Петрушевской): Автореф. дисс. . канд. филол. наук. СПб., 2012. 21 с.
170. Рогожникова Т. М. Ассоциативная структура значения слова и процесс понимания текста // Психолингвистические проблемы семантики / Сб. науч. трудов. А. А. Залевская (отв.ред.). Калининский гос.ун-т, Тверь. 1990. С. 96–100.
171. Рогожникова Т. М. Взаимосвязь ассоциативного мира слова и текста // Проблемы семантики: психолингвистические исследования. Тверь: Твер. гос. ун-т. 1991. С. 45–53.
172. Рогожникова Т. М. Анализ материалов экспериментов по изучению контекстного и внеконтекстного окружения слова // Психолингвистические исследования: слово и текст. Тверь: Тверск. гос. унт, 1995. С. 73–79.
173. Рогожникова Т. М. Ассоциативные проекции слова и текста // XII международный симпозиум по психолингвистик и теории коммуникации «Языковое сознание и образ мира» М.: Институт языкознания РАН, 1997. С. 133–134.

174. Рогожникова Т. М. Психолингвистическое исследование функционирования многозначного слова: Монография. Уфа: Уфимск. гос. авиц. техн. ун-т, 2000. 242 с.
175. Рогожникова Т. М. Стратегии ассоциирования и соматические корни семантики // Слово и текст: психолингвистический подход. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2004. Вып. 3. С. 102–111.
176. Рогожникова Т. М. Психолингвистическое моделирование семантики // Слово и текст: психолингвистический подход: Сб. науч. тр. / Под общ. ред. А. А. Залевской. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2005. Вып. 4. С. 106–128.
177. Рожков В. В. Метафорическая художественная картина мира А. и Б. Стругацких (на материале романа «Трудно быть богом»). Дис. ... канд. филол. наук. : спец. 10.02.01 «Русский язык». Новосибирск, 2007. 228 с.
178. Рубинштейн Г. А. Асимметрия синтаксических свойств русских названий частей суток. URL: https://slaviccenters.duke.edu/sites/slaviccenters.duke.edu/files/media_items_files/rubinstein.original.pdf (дата обращения 14.02.2018)
179. Рудяков А. Н. Компонентный анализ и семантика лингвистических групп // Исследования по семантике. Симферополь: СГУ, 1987. С. 10–17.
180. Сахарный Л. В. Введение в психолингвистику. Л., 1989. 184 с.
181. Селіванова О.О. Сучасна лінгвістика : напрями та проблеми. К, 2008. 712 с.
182. Селиверстова О. Н. Компонентный анализ многозначных слов. М.: Наука, 1975. 240 с.
183. Сентенберг И. В. Семантика единиц и семантика отношений в лексико-семантической группе. // Вопросы описания лексико-семантической системы языка. Часть 2. М., 1972, с. 129–132.

184. Сергеева Е. В. Религиозно-философский дискурс В. С. Соловьева: лексический аспект. Монография. М.: Директ-Медиа, 2013. 169 с.
185. Сидельников В. П. К истории исследования системных отношений в лексике // Вісник Харківського університету. №310. Дослідження з класичної і радянської літератури, лінгвостилістики та граматичної структури української та російської мов. Харків: Вища школа. 1986. С.70–73.
186. Силин В. Л. Структура и семантика слов. Днепропетровск, 1989. 67 с.
187. Ситникова Е. В. Внутренний лексикон человека в свете Современных антропоцентрических теорий // Вісник ЛНУ імені Тараса Шевченка. 2013. № 9 (268), Ч. II. С. 81–90.
188. Скаличка В. Асимметрический дуализм языковых единиц // Пражский лингвистический кружок. М., 1967. С. 119–127.
189. Слесарева И. П. Проблемы описания и преподавания русской лексики. М., 1990. 174 с.
190. Слива Т. В. Ассоциативно-семантическая группа: к вопросу о выделении парадигмы // Мир русского слова и русское слово в мире / Материалы XI Конгресса МАПРЯЛ, Варна, 17–23 сентября 2007 года. Т.1. Новое в системно-структурном описании современного русского языка. Речевая деятельность: современные аспекты исследования. – HERON PRESS. SOFIA, 2007.
191. Слива Т. В. Ассоциативно-семантическая группа как форма парадигматической организации лексики (на материале названий сезонов в русском языке). К.: Изд-во НПУ имени М. П. Драгоманова, 2011. 272 с.
192. Слива Т.В. Позиционные отношения членов АСГ «ночь» // Система і структура східнослов'янських мов : зб. наук. праць. Вип. 6. К.: Вид-во НПУ ім. М. П. Драгоманова, 2012. С. 170–176.

193. Слива Т. В. Ассоциативно-семантическая группа: к вопросу о дефиниции парадигмы. Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. № 3.2. 2016. С. 101–107.
194. Слобин Д., Грин Дж. Психолингвистика. [Перевод с английского Е. И. Негневицкой] / Под ред. А. А. Леонтьева. М.: Прогресс, 1976. 336 с.
195. Смирницкий А. И. К вопросу о слове: Проблема тождества слова. Труды института языкознания. Т. 4. М.: ИЯ, 1954. С. 8–101.
196. Соколовская Ж. П. «Картина мира» в значениях слов. Симферополь: Таврия, 1993. 232 с.
197. Соколовская Ж. П. Проблемы системного описания лексической семантики. К.: Наукова думка, 1990. 184 с.
198. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1999. 426 с.
199. Старинец В. С. Агабабян К. Г., Г. И. Недялкова. Экспериментальные исследования семантической организации ассоциативных сетей // Моделирование в биологии и медицине : [сборник статей / ред. коллегия: Н. М. Амосов (отв. ред) и др.]. К.: Наукова думка, 1968. – С. 6 – 13.
200. Старинец В. С., Агабабян К. Г., Г. И. Недялкова. Экспериментальное исследование структуры ассоциативных связей // Моделирование в биологии и медицине : [сборник статей / ред. коллегия: Н. М. Амосов (отв. ред) и др.]. К.: Наукова думка, 1968. С. 14 – 20.
201. Степанов Ю. С. Семантика // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. С. 438–440.
202. Степанов Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики. М.: ЛКИ, 2007. 312 с.
203. Степанова В.В. Слово в тексте. Из лекций по функциональной лексикологии. СПб.: Наука, САГА, 2006. 272 с.

204. Степин В. С., Голдберг Ф. И. Методы научного познания. Гуманитарная энциклопедия [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий, 2002–2018. URL: <http://gtmarket.ru/concepts/6874> (дата обращения 17.06.2018).
205. Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1985. 170 с.
206. Стернин И. А. Лексикологический и психолингвистический анализ семантики слова // Лексикология и фразеология: новый взгляд. М.: МГЗПИ, 1990. С. 120–123.
207. Тараненко О. О. Полісемічний паралелізм і явище семантичної аналогії. К.: Наукова думка, 1980. 114 с.
208. Терехова Д. І. Особливості сприйняття лексичної семантики слів. К.: КДЛУ, 2000. 244 с.
209. Терехова Д.І. «Асоціативний гештальт» як інструмент структурування асоціативного поля // Проблеми зіставної семантики. Зб. наук. статей. Вип. 7. / Відп. ред. Кочерган М.П. К.: Вид. Центр КНЛУ, 2005. С. 31–35.
210. Толстая С. М. Аксиология времени в славянской народной культуре // История и культура: тезисы. М., 1991. С. 62–66.
211. Толстой Н. И. Избранные труды. Том I. Славянская лексикология и семасиология. М.: Языки русской культуры. 1997. 519 с.
212. Толчеєва Т. С. Асоціативна семантика сигніфікативних артефактів-міфонімів англійської мови // Науковий часопис НПУ імені М. П. Драгоманова. Серія 9. Сучасні тенденції розвитку мов. К., 2007. С. 271–278.
213. Уфимцева А. А. О типологическом изучении лексики // Структурно-типологическое описание современных германских языков. М.: Наука, 1966, с. 218–234.
214. Уфимцева А. А. Слово в лексико-семантической системе языка. М.: Наука, 1968. 272 с.

215. Уфимцева А. А. Типы словесных знаков. М.: Наука, 1974. 204 с.
216. Уфимцева А. А. Семантика слова // Аспекты семантических исследований. М.: Наука, 1980. С. 5–80.
217. Уфимцева А. А. Лексическое значение. Принципы семасиологического описания лексики. М.: Наука, 1986. 240 с.
218. Уфимцева А. А. Роль лексики в познании человеком действительности и в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке : язык и картина мира : [коллективная монография]. М.: Наука, 1988. С. 108–140.
219. Уфимцева Н.В. Предисловие // Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова, Ю. Н. Караулов, Е. Ф. Тарасов. М., 2004. С. 3–9.
220. Филин Ф. П. О лексико-семантических группах слов // Очерки по теории языкознания. М.: Наука, 1982. С. 229–239.
221. Фрумкина Р. М. Цвет, смысл, сходство: Аспекты психолингвистического анализа. М., 1984. 175 с.
222. Фрумкина Р. М. Психолингвистика. М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 320 с.
223. Цветков Н. В. К методологии компонентного анализа (в лексической семантике) // Вопросы языкознания. 1984. №2. С. 61–71.
224. Цыганова В. Н. Синонимический ряд // Очерки по синонимике современного русского литературного языка / Отв. ред. А. П. Евгеньева. – М. – Л., 1966. С. 167–184.
225. Чесноков П. В. Слово и соответствующая ему единица мышления. М., 1967. 192 с.
226. Чурилина Л. Н. Лексическая структура текста как ключ к реконструкции индивидуальной картины мира // Изменяющийся языковой мир : материалы междунар. науч. конф. Пермь, 2001. С. 103–105.

227. Шадурский И. В. Тематическое изучение лексики // Методы изучения лексики. Минск, 1975. С. 24–28.
228. Шахнарович А. М., Юрьева Н. М. Психолингвистический анализ семантики и грамматики. М., 1990. 168 с.
229. Шеина И. М. Лексико-семантическое поле как универсальный способ организации языкового опыта // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: «Русская филология». М. : МГОУ, 2010. № 2. С. 69–72.
230. Шмелев А. Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. М.: Языки славянской культуры, 2002. 224 с.
231. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М.: Наука, 1973. 278 с.
232. Шмелев Д. Н. Избранные труды по русскому языку. М.: Языки славянской культуры, 2002. 888 с.
233. Шмелькова В. В. Значение ассоциативных образов в художественном произведении (к вопросу об интерпретации текста) // Вестник МГУ. Сер.19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2000. №4. С. 95–100.
234. Шубин Э. П., Троицкая Н. Б. Дефиниционно-ассоциативная теория внутренней структуры языка. Калинин, 1971. 76 с.
235. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. 304 с.
236. Щур Г. С. Теории поля в лингвистике. М., 1976. 256 с.
237. Юрина Е. А. Лексическая структура ассоциативно-образного семантического поля // Вестник Томского государственного университета, 2003. №277. С. 198–204.
238. Якобсон Р. Два аспекта языка и два типа афатических нарушений // Теория метафоры. М., 1990. С. 110–132.
239. Якобсон Р. Значение Крушевского в развитии науки о языке // Избранные работы по лингвистике / Сост. и общ. ред.

- В. А. Звегинцева; Пер. с англ., нем., фр. – Благовещенск: БГК им. И.А.Бодуэна де Куртенэ, 1998. С. 331–348.
240. Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М.: Гнозис, 1994. 343 с.
241. Яременко Т. Г. Русский глагол с эксплицированным компонентом времени: деривационная история и перспектива : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02. К., 2008. 264 л.
242. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language. Cambridge : Cambridge University Press, 1995. 489 p.
243. Robbins R. H. A Short History of Linguistics. L. : Addison Wesley Longman, 1979. 248 p.
244. Trier J. Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes. Von den Anfängen bis zum Beginn des 13. Jahrhunderts. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1974. 347 S.
245. Wundt W.M. Völkerpsychologie. Eine Untersuchung der Entwicklungsgesetze von Sprache, Mythos und Sitte, 10 volumes, Leipzig: Kröner. 3rd edition, 1904; 3rd edition, 1911–1920.

II. Словари и справочные издания

246. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: «Советская энциклопедия», 1969. 607 с.
247. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб: Норинт, 2003. 1536 с.
248. Бутенко Н. П. Словарь ассоциативных норм украинского языка. Львов: Высшая школа: Изд-во при Львовском ун-те, 1979. 120 с.
249. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М.: Русский язык, 1981.
250. Добровольский Д. О., Караулов Ю. Н. Ассоциативный фразеологический словарь русского языка. М.: «Помовский и партнеры», 1994. 116 с.

251. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Рус.яз., 2001. Т.1. А–О. 1232 с.
252. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Рус.яз., 2001. Т.2. П–Я. 1088 с.
253. Ефремова Т. Ф. Толковый словарь служебных частей речи русского языка. М.: Рус. яз. 2001. 863 с.
254. Жербило Т. В. Термины и понятия лингвистики : Лексика. Лексикология. Фразеология. Лексикография : [словарь-справочник] Назрань: Пилигрим, 2011. 128 с.
255. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов и понятий. Назрань: Пилигрим, 2016. 610 с.
256. Жеребило Т. В. Термины и понятия: Методы исследования и анализа текста: Словарь-справочник. Назрань: ООО «Пилигрим», 2011. 108 с.
257. Краткий понятийно-терминологический справочник по этимологии и исторической лексикологии / Ж. Ж. Варбот, А. Ф. Журавлев. М.: РАН, Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН, 1998. 54 с.
258. Ляшевская О. Н., Шаров С. А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009. 1090 с.
259. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Третий выпуск. / Под общим руководством акад. Ю. Д. Апресяна. М.: Языки славянской культуры, 2003. 624 с.
260. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Токовый словарь русского языка. РАН, Ин-т рус. яз. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
261. Психологический словарь / Под. общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярославского. М.: Политиздат, 1990. 424 с.
262. Психологічний словник / За ред. В. І. Войтка. К.: Вища школа, 1982. 516 с.

263. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. / Под ред. Ю. Н. Караулова. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002.
264. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Н. Ю. Шведова (общ. ред.) М., 1998.
265. Семенов А. В. Этимологический словарь русского языка. М.: ЮНВЕС, 2003. 704 с.
266. Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова, Ю. Н. Караулов, Е. Ф. Тарасов. М., 2004. 800 с.
267. Словарь ассоциативных норм русского языка / Под ред. А. А. Леонтьева. М.: Изд-во Московского ун-та, 1977. 192 с.
268. Словарь ассоциативных норм русского языка. М., 1977. 190 с.
269. Словарь русского языка XI–XVII вв. / АН СССР, Ин-т рус. яз. М.: Наука, 1975–1987. Вып.1–13.
270. Словарь русского языка. В 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. / Под. ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд. испр. и доп. М.: Русский язык, 1981.
271. Словарь современного русского языка. В 17 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. М.–ЛО.: 1948–1965.
272. Словник української мови. В 11 т. / АН УРСР, Ін-т мовознавства ім. О. Потебні. К.: Наукова думка, 1970–1980.
273. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М.: Альта-Принт, Дом. XXI век. 2009. 1248 с.
274. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. М.: АСТ, Астрель, 2004.
275. Философский энциклопедический словарь. М: Советская энциклопедия, 1983. 840 с.
276. Частотный словарь русского языка / Под ред. Л. Н. Засориной. – М., 1977. 936 с.

277. Черкасова Г. А. Русский сопоставительный ассоциативный словарь. М.: ИЯз РАН, 2008. 320 с.
278. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2-х томах. М.: Русский язык, 1994.
279. Шагалова Е. Н. Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века: ок. 1500 слов. М.: АСТ : Астрель. 2012. 766 с.
280. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. 688 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Семантическая структура кауземы *утро*

	Первичные семантические признаки	Метод вычленения компонентов значения			Вторичные семантические признаки	Метод вычленения компонентов значения	
		Дефиниционный	Дистрибутивный	Путем ремотивации производными словами		Дефиниционный	Дистрибутивный
Темпоральные	Отрезок времени	‘часть суток’			‘временной период’ ‘период жизни’	‘начало’	
	Следование во времени	‘после ночи’ ‘перед днем’ ‘восход солнца’ ‘рассвет’					
	Цикличность	‘начало дня’					
Квалитативно-темпоральные	‘температурный режим’		‘тепло’	‘тепла меньше, чем днем’ ‘тепла больше, чем ночью’			
	‘степень освещенности’		‘свет’	‘более светлое, чем ночь, время суток’, ‘света меньше, чем днем’,			
Квалитативно-предметные	‘состояние человека’			‘начало физиологической и социальной активности человека’			
	‘состояние природы’		‘пробуждение, начало активности’				

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

АССОЦИАТЫ СЛОВА *УТРО*

А.1. Данные ненаправленного ассоциативного эксперимента

Вечер 123, доброе 97, заря 54, восход 27, ночь 25, завтрак, солнце 22, день, зарядка 20, солнечное, кофе 17, пробки, будильник 16, лето, лучи, начало, рассвет, холод 15, раннее 14, петух, школа 10, душ, заморозок, кровать, подъём 9, пробежка, ванна, работа 8, вставать, еда, постель, университет 7, похмелье, подушка, прохлада 6, рано, роса, чай 4, бег, деревня, каша, макияж, позднее, туман, умываться, утренник 3, автобус, дела, зубы, одеяло, птички, сутки 2, аэродром, бодрое, бодрость, будить, бутерброд, ванная, вода, воздух, время, встать, дождь, дорога, дятел, жаворонок, жара, завтра, закат, занавеска, Зевс, идти, кофеин, кофейня, кровь, кукареканье, лень, летнее, любовь, море, моцион, мыться, настроение, небо, нега, нежность, новый, облака, одежда, окно, паста, пение, плохое, полдень, понедельник, порошок, постелька, пробуждение, проснуться, птицы, радостное, радость, рань, рассол, садик, свежесть, свет, светло, светлое, сок, солнышко, сон, сонное, сонный, сортир, спать, суббота, суток, сюрприз, темно, тепло, труд, трусца, туалет, туманное, улыбка, умывание, умыться, уроки, усталость, утрата, утренний, утречко, учёба, фонари, хорошее, часы, человек, чистить, шампанское, щётка, яичница, ясное, ясность 1.

А.2. Данные «Словаря ассоциативных норм русского языка» под редакцией А. А. Леонтьева

Вечер 170; раннее 111; рано 24; вечера 19; солнце 18; солнечное 15; вставать 14; весеннее, доброе 12; рассвет, туманное 10; морозное, ночь, хорошее 8; свежее 6; будильник, майское, сон, ясное 5; воскресенье, день, мудренее, пасмурное, теплое 4; завтрак, заря, красит, подъем, светло, тихое, хмурое 3; вечером, восход, грустный, дня, зарядка, красивое, наступать, начало, поздно, понедельник, приятно гулять, свежесть, свежо, свет, солнышко, холодное, хочется спать, часы 2; больница, веселье, весна, вещь,

всегда мудренее, встает солнце, голубое, деньги, днем, дом, желтое солнце, жизни, забота, звонок, звонок будильника, институт, как не хочется вставать, каторга, кашлять, лень, лето, на вечер, на рассвете, наступает, начало дня, неохота вставать, неприятное, нового дня, охота, плохо, погожее, позднее, пора в институт, поспать бы!, прекрасное, придет Зоя, пробуждение, прогулка, проспала, прохладное, птица, радостное, ранний, ранним, рано вставать, розовое, роса, рыболовы, седое, смена, снег, спать, спать охота, спешка, стул, темно, тепло, туман, Тургенев, тяжело вставать, уже, умываться, утро, утро вечера мудренее, утром, учеба, халат, холод, холодно, чудесное, ясно 1.

А.3. Данные РАС

Раннее 97; туманное 72; вечер 46; хмурое 24; солнце 14; весеннее, ясное 12; свежее 11; рассвет, солнечное 10; холодное 8; доброе, заря, ночь, светлое 7; день, прекрасное, роса 6; рано, туман 5; в лесу, вечера мудренее 4; восход, вставать, морозное, надежды, настало, радость, свежесть, сон, спать, стрелецкой казни, хорошее 3; веселое, наступило, начало, небо, нового дня, планеты, помещика, похмелье, радостное, розовый, свет, серое, теплое, тихое, холод, человека, яркое 2; беды, безоблачное, бодрость, в бору, в постель, в сосновом бору, в сосновом лесу, в степи, вбегать, века, весна, вечером, восхищение, восход солнца, восходящее, восьмой класс, головная боль, грез, доброй, дождливое, дурацкое, жизни, завтрак, завтрашнего дня, зима, зимнее, изумрудное, казни, комната, конец сна, красит, красное, кровать, лень, лес, май, майское, минута, мягкое и доброе, на террасе, надежда, настроение, началось, начинается, нежное, неизбежно, ненастное, облом, ожидание, окно, опять, отлично, пасмурно, пасмурное, плохое, подъем, покой, полночь, понедельник, после ночи, прекрасно, природа, пришло, прохлада, прохладная, прохладное, прохлады, рабочее, раннее-раннее, ранние, рано вставать, светает, светлая, свечи, следующего дня, солнышко, сутки, темное, тишина, тоска, трудного дня, туманная, тучи,

ужасное, уже, холодная, холодно, холодно и спать хочется, хорошо, черное, этого дня, ясно 1.

А.4. Данные САС

Вечер 90; раннее, туманное 44; рассвет 36; солнце 31; день 18; доброе 15; солнечное 14; ночь, рано 12; ясное 11; заря 9; вставать, светлое 8; свежесть, свет, світло 7; восход, начало, похмелье 6; весеннее, завтрак, кофе, прекрасное, спать 5; будильник, вечера мудренее, зимнее, наступило, подъем, туман 4; птицы, радость, сон, теплое, холодное 3; боль, веселое, весна, жизнь, лень, мороз, морозное, начало дня, плохо, прекрасно, пришло, роса, свежее, стрелецкой казни, холодно, хорошее 2; -22°C, бодрость, бодун, в похмелье, вечера, вода, восход солнца, восходит, время суток, вставать неохота, вставить, вялость, глаз, головная боль, дело, день и вечер, добро, добрым не бывает, дождливое, дождь, дорога, душ, желание, жизни, занятие, зарядка, звезда, и вечер, институт, каждое, конец сна, красиво, красит, красное, кровать, лень вставать, летнее, луч солнца в окне, любовь, милое, музыка, на Колыме, начало лучшего, начинается, не люблю, небо, недоброе, ненависть, ненастное, неохота вставать, новизна, новой жизни, новый день, облако, окно, опять, отход ото сна, отходняк, пение птиц, петухи, погожее, Полины, постель, просвет, проснуться, просыпается, просыпаться, прохлада, ранний, рано вставать, рань, рассвет летом, рассвет солнца, рассвет, солнце, розовое, чистое, розовый, рыба, рыбалка, с бодуна, с похмелья, свистеть, синий, славное, сонце, весна, солнышко, сонливость, спать охота, спать хочу, сумерки, счастье, сырое, сырость, туго, туманно, Тургенев, тяжелое, хмурая, хочу спать, чай, чашка кофе 1.

ПРИЛОЖЕНИЕ В

Семантическая структура кауземы *день*

	Первичные семантические признаки	Метод вычленения компонентов значения			Вторичные семантические признаки	Метод вычленения компонентов значения	
		Дефиниционный	Дистрибутивный	Путем ремотивации производными словами		Дефиниционный	Дистрибутивный
Темпоральные	Отрезок времени	‘часть суток’					
	Следование во времени	‘после утра’ ‘перед вечером’					
	Цикличность	‘от восхода’ ‘до заката’					
Квалитативно-темпоральные	‘температурный режим’		‘тепло’	‘самая теплая часть суток’			
	‘степень освещенности’		‘свет’ ‘солнце’	‘самая светлая часть суток’			
Квалитативно-предметные	‘состояние человека’			‘время работы’			
	‘состояние природы’		‘максимальная активность’				

ПРИЛОЖЕНИЕ Г АССОЦИАТЫ СЛОВА *ДЕНЬ*

Б.1. Данные ненаправленного ассоциативного эксперимента

Ночь 231, сутки 121, вечер 34, восход 33, утро 29, закат 26, выходной 25, полдень 24, обед, рабочий, рассвет 13, длинный, рождения, тепло 12, жаркий, свет, солнце, учеба 11, блеск, деятельность, Победы, работа 10, жара, недели 9, год, дата, заря, полдник, уроки 4, зной, лучи, яркий, хороший 3, воскресенье, всемирный, добрый, дождливый, женский, завтра, календарь, лёгкий, лето, луч, пень, сегодня, труд, школа 2, апрель, безоблачно, будни, важный, Валентин, век, ветер, время, вторник, вчера, гулять, дела, денёк, десятилетие, дети, дневной, днюха, дождь, дом, другой, друзья, еда, единственный, жизнь, застолье, затмение, звёзды, земля, зима, игра, именинник, именины, июль, клёвый, кофе, лень, лес, луна, лучший, люди, малый, мероприятие, месяц, минута, минутка, море, небо, независимость, необычный, нетрудный, новый, ночной, ноябрь, облака, однообразный, оригинальный, подарок, осенний, особенный, отдых, открытка, очередной, плохой, победа, погода, подарок, пожелание, поздравление, понедельник, последний, праздник, презент, приветствие, приглашение, прогулка, птицы, пятница, радостный, радость, разгар, распорядок, рыбный, светить, светло, светлый, секунда, серый, сложный, смена, снег, событие, события, солнечный, солнышко, сон, среда, суббота, сурка, счастье, сюрприз, тёмный, тень, тёплый, торжество, торт, тост, третий, тучи, ужасный, ужин, утро, февраль, фейерверк, холодный, цикл, час, часы, человек, четверг, число, чудесное, чудный, юбилей, яркость, ясно 1.

Б.2. Данные «Словаря ассоциативных норм русского языка» под редакцией А. А. Леонтьева

Ночь 80; короткий 20; ясный 15; длинный, светлый 10; светло, солнечный 9; тёплый, хороший 5; работа, свет 4; дождливый, жаркий,

солнце, сутки, чудесный 3; вечер, день, наступает, пасмурный, прекрасный, трудный, яркий 2; большой, веселый, весенний, выходной, год, дело, деньги, деньской, добрый, долгий, дрянной, жизнь, за днем, каждый, мир, много, мрачно, надежда, настоящий, неудачный, новый, осенний, отличный, отпуск, погожий, поздно, полдень, понедельник, прошел, рождения, серость, скучный, счастливый, счастья, туман, тьма, удачный, утро, час, черный, число, чудо 1.

Б.3. Данные РАС

Ночь 15; рождения 11; солнечный, солнце 5; свет 4; прошел, светлый, тяжелый 3; длинный, долгий, пасмурный, трудный 2; 24 часа, безоблачный, везучий, встречи, деньской, дурной, единственный, жара, за днем, закончился, кончился, круг, наступил, начался, начинается, недели, новый, ожидание, пень, плохой, прекрасен, прекрасный, приходить, пролетел, противный, пятница, работа, радостный, светло, светлое время суток, сегодня, сменяется ночью, солнце светило, стадо, счастливый, тень, теплый, тот же, тундра, удачный, хмурое утро, хорош, хороший, черный, ярк 1.

Б.4. Данные САС

Ночь 175; солнце 37; солнечный 31; свет 26; рождения, светлый 21; ясный 17; светло 10; новый 8; длинный, утро 7; вечер, день-деньской, прошел, учеба, хороший 6; и ночь 5; весенний, жизнь, короткий, пасмурный, прекрасный, работа 4; белый, за днем, рожденья, суета, теплый, уроки 3; 24 часа, будни, вчерашний, дождливый, лень, независимости, обед, плохой, Победы, радостный, среда, суматоха, тень, хреновый, часть суток, четверг, чудесный 2; 12 часов, 30 км, 8 мая, благо, будет еще один, в полдень, весело, веселье, возмездия, возможность, время, время от утра до вечера, время суток, вторник, выпуска, выходной, гулять, декабря, делать дело, денница, день, деятельность, добрый, долгий, душно, жара, жаркий, жить, заканчивается, закончен, закончился, зима,

зимний, и вечер, и ночью, идет, иначе, институт, каждый, как день, календаря, карась, красивый, летний, любовь, на плетень, надежда, настает, настал, начало, начало жизни, начинается, не мой, не ночь, не удачный, неблагоприятный, недели, неделя, ненастный, Новый год, ночь, день, ночь, опять все сначала, открытость, палящее солнце, плохо, погода, погожий, подъем, полдень, понедельник, поход, приятно, приятное настроение, прожит, прожитый, прожить, просыпаться, птичка, пустой, пятница, работа, дело, работать, радость, рассвет, светит, свидания, Святого Валентина, сегодняшний, скандал, скука, скучный, смерти, сон, спать, стал длинней, сутки, счастливый, такой хороший, труд, туманный, тяжелый, удачный, улица, хорош, час, часть жизни, честный, чудный, школа, шпалы 1.

ПРИЛОЖЕНИЕ Д

Семантическая структура кауземы *вечер*

	Первичные семантические признаки	Метод вычленения компонентов значения			Вторичные семантические признаки	Метод вычленения компонентов значения	
		Дефиниционный	Дистрибутивный	Путем ремотивации производными словами		Дефиниционный	Дистрибутивный
Темпоральные	Отрезок времени	‘часть суток’			‘временной период’ ‘период жизни’		‘завершающий этап’
	Следование во времени	‘после дня’ ‘перед ночью’ ‘заход солнца’ ‘закат’					
	Цикличность	‘конец дня’					
Квалитативно-темпоральные	‘температурный режим’		‘прохлада’	‘тепла меньше, чем днем’ ‘тепла больше, чем ночью’			
	‘степень освещенности’		‘темнота’ ‘полумрак’	‘более светлое, чем ночь, время суток’, ‘света меньше, чем днем’,			
Квалитативно-предметные	‘состояние человека’			‘праздность’ ‘легкая физическая работа’			
	‘состояние природы’		‘снижение активности’				

ПРИЛОЖЕНИЕ Е

АССОЦИАТЫ СЛОВА *ВЕЧЕР*

В.1. Данные ненаправленного ассоциативного эксперимента

Ночь 235, закат 196, утро 164, темный 141, ужин 137, добрый 74, полутьма 61, день 60, дискотека 55, полумрак 49, луна 47, отдых, темнота 35, мрак, сон 33, звезды 32, сумерки, прохлада 31, вечеринка, темнеет 23, день, месяц, потемки 22, тишина, фонарь 20, холод 18, бал, сумрак 14, встреча, камин, одеяло, тьма 10, заря, кровать, лампа, свидание, темень, чтение 9, гости, огни, свежесть, свечи, сутки, телевизор, чудесный 7, вино, кино, мгла, небо, постель, роса, светильник, сериал, сова, солнце, тусовка 4, диван, клуб 3, заход, звездопад, кабак, классный, книга, комары, костёр, кресло, летний, плед, подсвечник, подушка, поздно, пробки, сверчок, туман, халат 2, абажур, бальное, бар, бриз, брошь, веранда, весёлый, ветер, вечеринки, вечерний, вечерок, вечер, восход, время, встречи, вылазка, выпускник, вязать, глинтвейн, горизонт, город, гость, гулянка, гулять, девушка, дела, дети, дом, дремота, дружинник, друзья, душ, душевный, еда, зарево, зубная паста, интимность, кальян, комары, компания, конец, костерок, костюм, кот, лунатик, лучина, любовь, милый, мрачность, набережная, небосвод, ночной, обед, огонь, осень, офигенный, парк, пирс, платье, полуночь, пора, праздник, проводить, прогулка, пятница, работа, рассказ, ресторан, романтика, сверчки, свет, семья, суббота, танцы, тени, тепло, тёплый, терраса, торшер, трактир, улица, умыться, упоение, уроки, усталость, уют, уютное местечко, фейерверк, фильм, фонари, холодно, целый, чаепитие, чай, часы, четверг 1.

В.2. Данные РАС

Теплый 67, тихий 49, утро 31, поздний 20, ночь 18, встречи, темный 17, отдыха 15, летний, темно 13, добрый 9, прекрасный, день, приятный 8, звезды, зимний, сумерки 6, встреч, луна, темнота 5, лето, поэзии 4, в Гаграх, закат, отдых, смеха, удачный, черный 3, бродит, в ресторане, вместе,

встреча, грустный, гулять, дискотека, долгий, женщина, звездный, испорченный, июньский, на рейде, настроение, наступил, незабываемый, новогодний, огни, отличный, песни, прохладный, скучно, танцев, тепло, туман, туманный, улица, хороший, хорошо 2, августовский, берег, близко, божественный, в деревне, в клубе, в лесу, в театре, весело, веселье, весенний, воздух, вокальной музыки, вчера, выпускной, грусть, гулянья, деревня, деревья, дивный, длинный, дождливый, дома, друг, Есенин, еще не, еще не вечер, женщины, закончен, занят, званный, звезды и луна, звезды на небе, зима, золотой, интересный, кино, клуб, книга, книга – знание, комары, конец, конец дня, красивый, кузнечик, курьезов, ласковый, лунный, любовь, май, мгновенный, мол, морока, Москва, мрак, мрачный, музыка, музыки, мягкий, на даче, на дворе, на юге, надежд, наедине, накануне, начался, наш, нежность, огонь, родной, ожидания, осенний, пасмурный, песни и танцев, подмосковный, покой, полумрак, постель, праздник, при свечах, приходит, приятность, провести, пропал, прохлада, радость, разлуки, ранний, с курсантами, свечи, свидание, свидания, свободный, секса, синий, скука, скучный, смеркается, снег, снежный, солнца, состоялся, спать, спокойствие, среди друзей, сумрак, сутки, танцы, телевизор, темень, тишина, толстый, тоскливый, трудного дня, тьма, у моря, удался, удивительно тихий, уже, утро лучше, хмурый, холодный, чудес, чудесный, школьных друзей, шоколад, юмора, юмора и сатиры в Останкино, ясный 1.

В.3. Данные САС

Теплый 52; *утро* 49; *ночь* 37; темный 32; тихий 24; закат 19; *день* 18; сумерки 17; темно 15; *встреча*, поздний 13; добрый, звезды 12; гулять, прекрасный 8; отдых 7; прогулка, холодный 6; летний, приятный, свидание 5; встречи, дискотека, длинный, луна, спать, темнота 4; *веселый*, зимний, поздно, при свечах, прохлада, тихо, тишина, ужин, улица, холод, хороший, *хорошо* 3; вдвоем, время суток, вчерашний, гулянка, долгий, друзья, заря, карты, комары, конец, майский, небо, огни, пиво, праздник, романтический,

свободный, спокойный, тоска 2; автобус, бал, бар, блеск, ближе к ночи, близится, братва, бродит, будет скоро, был, Валя, в Гаграх, в деревне, весело, веселье, весенний, вечеринка, в клубе, влечение, возбуждение, в поле, в раю, время жизни, гадкий, гитара, голубой, *город*, гости, двор, девушки, *дело*, день к концу, *деревня*, дождик, дождливый, дождь, до зари, долгожданный, *дом*, домашний очаг, дорога, *друг*, дует, дым, заход солнца, звездный, зима, идти, институт, классно, короткий, костер, красиво, *красивый*, красота, кучер, *лес*, лето, лунный, *любовь*, на рейде, настал, настанет, наступил, не вечен, нежный, никчемный, обед, обещание, *огонь*, он; отдых, прогулка; открытый, оттяг, парк, перед ночью, *пить*, пора, почему бы и нет, прекрасен, пришел, приятная компания, приятное время, пьянка, радостный, развлечения, розовый, романтика, сверчки, *свет*, свеча, секса, скандал, скучный, смерч, сова, солнце, соловей, сон, спокойствие, странный; сумерки, небо; сутки, телевизор, телек, темнеет, темный и холодный, тепло; теплый, весенний; тих, томный, тренировка, туман, тьма, тянется, у моря, уроки, уют, фонари, *черный*, чудесный, юмора, ясный 1.

ПРИЛОЖЕНИЕ Ж

Семантическая структура кауземы *ночь*

	Первичные семантические признаки	Метод вычленения компонентов значения			Вторичные семантические признаки	Метод вычленения компонентов значения	
		Дефиниционный	Дистрибутивный	Путем ремотивации производными словами		Дефиниционный	Дистрибутивный
Темпоральные	Отрезок времени	‘часть суток’					
	Следование во времени	‘после вечера’ ‘перед утром’					
	Цикличность	‘от заката до восхода’					
Квалитативн о-	‘температурный режим’		‘холод’	‘самое холодное время суток’			
	‘степень освещенности’	‘темнота, мрак’		‘самое темное время суток’,			
Квалитати вно-	‘состояние человека’			‘период сна’			
	‘состояние природы’		‘период покоя’				

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

АССОЦИАТЫ СЛОВА *НОЧЬ*

Г.1. Данные ненаправленного ассоциативного эксперимента

День 196, вечер 131, утро 124, луна 97, звёздная 85, звезда 64, темная 51, закат, темень 48, полночь 45, месяц 44, отдых, сумрак 42, темнота 40, фонарь 38, улица 35, звездопад, сны 33, мгла 32, кровать, освещение, темно 30, тишина 28, аптека, рассвет, спать 24, дискотека, потёмки 23, бессонница 21, холод 18, постель 16, костёр 13, вечеринка, лампа, мотылёк, одеяло, созвездие, тихо 12, дежурство, клуб, лунная, свет, туман 11, блеск, лунатик, полумрак, сова, сумерки 10, комары, пижама, сумрак, шторы 6, дремота, подушка, полутьма, призрак, салют, торшер 5, Млечный Путь, ночник, огни 4, вампир, затишье, полнолуние, романтика, сорочка 3, волк, гадание, занавески, любовь, маяк, мерцание, свечи, страшная, сутки, фейерверк, холодно 2, астрономия, беспокойство, ветер, время, город, гостиница, дождь, дом, дорога, дремать, затемнение, кабак, космос, кошмар, красиво, красота, лес, лето, лучина, люди, мрак, наступление, небо, небосвод, ночевать, облака, отбой, отель, охранник, ощупь, палатки, подворотня, пододеяльник, подсвечник, поздно, поход, прогулка, простыня, раскладушка, сказка, смерть, сновидение, солнце, страх, страшно, тайна тени, туманность, тусовки, тучи, тьма, ужас, утро, фары, часы, человек, чёрная, шабаш, шёпот 1.

Г.2. Данные РАС

Темная 132, день 63, темна 30, темно 25, звездная 19, звезды 17, темнота 14, тихая 12, коротка 10, длинная, луна, лунная 9, белая, дочь, перед Рождеством 8, пришла, теплая 7, прочь, сон, утро 6, глухая, тиха 5, долгая, звезда, и день, короткая, любви, на дворе, спать 4, постель, прошла, Рождество, светлая, темень, тишина, точь-в-точь, холодная, черный 3, без сна, безлунная, брачная, в степи, воздух, глубокая, желтоглазая, кино, кровать, любовь, нежна, прекрасна, светла, святая, сутки, хорошо, ясная

бархатная, бесконечная, благодарная, благодатная, блаженство, близка, будет, в душе, в лесу, в ночном, в полнолуние, вместе с девушкой, вокруг, гулкая, деревня, дерево, длинный, до утра, дом, дорога, друг молодежи, ель, женщина, живой, за полночь, звездной, Звенигород, июньская, какая, комната, короткий, костер, красивая, легла, Ленинград, летняя, лето, лунявая, люблю, люстра, майская, месяц (луна), может нам помочь, мочка, на Днепре, на земле, наедине, напролет, наступила, необычно, непроглядная, новогодняя, Новый год, одна, окно, отдых, отдых от рабочего дня, очень темна, первая, перед, песня, под Рождество, полночь, помощь, прекрасная, привидений, приятная, провести, пролетела, прохладная, пьяная, радость, рассвет, романтическая, свежая, светла и хороша, свиданий, сегодня, секс, синий, соловей, сплошная, спокойная, степь, страха, страшно, сумасшедшая, счастья, телескоп, темный, тень, тепло, терем, только моя, туман, ужас, ужасов, улица, ух, учить, хороша, хорошая, чаровница, черная, черная река, чернота, чудная, чья-то дочь, шесть, южная 1.

Г.3. Данные САС

День 105; темная 73; звезды 41; темна 37; луна, темно, темнота 24; сон 17; спать 12; звездная 11; утро 9; любовь 8; лунная, нежна 7; тьма 6; длинная, тишина, хорошо 5; вечер, длинна, короткая, секс 4; женщина, звезда, любви, мрак, отдых, постель, прекрасная, прочь, теплая 3; белая, веселье, время суток, встреча, гулять, долгая, коротка, кровать, летняя, месяц, на дворе, наслаждение, огонь, поздно, полночь, прошла, романтика, светла, сумерки, тихая 2; август, ароматная, бессонница, веселиться, в июле, влажный, возможность!, время гулять, в степи, глухая; Губин, отдых; девки, для влюбленных, для двоих, дождь, долга, дом, дорога, дочь, дробь, еще лучше, жизнь, забытие, звездный, зима, классно, костер, красива, красиво, лила, луна в реке, лучшее время, любовная; любовь, секс; маньяк, место жизни, мысли, наступает, одиночество, озеро, окна, перед Рождеством, под

луной, подруга, поздняя, праздник, праздника, прекрасна, пришла, пули, разврат, разговор, разговоров, свет, светлая, светло, свидание, сессия, скатерть, скрип, слишком темна, смерть, сова, Сочи, спальня, спокойствие, страсть, страх, страшно, тайна, темна и тиха, темное время суток, темнота – друг молодежи; темнота, любовь; тень, тиха, толпа; то, что надо; тревога, у костра, фонари; холодная, лунная; хороша, черная, чернота, черный, шикарная 1.

ПРИЛОЖЕНИЕ И
ТИПОВАЯ АССОЦИАТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА
С КАУЗЕМОЙ-НАЗВАНИЕМ ЧАСТИ СУТОК

	Интегральные семантические признаки	Каузема											
		<i>утро</i>			<i>день</i>			<i>вечер</i>			<i>ночь</i>		
		АСГ ₁	АСГ ₂	АСГ ₃	АСГ ₁	АСГ ₂	АСГ ₃	АСГ ₁	АСГ ₂	АСГ ₃	АСГ ₁	АСГ ₂	АСГ ₃
1.	Темпоральный блок ‘часть суток’	+			+			+			+		
2.	‘следование во времени’	+			+			+			+		
3.	‘отрезок времени’	+						+			+		
4.	‘период времени’	+						+					
1.	Квалитативно- темпоральный блок ‘степень освещенности’	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
2.	‘температурный режим’	+	+		+	+		+	+		+	+	
1.	Квалитативно- предметный блок ‘деятельность человека’	+	+		+	+		+	+		+	+	
2.	‘состояние природы’	+	+		+			+			+		